

СТРАНА И МИР

• das land und die welt • our country and the world • le pays et le monde • el pais y el mundo •

- ВОЗВРАЩЕНИЕ САХАРОВА
- ПРОИЗВОЛ С ОБРАТНЫМ ЗНАКОМ
- ЧТО СОБСТВЕННО ЗНАЧИТ МЫСЛИТЬ ПО-НОВОМУ
- АФГАНСКИЙ УЗЕЛ
- ПОКОЛЕНИЕ ПЯТИДЕСЯТИЛЕТНИХ
- ШТАНГА И СВАСТИКА
- ПОКОРСТВУЙТЕ ВЛАСТЯМ ПРЕДЕРЖАЩИМ
- ВОЗРОЖДЕНИЕ КАК ПУТЬ К ПРЕДАТЕЛЬСТВУ
- ПИСЬМО ТЕМНОГО ЧЕЛОВЕКА
- БРАТ ГИТЛЕР
- ТАК УБЕЙ ЖЕ ХОТЬ ОДНОГО
- КТО ЗАБЫВАЕТ ПРОШЛОЕ, РИСКУЕТ ПЕРЕЖИТЬ ЕГО СНОВА
- ГЕТЕВСКИЙ ЛОБ НАД ТЫСЯЧЕЛЕТИЯМИ
- СМЕРТЬ АНДРЕЯ ТАРКОВСКОГО

Ежемесячный общественно-политический, экономический и культурно-философский журнал "Страна и мир" издается в Мюнхене под редакцией Кронида Любарского, Бориса Хазанова и Вадима Меникера. Оформление Б.Рабиновича. Представители журнала: в США Марк Поповский, в Израиле Рафаил Шапиро. Корреспонденты журнала: Е.Фишер (Бонн), В.Кучинский, Г.Ферон (Париж), М.Филлимор (Лондон), Б.Вайль (Копенгаген), Я.Руссакис (Афины), Б.Шрагии (Нью-Йорк), П.Ростин (Рабат). Стоимость годовой подписки в Европе 60 нем. марок, в США, Канаде и Израиле — 100 нем. марок, в Австралии, Новой Зеландии и на Тайване — 110 нем. марок. Стоимость доставки включена в подписную плату; в неевропейские страны журнал доставляется подписчикам авиапочтой. Цена одного номера — 6 нем. марок. Подписка принимается перечислением на банковский или почтовый счет, а также в виде чека, высылаемого в редакцию. Мнение, выраженное автором, может не совпадать с точкой зрения редакции. Все права сохраняются за авторами. Непринятые рукописи возвращаются с письменной мотивировкой.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Политический дневник	1
Вести из СССР	6
<i>Р.Бахтатов.</i> Философия нищеты и нищета философии	12
Притча о мертвом дереве	27
<i>Самиздат.</i> Религиозное возрождение или капитуляция?	28
От публикатора	28
<i>С.Маркус.</i> Письмо священнику А.Меню	36
<i>Н.Лосский.</i> Несколько соображений по поводу письма С.Маркуса и текста "От публикатора"	46
<i>М.Болховской.</i> Третья попытка одного поколения	48
Виктор Астафьев — взгляд извне и изнутри. Переписка Н.Я.Эйдельмана и В.П.Астафьева	54
<i>В. П.</i> От московского читателя	58
<i>А.Ясаков.</i> Кое-что о прозе и публицистике Виктора Астафьева	59
Юрий Карабчиевский удостоен премии имени Даля	62
К 40-летию Нюрнбергского процесса	63
<i>Томас Манн.</i> Брат Гитлер	63
<i>И.Эренбург.</i> Обоснование презрения	68
"Тайна спасения именуется памятью". Речь федерального президента ФРГ Рихарда фон Вейцзеккера	72
<i>Б.Хазанов.</i> По ком звонит потонувший колокол	81
Письмо в редакцию	94
Содержание журнала за 1986 год	I—III

Das Land und die Welt e. V., Sendlinger Str. 37, D-8000 München 2, Federal Republic of Germany
Tel. (089) 2605046/ 2605047; telex 5218017 unbt d.

Deutsche Bank München, Konto 331 9613 (BLZ 700 700 10)

Postgiroamt München, Konto 223981-804 (BLZ 700 100 80)

ISSN 0178—5036

СТРАНА И МИР

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

Если вообще возможно пытаться выделить главное из того клубка тяжелых и трагических проблем, который оставили М.Горбачеву Л.Брежнев и его преемники-однодневки, то каждому на ум приходят сразу же два слова: Сахаров и Афганистан. Первый стал символом произвола во внутренней политике советского режима, второй — во внешней его политике.

Незадолго до Нового года "проблема" Сахарова была решена. Оказалось, что этот гордиев узел распутать чрезвычайно просто — взять и разрубить. Сахаров на свободе, и теперь Горбачеву предстоит показать, останется ли это только символическим жестом, или его руководство действительно хочет решать те серьезные внутриполитические проблемы, символом которых была ссылка Сахарова.

Сейчас появилась некоторая, пока еще слабая надежда на то, что может быть если не разрублен, то развязан афганский узел. В декабре в Москву "на ковер" был вызван новый афганский лидер генерал Наджиб. Результатом его поездки явилось сенсационное — или рассчитанное на сенсацию — новогоднее заявление генерала-генсека о прекращении огня, начиная с 15 января.

Наджиб заявил, что афганские войска будут в течение 6 месяцев оставаться в казармах и будут отвечать только на прямые нападения. Если муджахиддины присоединятся к прекращению огня, оно может быть продлено и на более долгий срок. Тем, кто добровольно сложит оружие, обещана амнистия. Наджиб намек-

нул также на возможность создания коалиционного правительства с некими неназванными "оппозиционными группами".

Для Наджиба его новогоднее заявление было кульминацией его войны слов, которую он ведет с самого своего прихода к власти. Уже не первый раз он говорит о новой конституции, о "правительстве национального согласия", об амнистии муджахиддинам, даже о возвращении в страну низложенного короля Мохаммеда Захир Шаха, ныне живущего в Италии (идея, которую сам король с иронической благодарностью немедленно отверг). Разъезжая по стране, Наджиб истово молится в мечетях, демонстрируя свою приверженность исламу (и "опиум народа" может быть полезен, если курить его в политических целях).

Никто, разумеется, не предполагал, что эти авансы Наджиба — проявление его собственной политической инициативы. Но мало кто и принимал их всерьез. Сейчас, однако, появились хотя бы надежды на то, что лед тронулся.

Сразу же за новогодним заявлением Наджиба о прекращении огня, 5 января в Кабул вылетели министр иностранных дел СССР Э.Шеварднадзе и А.Добрынин, бывший посол в США, ныне "курирующий" внешнюю политику в ЦК КПСС. Визит был откровенной демонстрацией поддержки Наджиба, демонстрацией того, что новогоднее предложение было разработано в тесном сотрудничестве с советским руководством, если не им самим вообще. Э.Шеварднадзе в Кабуле высоко оценил

предложение о прекращении огня и заявил, что вывод советских войск из Афганистана недалек, если "свободолюбивые ковбои" (очевидный намек на Рейгана) перестанут поддерживать "бандитов".

"Бандиты", вот уже 7 лет сражающиеся за свободу и независимость своей страны, немедленно отвергли предложения Наджиба. Они резонно указали, что в них ни слова не говорится о самом главном — когда же будут выведены из Афганистана советские войска. Более того — Наджиб в своей речи обошел молчанием даже то, распространяется ли прекращение огня на советские войска: Наджиб говорил только об "афганской армии". Мохаммед Наби Мохаммеда, представитель Исламского союза афганских муджахиддинов (ИСАМ), объединяющего семь повстанческих группировок, заявил: "Мы должны вести прямые переговоры с Советским Союзом. Пора им перестать прятаться за своих марионеток в Кабуле".

Проверкой серьезности советских намерений будет служить очередная тур переговоров между Афганистаном и Пакистаном, который начнется 11 февраля в Женеве под эгидой ООН. Шеварднадзе заявил, что в рамках этих переговоров может быть найдено политическое решение афганской проблемы. До сих пор эти переговоры топтались на месте. Советский Союз настаивал на том, что для полного вывода войск потребуются 3—4 года. Для Пакистана, косвенно представляющего интересы повстанцев и Запада, этот срок неприемлем. Пакистан настаивает на 3—4 месяцах.

Новогодние предложения Наджиба были встречены прохладно не только муджахиддинами, но и Пакистаном и США. Пакистан опасается, что Советский Союз использует прекращение огня и, возможно, некоторое сокращение своего воинского контингента в Афганистане, как способ отвлечь внимание от главного вопроса: полного вывода войск. Представитель госдепартамента США подчеркнул: "Если Советский Союз серьезно говорит о поисках урегулирования, он должен согласиться на краткосрочный план полного вывода своих войск из Афганистана".

Один из руководителей ИСАМ Мауляна Джелалуддин Хакани выступил в ответ на предложение Наджиба со встречным планом. Он предложил двух-трехмесячное прекращение огня, во время которого начинаются прямые переговоры между СССР и муджахиддинами. После этого начинается вывод советских войск и формируется приемлемое для обеих сторон временное правительство с полномочиями на год (до выборов). Войска ООН вводятся для наблюдения и гарантий отсутствия внешнего вмешательства.

Критический прием новогодних предложений не изменил и позиции Наджиба и его советских хозяев. 15 января было объявлено о вступлении в силу прекращении огня. В этот день Наджиб выступил на съезде Национального отечественного фронта с речью. В ней он — впервые за все время афганской войны — заявил, что афганское и советское правительство достигли соглашения, прокладывающего путь к полному выводу из страны советских войск.

Сколь бы ни было многозначительно такое заявление — хотя бы потому, что оно первое! — оно слишком неконкретно, чтобы его как-то оценить. Мало того, что никаких деталей не сообщается, сам Наджиб и его коллеги не перестают повторять, что перспективы вывода войск зависят прежде всего от позиции повстанцев: вывод возможен, только если повстанцы прекратят свои атаки. Условие, которое может оказаться для любого плана роковым.

В речи 15 января Наджиб еще более расширил свои новогодние предложения. Он объявил об амнистии дезертирам, если они вернуться, и об освобождении их на 6 месяцев от воинской службы; об амнистии политзаключенным — женщинам, подросткам и тем, чьи сроки меньше 5 лет (а прочим — по представлению новосозданных комиссий по национальному примирению). Наджиб повторил призыв к беженцам вернуться домой и объявил о плане по их размещению.

Следует признать, что это вполне конкретные шаги, нечто большее, чем протестная война слов. Видимо советское руководство с помощью Наджиба действительно

ищет какого-то способа выбраться из трясины, в которой оно завязло. И в то же время приходится констатировать, что первоначальная цель вторжения не оставлена. Советский Союз хочет по-прежнему видеть Афганистан своим сателлитом, неофициальной 16-й республикой СССР.

Говоря о коалиционном правительстве, Наджиб постоянно подчеркивает, что любая коалиция возможна лишь при условии признания "необратимости революционных завоеваний". Прекращение сопротивления оккупантам ставится предварительным условием прекращения оккупации. Похоже, что хотят лишь сменить оружие — ракеты и напалм на дипломатию. Если это так, это очень тревожно. А между тем, не мешало бы подумать о том, нельзя ли решить афганскую проблему так же, как была решена "проблема Сахарова": разрубив узел, просто взять и вывести войска.

Если горбачевское руководство боится "потерять лицо", то теперь уже ясно, что опасения напрасны. Пример с Сахаровым показал, что открытое исправление ошибки не снижает, а повышает престиж руководства. В американских империалистов и китайских шовинистов, только и ждущих, чтобы захватить Афганистан, никто уже не верит. Экономическое значение Афганистана для СССР близко к нулю (а пока идет война — отрицательно). Гибель десятков тысяч людей (советских солдат, если жизни афганцев советское руководство не заботят) будет предотвращена. Ну, особой любви после всего, что случилось, к нам в Афганистане не будет. Заслужили. Что ж, получим у южных границ хотя бы еще одну Финляндию.

Между тем советские позиции в Афганистане едва ли улучшатся. С одной стороны, с чисто военной точки зрения в 1986 г. советские и кабульские воска достигли некоторых успехов: муджахиддины, в течение долгого времени контролировавшие около 80% национальной территории, теперь контролируют только 70%. Оккупантам удалось в значительной мере

нарушить пути снабжения повстанцев, нанося удары по пограничным районам. Более всего страдало мирное население, но и муджахиддины терпели большие потери. Почти разрушен старинный Герат, где позиции партизан были сильны, тяжело пострадал Кандахар, муджахиддины понесли большие потери в районе Газни, к западу и северу от Кабула и в ряде других районов.

Но за это пришлось заплатить немалую цену. Мы не говорим уже о том, что в 1986 г. погибло 50 тысяч мирного населения. Сравним чисто военные потери. На 4 тысячи убитых в 1986 г. муджахиддинов приходится 4—5 тысяч погибших советских солдат, 10 тысяч бойцов афганских правительственных войск и милиционеров. Сбито 200 советских самолетов, подбито 1000 танков и бронетранспортеров. Сейчас, когда муджахиддины получили ракеты "земля-воздух" американского производства "Стингер" и британского — "Блоупайп", советская авиация начала нести большие потери.

115 тысяч человек советского "ограниченного контингента" и 30 тысяч правительственных войск увязли в войне так же надежно, как и 7 лет назад.

Внутриполитическая ситуация на афганских верхах также неблагоприятна. Если раньше правящая народно-революционная партия была расколота только на две соперничающие группировки — Халк и Парчам — то сейчас их четыре. Парчам после изгнания Кармалья (недавно он потерял последние, даже символические посты) расколота на кармалевцев и наджибовцев. Халк тоже потеряла единство. Часть ее группируется вокруг нынешнего министра внутренних дел Гулябзон, который поддерживает Наджиба (парчамовца). Прочие поддерживают д-ра Зераи, сторонника прежней линии Халк. Все это отнюдь не придает режиму устойчивости. В этих условиях мало утешения Наджибу и его советским хозяевам приносит даже раздробленность муджахиддинов и временные военные успехи 1986 г. Растет ощущение того, что пора кончать.

ПОЛОЖЕНИЕ В ПОЛЬШЕ

Сентябрьская амнистия и примирительные шаги властей вызвали некоторый разброд в оппозиции и в "Солидарности" в частности. Один из недавно амнистированных ведущих деятелей "Солидарности" Хенрик Вуец считает, что происходящее сейчас в Польше может привести к благоприятным результатам, но только если руководители "Солидарности" попытаются прийти к согласию между собой и если будут предприняты поиски положительных решений.

В середине ноября "Солидарность" была одновременно принята в два крупнейших международных профсоюзных объединения: Международную конфедерацию свободных профсоюзов (МКСП), которая имеет социал-демократическую ориентацию и насчитывает 80 млн. членов, и Всемирную конфедерацию труда, примыкающую к христианским демократам (15 млн. членов). В совместном заявлении, опубликованном в Брюсселе 19 декабря, обе организации отмечают, что этот шаг означает "признание и поддержку мирной борьбы польских трудящихся за демократию и профсоюзные свободы в Польше". Ежи Милевский, руководитель Координационного бюро "Солидарности" за границей, сказал, что это "дает "Солидарности" официальное признание в международных масштабах в такой ситуации, когда власти отказывают ей в признании внутри страны". Думается, что этот шаг поможет предотвратить намерение властей решительно стереть следы "Солидарности" с международной сцены и заменить ее

официальными профсоюзами. Видимо, именно такую цель имело заявление председателя этих профсоюзов Медовича на проходившей недавно сессии коммунистической Всемирной федерации профсоюзов (ВФП). Он предложил создать при Международной организации труда (МОТ) комиссию по вопросам сосуществования между различными профсоюзными объединениями. Разумеется, предполагалось, что в комиссии Польшу будут представлять официальные профсоюзы. С этой целью власти в последний момент приостановили исполнение намеченного было решения о выходе из МОТ, в знак протеста против критики со стороны этой организации за объявление "Солидарности" вне закона.

К настоящему времени новые местные представительства "Солидарности" созданы в 12 регионах страны. Этот процесс, как мы и предполагали, приостановился еще в октябре. Представительства созданы в четырех крупных регионах (Варшава, Катовице, Лодзь и Познань) и в восьми малых, которые и ранее не играли большой роли в движении. В период легальной работы Объединения было 39 местных организаций, так что в 27 регионах даже не было попыток возврата к открытой деятельности. Не создано ни одной отраслевой группы (ранее их было несколько десятков). Не вышли из подполья и комитеты "Солидарности" на предприятиях, за исключением металлургического комбината им. Ленина под Краковом (Новая Гута). Однако 23 ноября после собрания представителей крестьянских организаций, существовавших в 1980–1981 гг., было объявлено о создании открытого Комитета "Крестьянской солидарности". В большинстве случаев эти группы — не нелегальные организации, вышедшие из подполья, а новые структуры, которые не вели конспиративной работы, хотя и были достаточно известны своей деятельностью в оппозиции в 1980–1981 гг.

На этой почве возникли конфликты между деятелями подполья, которые не приобрели ни заслуг, ни авторитета в легальный период работы "Солидарности", но которым "Солидарность" обязана своим выживанием в условиях конспирации, и

теми деятелями легального периода, которые ранее ушли в тень, а теперь хотят вернуться к работе и полагают, что подполье должно им подчиниться. Чтобы избежать конфликтов, в некоторых регионах открытые представительства созданы путем назначения в них людей, не занимавшихся конспиративной деятельностью. Назначение осуществлено подпольными региональными комитетами. Такое решение сняло опасность того, что стремление к открытой работе обезлюдит подполье и приведет к его ликвидации.

Власти не изменили политики в отношении открыто созданных структур. Местные УВД публикуют официальные запреты, членов представительств вызывают на беседы и дают предупреждения. Пока ничего более. Возможность для репрессий создается, но сами репрессии пока не применяются. Видимо, власти по-прежнему считают полезной политику смягчения, начатую в сентябре. Их расчеты подтверждает приостановка создания открытых структур, происшедшая без особых усилий с их стороны. Кроме того, заявление о создании представительства "Солидарности" еще не означает действительного возврата к прежней деятельности. А к заявлениям власти привыкли. Только время покажет, каковы возможности открытой профсоюзной деятельности после сентябрьской амнистии.

Конфликты в оппозиции отражают различные взгляды на будущее страны. Спорят "эксперты" (группа варшавских интеллигентов, которые в 1980г. были консультантами Межзаводского забастовочного комитета в Гданьске), "КОРовцы", окружение Валенсы или Анджея Гвядзы, "радикалы", "соглашатели" и т.д. В целом наметившиеся разногласия следует скорее оценить как семейный спор людей, которые согласны в главном: они решительно отвергают коммунизм. Согласны они также в том, что решающее слово в польских делах принадлежит Советскому Союзу. Однако они по-разному оценивают его возможную реакцию на перемены в

стране. "КОРовцы" (если придерживаться приведенной выше терминологии) в период легальной "Солидарности" были склонны считать, что сведение коммунистической власти к роли "царствующей, но не управляющей" силы не спровоцирует интервенции советских войск. "Эксперты" считали, что СССР не согласится на то, чтобы реальную власть коммунистов в Польше поставили под сомнение, но может согласиться уступить часть власти независимым, но легальным организациям во главе с "Солидарностью".

Отсюда и разная тактика. "КОРовцы" были настроены скорее на борьбу с местными коммунистами, чем на объединение с ними против советского империализма; на смещение их с занятых ими позиций, а не на раздел сфер влияния; на стачку, а не на переговоры за круглым столом. Эта стратегия принесла хорошие результаты во второй половине 70-х гг., когда Герек погряз в долгах и не хотел терять лицо перед мировым общественным мнением. Такая ситуация помогла создать общественное движение в массовых масштабах. "Эксперты" настаивали на том, чтобы, оказывая на власти давление и добиваясь от них уступок, каждую такую уступку согласовывать с ними, не доводя их до потери лица. Эта стратегия победила в августе 1980 г., в дни создания "Солидарности". Тогда обе группы мирно сотрудничали, и обе концепции переживали дни своей славы. Обе они пережили и момент поражения в декабрьскую ночь 1981 г., в ночь военного переворота.

Кто прав сегодня? Может быть, ни те, ни другие, если общество после массовой политической активности впало в состояние тяжелого разочарования и пассивности.

Если переговоры идут в условиях, когда за спиной оппозиции не стоит готовое поддержать ее общество, то многого ожидать от переговоров нельзя.

В.Кучинский

А.Д.САХАРОВ В МОСКВЕ

8 декабря в Чистопольской тюрьме скончался Анатолий Марченко. Многолетний политзаключенный, рабочий и писатель А.Марченко погиб, отбывая свой шестой по счету срок, после 4-месячной голодовки с требованием прекращения издевательств над политзаключенными.

В следующем номере наш журнал посвятит Анатолию Марченко специальную публикацию.

Гибель Анатолия Марченко болью отозвалась и в душах тех, кто знал его лично, и тех, кто лишь слышал его имя — а таких было много во всем мире, ибо его книги были переведены на десятки языков и разошлись в миллионах экземпляров. Почтила память А.Марченко и Венская конференция по проверке выполнения Хельсинкских соглашений. Однако в траурную минуту советская (да еще болгарская) делегация вышла из зала.

Демонстративный уход однако не избавил от понимания, что смерть Марченко нанесла тяжелый удар по с трудом отстроенному новому "либеральному" облику Советского Союза. Естественным для советского руководства было сделать что-то, чтобы это трагическое событие было Западом поскорее забыто.

Вряд ли можно сомневаться в том, что освобождение А.Сахарова из горьковской ссылки обсуждалось и планировалось уже в течение долгого времени — может быть, даже с начала горбачевского правления.

Но можно не сомневаться и в том, что гибель Марченко ускорила это освобождение и во многом определила форму, в которой это было сделано.

Через неделю после смерти Анатолия Марченко, 15 декабря на горьковскую квартиру Сахаровых явился в сопровождении двух "сотрудников" телефонный техник и быстро установил телефон, которого у Сахаровых не было в течение всех семи лет ссылки. Уходя, "сотрудники" сказали: "Завтра в 10 утра ждите важный телефонный звонок".

В 10 не позвонили, а позвонили в три. Звонил М.Горбачев. Он сообщил А.Сахарову, что "принято решение" разрешить ему вернуться в Москву, а что его жена Елена Боннэр (Горбачев произнес ее фамилию неправильно) — помилована Указом Президиума Верховного Совета СССР. Разница не случайная: Е.Боннэр хотя бы формально была судима и получила бумагу с печатью, которой ей был определен 5-летний срок ссылки (оставим в стороне обоснованность этого приговора: Е.Боннэр, например, напомнила недавно, что судья на процессе ставил ей в вину заявления о том, что алкоголизм — серьезная проблема в СССР). Что же до А.Сахарова, то его просто схватили на улице и увезли в Горький. Не судимого не помилуешь, остается только великодушно "разрешить вернуться".

А.Сахаров вежливо поблагодарил, но сказал, что у него сейчас большое горе:

умер его близкий друг Анатолий Марченко. А.Сахаров напомнил, что еще в феврале 1986 г. послал М.Горбачеву письмо, на которое так и не получил ответа. В этом письме он призывал к политической амнистии и называл имена политзаключенных, освобождение которых он считал делом первоочередным. Первым в этом списке было имя Анатолия Марченко.

М.Горбачев сказал: "Мы многих уже освободили, но есть разные случаи", на что А.Сахаров ответил спокойно и просто: "Да, разные. И всех их надо освободить". И еще раз, когда М.Горбачев торжественно призвал его возвращаться в Москву и "возобновить свою патриотическую деятельность", А.Сахаров сказал: "Сейчас нет более патриотической деятельности, чем освобождение политзаключенных".

19 декабря А.Сахарова в Горьком посетил новоизбранный Президент АН СССР Гурий Марчук. 22-го вечером А.Сахаров, Е.Боннэр выехали в Москву.

Утром следующего дня на Ярославском вокзале А.Сахарова встретила огромная толпа. Советских официальных лиц не было, но среди сотен собравшихся корреспондентов были и советские, в том числе советская телевизионная группа. Правда, ни в газетах, ни на телевидении гласность не зашла еще так далеко, чтобы сообщения с Ярославского вокзала были доведены до сведения населения. Советские журналисты писали, очевидно, для архива.

Но друзья, знакомые, просто любопытствующие и прежде всего иностранные корреспонденты буквально осадили чету А.Сахаровых. Триумфальный путь — по сантиметру — от вокзала до квартиры на ул. Чкалова занял почти час. Отвечая на град вопросов, которыми засыпали его корреспонденты, А.Сахаров вновь призвал к полной политической амнистии, осудил интервенцию в Афганистане. О себе он сказал, что намерен вернуться к научной деятельности в АН СССР (и действительно, уже на другой день участники семинара в Институте физики встретили его аплодисментами), но что будет продолжать и свою общественную деятельность, А.Сахаров подчеркнул, что освобождение

его из ссылки не было связано никакими обязательствами: он волен вести себя так, как сам считает нужным.

Пока, кажется, советские власти с готовностью демонстрируют "полную свободу" А.Сахарова. В квартире его не иссякает поток гостей, корреспондентов в первую очередь, не умолкает телефон. А.Сахаров дает интервью одно за другим. В начале января он дал длинное интервью по телефону через океан даже пресловутому "Голосу Америки", и телефон при этом ни разу не отключили. Более того: для интервью двум американским телекомпаниям в конце декабря Гостелерадио предоставило свою студию в Останкине, и изображение и голос А.Сахарова через спутник связи шли без всякой цензуры на телеэкраны в квартиры американских граждан.

Это прекрасно. Менее прекрасно то, что единственное официальное советское сообщение об освобождении А.Сахарова было сделано не для советских граждан, а чиновником МИД для иностранных журналистов. Менее прекрасно то, что интервью в Останкинской телестудии на советские телеэкраны не пошло. Менее прекрасно то, что интервью, взятое (все-таки!) у А.Сахарова "Литературной газетой" в начале января, так и не опубликовано (как не опубликовано вообще ни одно сказанное или написанное за это время слово А.Сахарова).

Освобождение А.Сахарова — огромное и радостное событие для всех нас: ведь было время, когда имелись все серьезные основания опасаться даже за жизнь Андрея Дмитриевича. Но это далеко не все, что можно сказать по этому поводу. Мы публикуем ниже комментарий американского журналиста Чарльза Краутхаммера, который анализирует это событие с иной стороны. Редакция полностью разделяет высказанный им взгляд.

Помилование как показатель тирании

В 1982 г. в Албании были проведены выборы, на которых вождь коммунистической партии Энвер Ходжа победил большинством в 1 627 959 голосов против 1.

Решительная победа. В то время я подумал, что нашел ключ, который столь долго искали классики политической философии: надежный показатель тирании.

"Показатель Тирании" (по имени албанской столицы) связывает степень репрессивности режима с избирательным успехом. Чем выше успех, достигнутый на выборах правящей партией, тем тираничнее режим. На одном конце спектра находятся такие страны, как Албания, Советский Союз и Сирия, где 99% голосов "за" являются нормой. На другом — раскованные полуанархические государства, такие, как Италия, где небезопасно водить машину, и где правящая партия никогда не набирает и половины голосов.

Посредине лежат упорядоченные демократии, вроде Соединенных Штатов (где победа достигается максимум 60% голосов), и умеренные автократии, наподобие Мексики, претендующие на 70%, но не более, из опасения вызвать обоснованное замешательство.

Несколько недель назад "показателю Тирании" был брошен вызов: появился конкурент на название. В условиях сильнейшего продовольственного и энергетического кризиса Румыния провела референдум. Результат: 17 699 772 румына голосовали "за", против не голосовал никто. Сухой счет. Известный претендент на честь называться самым репрессивным государством на Земле (в Румынии все пишущие машинки должны быть зарегистрированы в полиции) провел, пожалуй, самые совершенные выборы из когда-либо имевших место.

"Показатель Тирании" доказал свою надежность. Но события, происшедшие незадолго до Нового года, убедили меня в том, что при всей его точности и изяществе следует изучить и другую меру тирании, еще более тонкую и наглядную. Назовем ее "показателем помилования": чем более беззаконен, капризен и деспотичен режим, тем более он расположен пользоваться властью миловать.

Перед Новым годом было помиловано множество людей. Наиболее знаменито помилование Сахарова. Михаил Горбачев позвонил Андрею Сахарову и освободил его из горьковской ссылки, куда Сахаров был

отправлен столь же произвольно, как сейчас был из нее возвращен. Его жена Елена Боннэр была формально помилована за свою "клеветническую деятельность".

В Никарагуа Юджин Хазенфус, приговоренный Народным трибуналом к 30 годам тюрьмы, отбыл в ней 10 недель, после чего его, в качестве рождественского подарка, положили в чулок сенатора Кристофера Додда, возвращавшегося к себе в Висконсин. Увлеченные тем же рождественским духом, террористы, называющие себя Организацией революционной справедливости, выбрали Ореля Корнеа, одного из пяти французов, захваченных в Ливане в качестве заложников, и освободили его.

Помилование — прекрасная вещь, особенно если вы — тот, кого помиловали, и особенно, если вы, подобно Сахарову и Корнеа, совершенно безвинны. Что касается Хазенфуса, то его можно рассматривать и как преступника, и как военнопленного, в зависимости от того, считаете ли вы его участником гражданской войны.

Но с точки зрения политики или права — помилование — это обман. "Любая абсолютная власть, — сказал философ XVII века — обладает неотъемлемой привилегией миловать". Но верно и обратное: любая власть, обладающая неотъемлемой привилегией миловать — абсолютна. Логика помилования заключается в том, что справедливость рассматривается как подарок, который дает тебе власть. Это делает из свободы поблажку, пожалование, акт озарения. То, что задумывалось как проявление гуманности, часто оказывается лишь демонстрацией цинизма и произвола (почему помилован А, а не Б?) ради достижения политических целей.

Посмотрите на способ, которым советские власти объявили об освобождении Сахарова. Он выдает истинные цели этого жеста: произвести впечатление не на советское население, а на Запад. Сообщение об освобождении Сахарова было сделано впервые представителем советского Министерства иностранных дел. Это все равно, как если бы Джордж Шульц, государственный секретарь США, объявил о помиловании осужденного убийцы.

Столь же одностороння и свобода речи, дарованная вслед за этим Сахарову. Он появился на экранах американских телевизоров, но пока еще не на московских.

В демократических странах помилование должно использоваться экономно, не для демонстрации милосердия, но для устранения очевидных ошибок правосудия, которые иным способом исправить нельзя. Лишь в редчайших случаях оно может заменять действие обычного правосудия. Свободные страны имеют для этой цели другой механизм. Он называется законом.

Беспорядочное распределение милосердия — это не показатель политической либерализации, а всего лишь один из отличительных признаков тирании — наподобие выборов, проведенных с идеальным счетом. ●

Чарлз Краутхаммер

ПРОКЛЯТАЯ КВАРТИРА

Московское экскурсионное бюро открыло новый маршрут — "Михаил Булгаков в Москве". Путешествие начинается на Патриарших (ныне Пионерских) прудах, где некогда два незадачливых литератора познакомились с невесть откуда явившимся консультантом по вопросам черной магии... Затем экскурсанты посещают Кузнецкий мост, с которым связаны первые шаги писателя в литературе, проезжают мимо известного всем москвичам дома страхового общества "Россия" у Среденских ворот, где Булгаков работал в Главполитпросвете, мимо Литературного института, знакомого читателям под именем "Дома Грибоедова", и так далее. Семьдесят московских адресов связано с биографией и творчеством М.А.Булгакова. В Большом Гнездиновском переулке находилась редакция газеты "Накануне"; по-видимому, в этом же переулке, "узком, как щель", Мастер впервые встретил Маргариту. Рядом, в Леонтьевском переулке (ныне улица Станиславского), шли репетиции пьесы "Дни Турбиных". В доме № 35-а по Большой Царицынской улице, которая с 1919 г. называется Большой Пироговской, были написаны роман и пьеса о Мольере.

Государство убивает двух зайцев: зарабатывает на популярности писателя и од-

новременно внушает простакам, что с Булгаковым все в порядке; он был добропорядочным советским литератором, жил в мире и дружбе с советской властью, благодаря ей создал свои произведения.

Впрочем, экскурсоводы показывают не все памятные места. Знаменитую квартиру № 50 в доме 304-бис (Садово-Кудринская, 10) они объезжают стороной. В чем дело? В этой квартире поселяется Воланд со своими спутниками. Здесь происходят удивительные события, великий бал у Сатаны и разговор Воланда с мастером и его подругой. Здесь, в этом же доме Михаил Булгаков писал принесшую ему столько бед "Белую гвардию"... Лет двадцать назад кто-то разыскал квартиру № 50, и вскоре подъезд и лестничные площадки от первого до пятого этажа покрылись рисунками и надписями. "Жизнь надо прожить так, чтобы если придет Воланд, он пришел к Мастеру и Маргарите". — "Воланд, возвращайся скорей и наведи порядок!" — "Свободная Россия"... О злополучном доме имел неосторожность упомянуть корреспондент "Известий", и последствия были самые печальные: явились маляры и все замазали — надписи, вид Иерусалима, портреты мессира Воланда, кота Бегемота, прокуратора Иудеи Понтия Пилата. Правда, через неделю все было восстановлено. Но отношение блюстителей порядка к проклятой квартире и по сей день точно такое же, как во времена, когда происходит действие романа. Теперь в квартире, забаррикадированной железной дверью, разместилось проектное бюро, напротив живут милиционеры, а перед подъездом прохаживаются "люди в штатском". Недавно было решено отдать дом Военно-политической академии имени Ленина для общежития, куда вход, разумеется, — только по пропускам. "Общественность", в свою очередь, подняла "кампанию в защиту", требуя устроить в квартире музей и водить туда экскурсии наподобие вышеописанных. Что лучше, право же, сказать трудно. Как бы то ни было, квартира, где "всегда было нечисто", поистине оправдывает свою репутацию.

С. Черток

НЕ ТОЛЬКО В АЗИИ

Наш журнал уже неоднократно писал о зарождении в Советском Союзе профашистских настроений, появлении неофашистских организаций (1984, № 1–2; 1985, № 5). За прошедшее со времени этих публикаций время сообщения о существовании фашистов в нашей стране продолжали поступать. Правда, в прошлом и в этом году открытых выступлений, наподобие печально знаменитых демонстраций на Пушкинской площади, не было. Зато появились признаки того, что профашистские симпатии нашли себе иной выход: происходит своеобразное сращивание "низового" движения экстремистской моло-

дежи и той части официальных "верхов", которые продолжают делать ставку на силу, на культивирование имперских страстей. Этому посвящена публикуемая ниже заметка Александра Рубченко, только что полученная из Советского Союза.

А.Рубченко упоминает основателя "советского колониального романа" Александра Проханова. О его творчестве наш журнал тоже писал (1985, № 12). Заметим, что это тот самый А.Проханов, которого Сергей Маркус, автор публикуемого в настоящем номере письма, предлагает считать "анонимным христианином".

7 мая сего года Н.Храмов и я, инвалид с детства – члены неофициальной московской Группы за установление доверия между Востоком и Западом – внешне беспричинно были избиты группой неизвестных лиц в оживленном месте в центре Москвы. Нам были нанесены переломы, у Храмова разбитыми стеклами очков было рассечено лицо. Проходившее в итоге судебное заседание по делу о хулиганстве показало, как традиционно не расположенный к потачкам суд способен снисходительно отнестись к организатору преступления, если последний подготовлен для отправки после воинского набора в Афганистан. Защита обвиняемого А.Маликова, кстати, не арестованного после совершения преступления, строилась на том, что он приписан к войскам "спецназа" и скоро "сознательно отправится выполнять свой интернациональный долг в Азии". Суровая судебно-карательная машина смягчилась, ознакомившись с похвальными грамотами и отличиями за меткую стрельбу, за окончание автошколы ДОСААФ, которыми был отмечен подсудимый. По приговору суда он остался на свободе. В нарушение всех процессуальных норм нам запрещали вести записи во время судебного рассмотрения дела.

Возникновение у нас целого ряда молодежных формирований откровенно фашистского толка подтверждает самые худшие опасения относительно длительного нравственного урона, наносимого ведущейся вот уже почти семь лет войной в Афганистане. Ныне, как это было в Кирове с привлечением средств массовой информации, организованные ветераны войны в Афганистане проводят официальные встречи, поучая юношество, заверяют, что и на "гражданке" они чувствуют себя мобилизованными к решительному вмешательству в дела общества. Стремительно овладевшие массовым экраном, героизирующим похождения удачливых, не знающих поражений наших соотечественников за много тысяч километров от Советского Союза, образы очень скоро найдут своих подражателей (фильм "Одинокое плавание", 1986 г.). Должны вызывать восхищение и литературные герои, носящиеся по горному Салангу на бронетранспортерах, поводящих стволами пулеметов вокруг (А.Проханов. "Светлей лазурь"). Появление объединений по признаку "товариществ по оружию" бывших военнослужащих, называемых "зелеными фуражками" (погранвойска КГБ), "десантниками", "афганцами", выражает охранительные чувства тех, кто боязливо следит за пугающими идеями, рвущимися сквозь створы "железного занавеса". Не без влияния эмфатических ноток, отчетливо слышимых сейчас в печати, по радио и телевидению, когда речь заходит о военно-патриотическом воспитании молодежи, явно сориентированном на войну в Афганистане, воцаряется культ армейской подтянутости, собранности, агрессивной силы, презрения к незащищенной духовности. Молодежная "Смена" может негодовать по поводу поведения "скинхэдс" в ФРГ, и здесь же предлагает поразмышлять над письмом читательницы Гурвич из Андижана, которая восхваляет максимализм, "который проявляют сейчас парни, называемые "афганцами", понюхавшие порохи и хлебнувшие лиха и своего, и чужого в Афганистане" (№ 20, октябрь 1986 г.).

Мрачную известность приобрели молодчики из города Люберцы Московской области, где они объединены в культуристские секции в рамках допризывной подготовки при патерналистском отно-

шении к ним властей. Спесивое любование натруженным гимнастическими снарядами торсом в сочетании с прививаемыми взглядами находит выражение в отвратительной ксенофобии, в ненависти к западной культуре, к людям, не желающим жить согласно уставным нормам подробно регламентированного существования. Сбившиеся в шайки по 50–60 человек, сосредоточенные на центральных улицах, они зверски избивают тех, у кого заметили значок с пацифистской эмблемой. Бьют и тех, кто носит вещи с западной маркировкой, которые все еще остаются желанным объектом обладания для значительной части молодежи (согласно данным, приводимым И.Смирновой в статье "Сколько стоит мода" в "Советской культуре" от 9 апреля 1986 г., 22% групповых краж, грабежей и разбойных нападений совершаются ради модной западной одежды).

Группа, состоящая даже из нескольких человек, не ускользнет от внимания всевидящей милиции. Здесь же встречающиеся на каждом шагу милиционеры уходят при появлении выстроенных бесчинствующих колонн, часто стекающихся к зданиям ЦК КПСС или ЦК ВЛКСМ. Люди старшего возраста открыто руководят действиями погромщиков, которые по их указанию избирательно расправляются с юными сторонниками мира, с представителями различных молодежных религиозных течений, частые встречи которых вызывают беспокойство властей. В ход идут лыжные палки, цепи, перебрасываемые ватаги штурмовиков регулярно, безбоязненно избивают пацифистов в кафе "Турист" на улице Кирова в центре Москвы. Их цели, как бы ни старались они выглядеть рядовыми хулиганами, удивительным образом отвечают содержанию очередной директивной кампании по борьбе с той или иной "идеологической диверсией". Если В.Федулов – начальник штаба КООДа (Комсомольского оперативного отряда дружинников) Фрунзенского района г. Москвы – в популярной телепрограмме "Мир и молодежь" 26 июня 1986 г. похваляется изъятими у любителей тяжелого рока фотографиями ведущих музыкантов этого направления, цепочками и браслетами, значит громилы будут терроризировать преследуемых комсомолом "хэвиметаллистов". На мой взгляд, невелика разница между выводимой на стенах штангой – эмблемой люберецких парней – и свастики. И может ли удивлять занесенная над головой желающих слушать западную музыку штанга, если в кафе не обслуживают молодых людей, чрезмерно увлеченных западной модой, а сотрудники КООДа старательно срезают с задержанных фирменные этикетки-флаги "враждебных государств". Целевые рейды, принудительное анкетирование, проводящиеся комсомольским отрядом "Березка", специализирующимся на борьбе с пацифизмом, нередко сопровождаются хулиганскими вылазками. 16 мая этого года совершенно дикому нападению с дрекольем подверглись пацифисты в подмосковной Купавне, где был разбит палаточный лагерь. Не прекращающиеся варварские нашествия в дом члена Группы доверия В.Смирнова по сути лишили его крыши над головой. Сначала был совершен поджог, позднее разрушенное пожаром жилище методично оскверняли, разворовывали имущество инвалида II группы Смирнова, оказывавшего также различную помощь Инициативной группе защиты прав инвалидов.

Почему наиболее притягательной мишенью для садистских упражнений становятся инвалид, тяжело припадающий на ногу, беззащитная девушка-художница с этюдником, человек с доброй, интеллигентной наружностью?

Важно уяснить себе, сколь опасен моральный климат строящегося на военную ногу государства. Не осуждаемая публично подлость обрекает нас на привыкание к самым безнравственным порождениям непроницаемого к духовному воздействию массового сознания. Подобная терпимость к такого рода явлениям свидетельствует о живучести враждебных чувств к западному миру, о неизменности настроений холодной войны. Задача предельно облегчена уже и потому, что неумолчное глушение западных радиопрограмм не дает поблекнуть образу врага. Когда присутствует необходимость сохранить дух воинственности, возникает угроза тем общественным процессам, которые позволили произойти разрядке 70-х гг. Ведущиеся войны сообщают любому обществу имморальную тенденцию. Неужели эпоха потребовала появления головорезов, способных, не омрачая себя излишними рассуждениями, проламывать головы, топтать калек? Но это означало бы, что они еще властно заявят о себе при жизни последующих поколений, и не только в Азии...

Москва, ноябрь 1986 г.

Александр Рубченко
140003, Московская обл.,
г. Люберцы-3, д. 38, кв. 36

Комментирует Ф. Бахтамов

Рисунки Т. Кофьян

I.

О философии, психологии и проходном дворе. – Материал, которого нам не хватало. – Даже среди биндюжников. – Представить себе ему не дали. – Сухая, как пустыня Сахара. – Выше вершины. – Сфера уголовного права. – Предшественники.

Первая моя попытка приобщиться к таинствам величественного храма философии закончилась странно. Минуло более четверти века, а я до сих пор помню февральское тусклое утро, огромный проходной двор по улице Кирова, грязно-желтый ноздреватый снег. И большого, импозантного, благородно седоватого человека (главного редактора почтенного журнала), который объяснял мне, почему моя статья не может быть напечатана.

– Ну, я трус. Да, да, трус. Теперь, надеюсь, вам ясно?

Ясно мне не было, мне было стыдно. Я и у Достоевского пропускаю такие места. Черт с ней, со статьей. Подумаешь, напишу другую (писал я, по молодости лет, быстро), только бы понять, в чем дело. А я не понимал.

В журнале меня печатали охотно. Даже и материалы острые, рискованные, с критикой весьма солидных персон. Но как раз в этой статье никакой критики не было. Статья называлась "Открытия и изобретения в системе производства" и была посвящена анализу самого процесса развития общества. Строго говоря, в статье просто конкретизировался известный марксистский тезис: "развитие общества начинается с изменения производительных сил, самым подвижным, революционным элементом которых являются орудия производства".

Но орудия труда, рассуждал я, сами собой не меняются, их меняет человек. Следовательно, процесс развития начинается с человека – с изменения его знаний, навыков, опыта. Однако рост индивидуального опыта мало отражается на развитии всего общества. Воздействие это становится определяющим только тогда, когда новые идеи овеще-

ствляются в орудиях труда и тиражируются в миллионах экземпляров. С этого момента у людей, занятых в производстве, нет выхода: они должны либо научиться работать на новых машинах и, значит, усвоить заложенный в них опыт, либо уйти из производства. Приобретая же новые знания, люди меняются. Изменяются орудия труда и людей, приводящих в движение эти орудия и осуществляющих процесс производства, и есть прогресс, развитие...

В редакции статью встретили с энтузиазмом. "Именно такого материала нам не хватало: широкого, обобщающего, — сказала мне заведующая отделом. — Пойдет в ближайшем номере".

Это было в январе 1960 года, а в мае мне объяснили, что статью направили на отзыв академику М. "Знаете, на всякий случай".

Я покивал головой, понимая, что это конец. Официально М. именовался философом-марксистом, но знаменит был своими зубодробительными статьями. Стоило кому-то высказать новую идею — все равно, в физике, биологии или истории Древнего Египта — М. немедленно усматривал в ней искажение марксизма. В общем, как сказал классик, даже среди биндюжников он прослыл хулиганом.

И вдруг — положительная рецензия. Читая, я прямо-таки протирал глаза — этого не могло быть! И все-таки было. Правда, в отзыве явственно ощущался зубовный скрежет. Все это в общем виде сказано Марксом (цитата), именно это имел в виду Ленин... Но вывод — печатать! Только позднее я сообразил, что в те, хрущевские, времена академику с его репутацией совсем не вредно было показать, что и он не чужд новых веяний.

Меня поздравляли, но как-то не очень уверенно. Похоже, в редакции не ожидали такого подвоха. Прошло лето, осень — статью не печатали. И вот в феврале главный редактор пригласил меня прогуляться...

- Но ведь в статье ничего нет, она же чисто теоретическая, — робко промямлил я.
- В том-то и дело. Это философия.
- Ну уж и философия... И потом, если такой ортодокс, как академик М...
- Академиков не снимают, — сказал главный жестко. — Снимают редакторов. А у меня семья.

Прошло всего несколько месяцев, и я убедился, насколько он был прав. Мой добрый знакомый, сотрудник известного научно-популярного журнала, решил объяснить молодежи, как важна для ученого фантазия, способность мечтать. Статья начиналась так: "Представим себе, что ученые не умеют мечтать..."

"Представить себе" ему не дали. Весь тираж (сотни тысяч экземпляров) был арестован, объединенными усилиями редакции и типографии из журнала изъяли четыре крамольные страницы и заменили их другими. Вопрос обсуждался на секретариате ЦК. Стараниями добросердечной Фурцевой (вот оно, сердце женщины!) дело ограничилось тем, что автора сняли с работы и дали ему строгий выговор от ЦК. Много лет потом человек бедствовал, печатал статьи под именем жены, бабушки, знакомых. Срок выговора давно истек, но никто не знал, как его снять. Не может же парторганизация ЖЭКа отменить решение ЦК!

Первого октября сего года в Большом Кремлевском дворце открылось Всесоюзное совещание заведующих кафедрами общественных наук. Присутствие на совещании пол-

ного синклита Политбюро, вступительная речь М. С. Горбачева, доклад, с которым выступил второй человек в партийной иерархии Е. К. Лигачев, наконец, само название доклада "Учить по-новому мыслить и действовать" — все это свидетельствовало, что нынешние советские руководители придадут проблеме сверхважное значение.

Их можно понять. В последних выступлениях генерального секретаря отчетливо звучит одна идея: перестройку надо начинать с психологии, с ломки устоявшихся стереотипов. По поводу самой идеи можно спорить. Но если Горбачев намерен производить перемены в рамках существующей хозяйственной системы, тогда в его подходе — с упором на сознание — есть логика. Ну, а кто же может научить людей мыслить и действовать по-новому, как не философы, или, говоря языком штатного расписания, специалисты в области общественных наук?..

Предполагается, очевидно, что все дело в *установке*. Конечно, что греха таить, до сих пор эти специалисты учили студентов мыслить (а, следовательно, и сами мыслили) по-старому. Но теперь... А что теперь? Не станем касаться столь интимной и тонкой материи, как перестройка сознания. Допустим, эту непростую проблему совещание решило. Гораздо труднее понять, что это, собственно, значит: мыслить по-новому?

В речи на совещании Горбачев попытался объяснить. Он цитирует Маркса: диалектика — "ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна"; ссылается на Ленина: "Первая обязанность тех, кто хочет искать" путей к человеческому счастью", — не морочить самих себя, иметь смелость признать откровенно то, что есть".

Такова теория. А вот практика: "Скажу прямо и откровенно: существующая пока постановка и формы, методы преподавания общественных наук в немалой степени способствуют тому, что мы называем догматизмом, схоластикой... Сложилась парадоксальная картина: самое интересное и увлекательное в современном научном познании — человек и общество, законы их развития, противоречия, борьба классов, строительство нового мира, устремленность человечества к идеалу, обретение истины и героизм трудового созидания — превращается нередко в лекциях, да и в учебниках, в нечто скучное, казенное, формальное".

Выходит, виноваты лекции, конспекты, учебники? Ох, если бы все обстояло так просто, если бы виновато во всем было только преподавание! Беда в том, что отстают общественные науки, та самая теория, которая должна "обогатить наши представления о диалектике производительных сил и производственных отношений, социалистической собственности, кооперации, народном самоуправлении и демократии, о развитии общественного сознания, причинах и путях преодоления негативных явлений, да и многие другие".

Короче, везде, где можно и где нельзя, теория либо молчит, либо мешает. И хотя Лигачев, следуя написанному, но жесткому закону системы, упоминает о неких "достижениях в философии, политической экономии, исторических науках", ясно, что это всего лишь риторическая фигура, этакое речевое па. Столь же ясно, что сухая, как пустыня Сахара, советская идеологическая нива всерьез тревожит нынешнее руководство. "У меня нет готовых рецептов в экономике", — сказал Ю. В. Андропов. "Ни у кого не только в Хабаровске, но и в Москве... готовых рецептов — как нам обеспечить задачу ускорения — нет", — вторит ему М. С. Горбачев. ЦК и Совет Министров принимают постановление о борьбе с нетрудовыми доходами, а оно почему-то действует

не в том направлении; устанавливают твердые цены на рынке, а люди оказываются без овощей.

Самое время, засучив рукава, взяться за разработку теории. Тем более, что проблем, ждущих решения, хватает — они прямо-таки толпятся у входа в коммунизм. Например. Если не сознание людей определяет их бытие, а наоборот общественное бытие определяет сознание, то почему перестройку надо начинать с психологии? Или как совместить главную идею современности, идею мирного сосуществования с историческим указанием основоположника: "Социалистический пролетариат России будет всеми силами и всеми находящимися в его распоряжении средствами поддерживать братское революционное движение пролетариата всех стран"? Или: почему на семидесятом году советской власти "всем нам надо учиться жить в условиях демократии"; в каких же условиях мы жили до сих пор?

Хорошо, пусть все это частности. Главное для нас — научиться мыслить свободно, отказавшись от привычных стереотипов и догм. Снова перечитываю программную речь Горбачева на совещании: марксизм-ленинизм "является вершиной и сгустком трепетной человеческой мысли..."

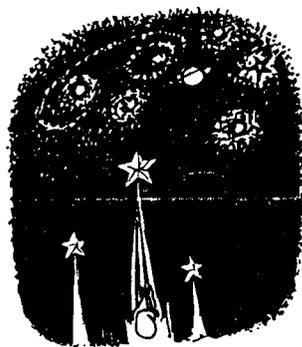
Сказано, конечно, ярко. Но что получается? Если вершина уже достигнута, чем же должна заниматься философия, куда стремиться трепетной человеческой мысли? Скажут: вширь и вглубь. Но кто может указать мысли дорогу и свободна ли мысль, если ее предел, итог задан заранее? И как быть с диалектикой, которая "ни перед чем не преклоняется"? Значит, все-таки преклоняется, ибо что же выше вершины — разве воздух да межзвездная пыль...

Работа ученого — задавать вопросы природе или, еще шире, любому объекту, который он берется исследовать. Конечно, сам он может думать что угодно, но, если он ученый, он обязан честно фиксировать полученные ответы. Положим, анализируя закономерности развития общества, ученый пришел к следующим выводам. Классическая теория Маркса не соответствует новым фактам. Коммунизм неосуществим принципиально. Экономическая система, опирающаяся на одну (государственную) форму собственности, неэффективна и задерживает прогресс. Порядок выборов, при которых нам предлагают выбирать из одного, противоречит и самому понятию, и природе человека. Так вот, что делать с этими выводами?

Не надо меня уверять, что все эти выводы — уже по условию — абсурдны, нелепы, невозможны. Никто, в том числе и Маркс, не ввел таких запретов, какие налагает, например, второй закон термодинамики. Законы, заранее налагающие запрет на движение "трепетной человеческой мысли", относятся к сфере не философии, экономики или социологии, а уголовного права.

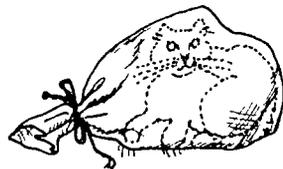
Разумеется, значение этой сферы не стоит недооценивать. Может быть, в развитии мировой науки роль уголовного кодекса и не столь существенна, но в контексте простой человеческой жизни воздействие карательной науки весьма ощутимо. Не потому ли все наши открытия в философии свелись к подбору наилучшего эпитета для социализма — зрелый, развитый, цельный, реальный; в экономике — к "закону" все более полного удовлетворения (при постоянном дефиците) непрерывно растущих потребностей народа; в социологии — к "стратегического значения выводам о возрастании роли социальной среды, о расширении демократии... гласности как нормы жизни и развитии социалистического общества" (Е. К. Лигачев).

Я готов допустить, что в условиях социализма расширение критики и гласности (включая право городской газеты критиковать бывшего прокурора района) и в самом

деле имеет фундаментальное значение. Но, боюсь, остальной мир этого не оценит, ибо сходные выводы уже встречались в ранее опубликованных работах Аристотеля, Сократа, Дидро, Монтескье...

Что ж, мы так-таки и не внесли ничего нового в бесценную сокровищницу марксизма-ленинизма? Конечно, внесли! Да, с продуктами у нас плохо; да, многих товаров все еще не хватает; да, добрая четверть населения страны нуждается в жилье. Но зато у нас есть (или скоро будет) то, чего не было и нет ни у кого в мире — *социальная справедливость*.

II.

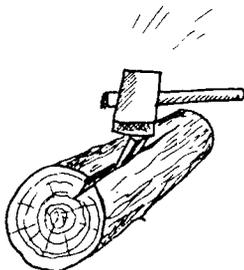
Слово сказано. — Апофеоз справедливости. — Дефициты: опыт классификации. — Против брюзжания. — Новый род войск в составе армии? — "В возмещение за ограниченность..." — Три подхода. — Собственное отрицание. — Ох уж эти классики. — Притча о коньяке и пустыне. — Высокое искусство манипулирования. — Не проходите мимо. — Сила рубля. — Ветры иных широт.

Если не ошибаюсь, термин "социальная справедливость" возродился из небытия в феврале 1984 года. Тогда мало кто обратил на него внимание. Сам журналист упомянул социальную справедливость мельком, в числе других преимуществ социализма. Таких, как широкая демократия, свободные выборы, право на жилье...

В иных обстоятельствах термин скоро забылся бы: в мире, где мы живем, и без того слишком много слов. Но звучное словосочетание пришлось по душе К. У. Черненко. Должно быть, в собственной биографии Константин Устинович усмотрел апофеоз этой самой справедливости. При каком другом строе крестьянский паренек из далекого сибирского села, не слишком образованный, подчеркнуто ординарный, не наделенный ни яркостью, ни талантами, мог стать вождем великого государства, вершителем судеб мира?

Слово, сказанное вождем, автоматически обретает новое качество — становится материальной силой пропаганды. Но, видимо, в данном случае все обстояло не так просто. Нынешний генеральный секретарь, которого никак не упрекнешь в чрезмерной почтительности к предшественнику, охотно взял термин на вооружение. Похоже это тот случай, когда слово было сказано в нужное время и в нужном месте.

В декабре прошлого года "Правда" напечатала статью доктора философских наук В. Давидовича "На основах социальной справедливости" — едва ли не единственный труд, где сделана попытка осмыслить это понятие теоретически, найти ему место в жестком каркасе советской идеологии.

Сразу же оговорюсь, статья написана скверно: тем дубовым, тяжелым языком, от которого ломит в висках. И тем не менее ее стоит прочесть, ибо статья дает известное представление о том, какой смысл вкладывает в это понятие нынешнее советское руководство.

"Все дефициты переносимы, — пишет Давидович. — Только дефицит справедливости невыносим. С ним человеческое достоинство смириться не может. И чем выше становится уровень благосостояния нашего народа, богаче его духовная жизнь, чем многограннее накопленный им исторический опыт, тем острее и настоятельнее ощущается потребность в справедливости, непримиримость к любым формам ее попрания и забвения".

Оставим на совести автора рассуждения о росте благосостояния народа. Если бы рост был хотя бы таким, каким ему полагается быть в двадцатом веке, доктору фило-

софских наук не пришлось бы верить нас, что "все дефициты переносимы". Переносимы они в том единственном случае, когда оправданы объективными обстоятельствами. Можно понять, почему карточная система вводится в годы войны или почему люди, пострадавшие от землетрясения, какое-то время живут в палатках. Но те же явления при отсутствии войны и природных катаклизмов заставляют усомниться в исторической целесообразности системы. А следовательно, и в ее справедливости.

Конечно, прямого противопоставления разных форм дефицитов профессор избегает. Но они подразумеваются. Пусть на протяжении целых поколений у нас не хватает продуктов, самых необходимых товаров, жилья — все это частности. "Несправедливо любое брюзжание по поводу того, что нами еще не сделано, недоделано, принижение наших поистине масштабных свершений... Беспощадная суровость в осуждении любых негативных явлений, антиподов наших идеалов, решительная борьба с ними... непременно должны сочетаться с просветленным, оптимистическим видением наших перспектив..."

Странные все-таки представления о справедливости. Семьдесят лет самый прогрессивный в мире строй, победивший в самой богатой стране, не может накормить и одеть людей, дать им крышу над головой. Но говорить об этом несправедливо. И все мы, внуки, братья и дети миллионов погибших в процессе "поистине масштабных свершений", обязаны видеть будущее не иначе, как просветленным, оптимистическим. А собственно, почему? И где гарантия того, что нынешние преследования людей, не обладающих нужной дозой "оптимизма", завтра не станут массовыми, что благородное стремление наших вождей поделится нашей социальной справедливостью с остальной частью человечества не кончится новой и, видимо, последней мировой войной?

Откуда основания для столь мрачных прогнозов? Когда меня уверяют, что социальная справедливость есть только у нас, а у всех остальных (скажем, у афганских повстанцев) ее нет, это наводит на тяжкие раздумья. Вот я пишу, а мне мерещится новый род войск в составе советской армии: ОКСС, Ограниченный контингент социальной справедливости.

О какой-же все-таки справедливости идет речь? "Сегодня для нас, — поясняет Давидович, — основным выражением справедливости является завещанный В. И. Лениным контроль за мерой труда и мерой потребления. Никто не может запрашивать от общества каких-либо благ, которых сам лично не заработал, требовать уважения и внимания, которых не заслужил. Исключения из этого правила связаны с нашими высокогуманными идеалами".

Далее мы с некоторым изумлением узнаем, что высокогуманные идеалы выражаются в том, что блага выдаются детям — как бы "в кредит", ветеранам, пожинающим "плоды своего прошлого труда", и инвалидам — в "возмещение за ограниченность своих созидательных возможностей". Читателю уже ясно, что в иных землях, в странах, лишенных высоких идеалов, детей, стариков и инвалидов моят голодом. Особенно это относится к инвалидам. Как известно, труд на капиталиста не может быть созидательным, а значит, возмещать инвалиду "недостаток возможностей" нечего...

Но оставим шутки. Справедливое распределение общественного продукта — действительно одна из важнейших — и сложнейших — проблем нашего времени.

В принципе тут возможны три подхода. Первый основан на том, что все люди, независимо от их трудового вклада, имеют равное право на конечный продукт. В этом под-

ходе есть своя логика. Человек не виноват в том, что он от природы слабее другого, или обделен талантами, или не смог приобрести достаточных знаний, опыта, навыков. За что же наказывать его, а косвенно — и всю его семью, уж она-то во всяком случае не виновата.

В теории все это звучит благородно. К сожалению, на практике такая система распределения приводит к тому, что люди с высоким трудовым потенциалом начинают работать не в полную силу: у них исчезают стимулы. В результате совокупный общественный продукт уменьшается, от чего страдают все — в том числе и поборники "равенства".

Гораздо более естественной представляется вторая система распределения — по труду. Конечно, и тут достаточно сложностей. Как привести к общему знаменателю труд сталевара и парикмахера, слесаря и врача, ученого и укротителя змей, секретаря райкома и воздушного гимнаста? А главное, кто это будет делать? Ведь ясно, что от фигуры *распределителя* зависит очень многое, ибо абсолютно объективных критериев оценки, увы, нет.

Наконец, существует (по крайней мере, в трудах классиков марксизма) и третий подход, выраженный формулой: "от каждого — по способностям, каждому — по потребностям". Изобретателям этой формулы казалось, что она решит проблему: обеспечит разным людям равный доступ к благам, созданным обществом.

Нас уверяют, что в условиях социализма справедлив лишь второй принцип: "от каждого — по способностям, каждому — по труду". Правда, осторожный Давидович оговаривается: "Обязательная черта принципа справедливости — своевременность. То, что здесь и сегодня предстает как справедливость (как по своему объективному содержанию, так и по взвешенности на весах общественного мнения), при изменении обстоятельств может выявляться как собственное отрицание — несправедливость".

Оговорка весьма разумная. Дело в том, что классики (Маркс — в теории, а Ленин и на практике) проявили в этом вопросе поразительное легкомыслие. Видимо, они верили, что достаточно устранить главный источник несправедливости — капиталистов — и все проблемы распределения решатся сами собой. Поэтому у Ленина можно найти цитаты в пользу любого из трех подходов, включая уравнилельный. Только позднее, когда стало ясно, что при таком подходе скоро распределять будет вообще нечего, вождь решительно высказался против "уравниловки".

Борьбу с уравниловкой продолжал Сталин, затем его преемники. Это удивляет. Если все были против уравниловки, то с кем же следовало бороться? Неужто у нее были столь могущественные сторонники, что самые разные вожди, начиная с Владимира Ильича и кончая Михаилом Сергеевичем, не в состоянии с ними справиться?

Да, были. Самый сильный из них — система. Припомним, что главным лозунгом революции было *равенство* и, прежде всего, равенство *материальное*. Та же идея лежала в основе коллективизации и индустриализации. Нэпманы и кулаки подлежали уничтожению совсем не потому, что они плохо работали. Скорее наоборот, их вина заключалась в том, что они работали хорошо. Именно потому они и богатели.

Если бы государственная власть стремилась к увеличению общественного продукта, ей полагалось бы этих людей нежить и холить. Но у нее была другая цель: учредить все-

общее равенство. С этой точки зрения любой человек, который зарабатывал заметно больше других, уже вызывал недоверие.

Это недоверие существует и сейчас. Я как-то писал о токаре, которого руководство завода не любит за то, что он "слишком много" зарабатывает; о путевом обходчике, осужденном за "стяжательство".

Навивно, однако, все сводить к идеям, сохранившимся от времен революции. Уравнительный подход потому и оказался таким живучим, что в основе его лежат причины вполне земные, вполне материальные.

Представим себе двух людей, затерявшихся в пустыне. У одного из них с собой вода и продукты, у второго ничего нет. Обязан ли тот, у кого все есть, поделиться со вторым, даже если они не знакомы? Разумеется. Ну, а если дело происходит в городе и речь идет об особом, марочном коньяке, которого у меня целых две бутылки? Думаю, что никто не станет утверждать, что и в этом случае справедливость требует, чтобы я отдал коньяк чужому человеку, поскольку у него коньяка нет. Тут существенно не только то, что коньяк — не предмет первой необходимости. Важно и то, что происходит это в городе. Если человеку нужен коньяк, пусть заработает деньги и купит: в городе эта возможность есть у каждого.

Вполне допускаю, что тем, кто совершал революцию, ее идеи — равенства, братства, свободы — казались привлекательными. Но скоро обнаружилось, что созданный революцией экономический механизм неэффективен. Это проявилось, в частности, в недостатке общественного продукта. А поскольку разделить можно только то, что есть, то высокая зарплата одного человека, даже вполне заслуженная, стала восприниматься другими как посягательство на их и без того скромные доходы.

Возьмем голодный колхоз конца сороковых годов, где людям выдавали на трудодень 200 граммов зерна или вообще ничего не выдавали. И вдруг в этом колхозе кому-то — допустим, комбайнеру, который действительно творит на своем комбайне чудеса, — платят мешками пшеницы. Сочли бы остальные колхозники это справедливым? Сомневаюсь. Даже если бы они понимали, что объективно труд комбайнера того заслуживает.

Примерно с той же ситуацией мы сталкиваемся на заводе. Нормы, расценки, фонд заработной платы построены с таким расчетом, чтобы каждому обеспечить вознаграждение, близкое к прожиточному минимуму. Любой заводской руководитель знает, что есть предел, ниже которого нельзя платить даже разнорабочему, — люди начнут бежать. Поэтому на первом этапе задача руководителя сводится к тому, чтобы вывести, "натянуть" отстающему этот предел. После этого для оплаты "передовиков" остается весьма скромная сумма. Честный директор старается распределить ее более или менее справедливо. Но... Хорошо, если подлинному мастеру перепадет рублей на двадцать больше, чем добросовестному, но вполне заурядному токарю.

К тому же высокое начальство бдит. Едва оно обнаружит, что кто-то зарабатывает неприлично много, последует общее повышение норм. Это значит, что и без того головоломная операция сочинения нарядов усложнится еще больше.

Исходно низкий уровень оплаты труда — именно та печка, от которой десятилетиями танцует советская система распределения. Со всеми ее социальными благами: общественными фондами, постоянством цен на основные продукты питания, системой закрытых распределителей.

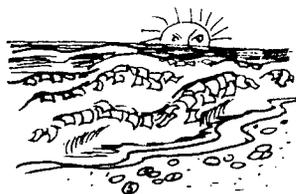
Скажем, общественные фонды потребления. Известно, что за счет этих фондов осуществляется бесплатное (или почти бесплатное) распределение таких благ, как жилье, услуги образования, здравоохранения и т. д. Советская пропаганда всем этим ужасно

гордится, усматривая тут и поразительную щедрость социалистического государства, и зримые ростки коммунизма, и иные, поистине неисчислимые благостные последствия.

Между тем ситуация куда проще. Рыночная (она же реальная) стоимость этих услуг достаточно высока. К примеру, однокомнатную квартиру в Москве или Новосибирске не снимешь меньше чем за 100—120 рублей в месяц; визит к частному врачу обходится в десять, двадцать, пятьдесят рублей; стоимость высшего образования — не менее трех тысяч рублей в год.

Много это или мало? Вообще говоря, не слишком много. Однако при существующем в СССР уровне зарплаты эти вполне доступные блага недоступны подавляющему большинству населения.

Та же история с постоянством цен. Сегодня уже не секрет, что только за разницу между реальной и потребительской ценой на мясные и молочные продукты государство доплачивает 40—50 миллиардов рублей в год. Сумма колоссальная! В чем смысл этой потрясающей воображение щедрости? И откуда берутся деньги?

Легче ответить на второй вопрос: конечно, у нас. Именно потому (хотя и не только потому), что государство изымает эти деньги из нашей зарплаты, оно может проявлять щедрость, возвращая нам наши деньги в виде бесплатного обучения, почти бесплатной квартиры или дешевого мяса. Нужны доказательства? Пожалуйста. Цены на товары легкой

промышленности и длительного пользования "заметно выше затрат на их производство. Эти превышения в виде налога с оборота составляет величину даже большую, чем вся сумма ценовых льгот и дотаций из госбюджета на производство продовольствия" (*Коммунист*, № 15, 1986 г.).

Труднее объяснить, зачем вообще нужны манипуляции с нашими деньгами. Ну, во-первых, затем, чтобы мы сильнее ощущали свою зависимость от партии и правительства. Деньги нам *платят за работу*, а квартиру *дают*. А раз дают, значит это в некотором смысле благодеяние, зависящее от воли и желания дающего. Может дать, а может не дать. В одной Москве, например, в жилье нуждается (эти данные привел секретарь МГК Ельцин) примерно 2,5 миллиона человека, по Союзу же число нуждающихся составляет 60—80 миллионов. В любой другой стране подобное положение рассматривалось бы как катастрофа. А у нас — нет. Ведь у них квартиры продают, а у нас дают, так сказать, дарят. Можно ли предъявлять претензии к дарящему?

Объясняя тот факт, что семидесятилетние неустанные усилия партии и правительства обеспечить народ жильем привели к столь плачевным результатам, М. С. Горбачев сослался на остаточный принцип. Суть этого зловредного принципа в том, что министерства и ведомства ассигнуют на строительство жилых домов лишь то небольшое, что остается от основной производственной деятельности. Честно говоря, их можно понять: каждый из нас сначала тратит деньги на самое необходимое, а уже потом, если останется, думает о подарках.

Во-вторых, подарочная форма очень удобна. От дарителя зависит, кому и сколько дарить, и дарить ли вообще. Ясно, что это позволяет дарителю поощрять того, кто ему нравится, и наказывать того, кто ему чем-то не потрафил. Иначе говоря, партия и правительство использует наши деньги, чтобы получить еще одно средство давления на нас!

Наконец, в-третьих, как пишет академик Т. Заславская: "Социологические исследования показывают, что распределение бесплатных благ из общественных фондов потребления в настоящее время складываются в пользу не менее, а более высоко оплачиваемых групп. Между тем одна из важнейших функций общественных доходов — в определенной мере восполнить принцип распределения по труду, уравновесить его вынужден-

ную "несправедливость" в отношении тех, кто при всем желании не может эффективно трудиться — прежде всего больных, престарелых или не достигших трудоспособного возраста людей" (*Коммунист*, № 13, 1986 г.).

Вот ведь какая выходит история. Нам не доплачивают во имя создания общественных фондов. А расходуют эти средства так, чтобы еще больше поощрить тех, кто и без того находится в привилегированном положении. Кому-то положена полубесплатная квартира из расчета нескольких квадратных метров на нос, а кому-то пять почти бесплатных комнат на три носа. Один лежит в бесплатной больнице, где койки стоят так плотно, что не пройдешь, давится копейной баландой, принимает не те лекарства, что нужно, а те, что есть. Другому на тех же условиях обеспечены отдельная палата, особое питание, набор лекарств из всех стран мира. И свое право на бесплатное образование его отпрыск реализует не в затюканной сельской школе, а в спецзаведении, и поступает он не в рыбный институт, а в дипломатический.

С государственными дотациями на продукты питания дело тоже обстоит не так просто. Какой нам, к примеру, толк от того, что государственная цена мяса невысока, если в обычных магазинах мяса нет и покупать его приходится на рынке, где цены совсем другие? Понятно, что выигрывает от низких цен вовсе не массовый покупатель, а избранный — тот, кто имеет доступ в закрытые распределители и спецбуфеты.

Снова сошлюсь на авторитетное свидетельство Т. Заславской. "Нельзя пройти и мимо значительных колебаний розничных цен на одни и те же товары, продаваемые по разным каналам. Фактически они свидетельствуют о существовании в стране нескольких рынков, различающихся ассортиментом, качеством и ценой товаров. В принципе различные формы торговли могли бы дополнять и подкреплять друг друга, обеспечивая лучшее обслуживание покупателей. Но тот факт, что разные общественные группы имеют неодинаковый доступ к тем или иным каналам, создает специфическую форму социального неравенства и по сути означает формирование потребительских рынков с разной покупательной силой рубля. Между тем исходной посылкой системы заработной платы является "равенство всех рублей" в качестве меры потребления. Несогласованность этих подходов ведет к нарушению социально обоснованных пропорций вознаграждения разных категорий трудящихся, снижает эффективность материального стимулирования труда".

Последняя часть фразы, со слова "снижает", очень существенна и к ней мы еще вернемся. Но сначала мы попробуем взглянуть на проблему распределения общественного продукта (а следовательно, и социальной справедливости) шире. Ведь на эту тему думают, наверно, не только у нас, но и в иных широтах.

III.

В роли пионера и первооткрывателя. — Почему не построен коммунизм на Западе? — Роковым образом. — В черно-белой гамме. — Мораль рождественской сказки. — Мороз и апельсины. — На пороге исторической задачи. — Мы вынуждены с прискорбием констатировать. — Ужасно интересно.

А может, не думают? Даже определенно не думают, — если судить по тому, как проблема подается советской печатью. Ну, о социальной справедливости нечего говорить, ее там нет по условию. Но и о бесплатном образовании, бесплатном медицинском обслуживании, пособиях на детей, обеспечении инвалидов, дешевых квартирах — обо всем этом советская печать пишет так, словно ничего такого нет нигде в мире, словно здесь (как, впрочем, и всюду) Советский Союз выступает в роли пионера и первооткрывателя.

Сегодня это не моя тема, поэтому я не буду говорить о Западе подробно. Отмечу лишь, что бесплатное образование, включая высшее, существует во многих странах —

например, в ФРГ. Полностью бесплатно здравоохранение в Англии, в других странах Европы ваше участие в расходах по лечению ограничивается небольшим ежемесячным взносом в больничную кассу. Пособия на детей и инвалидов выплачиваются, по-моему, во всех странах свободного мира, а их размер просто несоизмерим с теми грошами, о которых не устает напоминать нам советская печать. И недорогие ("социальные") квартиры человечеству давно известны. В Соединенных Штатах, Швеции, Австрии, ФРГ семья с небольшим доходом вполне может рассчитывать на такую квартиру.

Только суть не в этом. Если бы все сводилось к тому, чтобы накормить и одеть людей, дать им крышу над головой, то коммунизм на Западе был бы давно построен. И даже без участия великой партии, вооруженной самой передовой теорией.

К сожалению, проблема куда сложнее, чем представлялось классикам. Проблема в том, как совместить справедливость (или просто гуманность) при распределении общественного продукта с эффективностью производства того же продукта, ибо чтобы зажать зайца, говорят англичане, зайца надо иметь. Так вот, при этом обнаруживается, что естественное и гуманное стремление к сбалансированному распределению благ (взять у богатых и отдать бедным) роковым образом отражается на их производстве. И удаляет это не столько по богатым, сколько по бедным!

Может быть, оно и прискорбно, но естественно. В государствах, где система социальной помощи гипертрофирована (характерный пример — Швеция) у людей резко снижается мотивация к труду. Есть ли человеку смысл браться за ординарную и скромно оплачиваемую работу, если он может сидеть дома, получая почти такое же пособие, а в дополнение — целый набор всякого рода социальных благ. С другой стороны, и человеку высокой квалификации нет резона работать с полной отдачей, ибо чем выше его зарплата, тем большую часть заберет государство в виде налогов. Из этих налогов и образуются общественные фонды, которые идут на пособия неимущим, дешевые квартиры и прочие "бесплатные" блага.

В качестве противоположного примера берут обычно Америку. Это не надо понимать буквально. В Соединенных Штатах тоже есть и социальные пособия, и дешевые квартиры, и бесплатные университеты. Но если говорить о тенденции (которую отстаивает, в основном, республиканская партия), то она сводится к формуле: "Государство тем лучше, чем меньше мы его ощущаем". Идея, грубо говоря, сводится к следующему: отдайте все заработанные мною деньги (кроме неизбежных налогов, конечно) и предоставьте мне самому решать, на что их тратить. Один предпочтет сэкономить на питании, но снимет роскошную квартиру с бассейном, другой объездит весь мир, третий потратит все деньги на профессоров — есть такие странные люди, которые любят лечиться.

Не знаю, которая из двух систем лучше. Думаю, этого и никто не знает, потому ни тот, ни другой вариант в чистом виде давно не встречаются. Идут постоянные поиски системы, в которой социальные функции государства оптимальным образом сочетались бы с динамизмом производства.

Мы воспитаны в черно-белой гамме. В этой гамме Полю Гетти положены одни только черные краски: авантюрист, делец, мультимиллиардер. Попробуем, однако, оценить эту фигуру в общем контексте жизни общества.

Отец умер, завещав Полю что-то около десяти миллионов долларов и свою специальность нефтяника. Десяти миллионов вполне хватило бы для спокойной и обеспеченной жизни. Гетти-младший мог продолжать скромный "бизнес" отца, мог продать дело, положить деньги в банк и стричь купоны, путешествуя, собирая картины или просиживая ночи в ресторанах Лазурного берега.

Гетти выбрал другое. Все свои деньги он бросил на поиски нефти в Саудовской Аравии. С точки зрения нормального человека проще было выбросить их в море. Конечно, по многим признакам Саудовской Аравии полагалось иметь нефть. Но на огромной территории страны поиски могли длиться годами, а стоили они очень дорого. Десять мил-

лионов — сумма, по нашим понятиям, огромная — испарилась мгновенно. Гетти стал брать в долг у всех, кто давал. Но эти миллионы утекли в песок так же быстро. А нефти не было.

И вот однажды пришло время подводить итоги. Разорение, наверное, Гетти сумел бы пережить, в конце концов отец заработал миллионы, начав с нуля. Но отказаться от уплаты долгов Поль не мог — пятно позора легло бы на всю семью. Гетти достал из ящика стола револьвер, приставил к виску. Задрезжал телефон. Говорить, собственно, было не о чем, но Поль по привычке снял трубку. Звонили оттуда. Одна из разведочных скважин в Саудовской Аравии дала нефть...

Я понимаю, что эта история подозрительно напоминает рождественскую сказку с неизменным счастливым концом. Допускаю, что до пистолета не дошло, звонок раздался чуть раньше. Но, в общем, все было именно так. Огромный риск при крайне малых шансах на успех. Большую часть доходов Гетти уплатил в виде налогов. Однако и того, что осталось, хватило, чтобы сделать его одним из самых богатых людей на земле.

Несправедливость? Возможно. Но можно ли ожидать от человека, чтобы он рисковал всем, если бы его ожидало вознаграждение чуть выше среднего заработка? Конечно, нет. Значит, нефть в Саудовской Аравии нашли бы, скажем, лет через двадцать. Трудно сказать, как отразилась бы эта задержка на развитии мировой экономики...

Но ведь можно обойтись без Гетти: есть государство с его могучим потенциалом, системой планирования и всем прочим. В прошлых заметках я писал о судьбе месторождения цеолитов в Кузбассе. Кузбасс — не пустыня, искать цеолиты было нечего, их уже нашли. Для добычи не требовалось никаких чудес техники: подгоняй экскаватор и греби. Вот и подгоняют полных десять лет. Действует система социальной справедливости.

Какая связь между цеолитами и социальной справедливостью? Непосредственная. В конце сентября "Правда" напечатала статью "Самый большой дефицит..." — о полуголодной жизни в поселке Северный. "Справедливость требует, раз мороз на всех по 50 градусов, — пишет газета, — то и апельсины продснабовские — тоже на всех поровну, в первую очередь, конечно, детишкам".

Наверное, автор прав: в данных условиях апельсины, действительно, следовало бы разделить поровну. Но только что это даст, если на каждого придется, положим, по два апельсина? Не разумнее ли задуматься над тем, почему апельсины вообще надо *делить* — вместо того, чтобы *торговать* ими в магазине. Конечно же, в поселке Северный апельсины не растут, да и вся Россия — не родина апельсинов. Но на Аляске, в ФРГ или Голландии они тоже не растут. И тем не менее никто апельсины там не делит. Их просто покупают. И стоят они не дорого — копеек девяносто килограмм. Откуда такой бедной стране, как Советский Союз, взять валюту? Да хотя бы от продажи цеолитов.

Впрочем, кроме апельсинов, в Северном нет еще молока, фруктов, овощей и иных продуктов питания, а равно теплой одежды, обуви, школьных товаров. Боюсь, что одними цеолитами проблему не решишь.

Вернемся, однако, к заключительным словам Заславской. Существующая система не стимулирует труд, а следовательно, и рост общественного продукта. Ограниченность же этого продукта прямо-таки *вынуждает* власть имущих забирать себе все мало-мальски ценное... Начинаешь сомневаться, какая же система справедливее: та, что позволяет Полю Гетти заработать миллиарды, но обеспечивает обычному человеку достаточно благ, или эта, при которой приходится делить апельсины между секретарем райкома и ребенком?

Кажется, даже советское руководство, не испытывающее недостатка ни в жилье, ни в теплой одежде, ни в апельсинах, теперь начинает что-то понимать. Система заработной

платы в стране, пишет Т. Заславская, "нуждается не в частичном исправлении или улучшении, а в принципиальной, коренной перестройке". "Сейчас, на наш взгляд, — пишет в журнале "Коммунист" (№ 14, 1986 г.) член-корреспондент АН СССР С. Шаталин, — социализм вплотную подошел к необходимости решения глобальной исторической задачи — созданию мощного, всестороннего мотивационного механизма экономически эффективного использования производственных ресурсов. Более сильного, чем создал капиталистический Запад за сотни лет существования. Только на этой основе социализм может решить и свою главную конечную задачу — создать самый высокий в мире уровень народного благосостояния..."

Итак, на семидесятом году советской власти мы вынуждены с прискорбием констатировать, что существующая в СССР система вознаграждения за труд не способствует развитию экономики и не отвечает принципам социальной справедливости. Нам еще только предстоит создать мотивационный механизм, который позволит решить обе эти задачи. Не знаю, как вам, а мне, инженеру, ужасно интересно, что это будет за механизм.

IV.

Без ограничения масштабов дифференциации. — Наш советский Гетти? — Не в деньгах счастье. — Между действием и результатом. — Это лучезарное завтра. — Суть дела и суть параграфа. — Курсом демократизации. — Заботы старшего товароведа. — Славный юбилей. — Печально думать... — Своя сермяжная правда.

Трудно описывать механизм, которого нет. Но, судя по всему, это должен быть шедевр техники, ибо не так-то легко превзойти простой и надежный мотивационный механизм свободного рынка.

"Необходимо в кратчайшие сроки создать, — объясняет С. Шаталин, — эффективную, гибкую систему материальной заинтересованности работников, нерасторжимо связывающую оплату их труда с реальным вкладом в общественное производство, причем без ограничения масштабов ее дифференциации". И дальше: "Оплата труда по его реальным результатам... является одной из главных формул социалистической социальной справедливости".

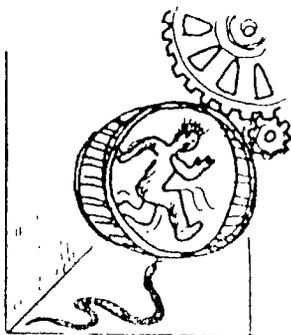
Другой бы на моем месте вздрогнул. Это как же — без "ограничения дифференциации"? Значит, если наш социалистический Гетти честно зарабатывает миллиарды, то мы ему их выплатим?!

Ладно, миллиарды — фантастика. Возьмем что-нибудь реальное, скажем, изобретение, за которое автору полагается вознаграждение порядка полумиллиона. Так прямо, недрогнувшей рукой мы и дадим ему эти 500 тысяч? Однако

по ныне действующему положению, за одно изобретение, хотя бы в работе над ним участвовала сотня человек и трудились они десять лет, нельзя заплатить больше двадцати тысяч.

Да и разве только в деньгах счастье. Эдисон, Маркони, Сикорский создали на основе своих изобретений собственные фирмы. Нашим изобретателям это тоже будет дозволено?

Впрочем, оставим изобретателей. Они плохо вписываются в понятие социалистической справедливости. Не исключено, что сама эта деятельность — атавизм, пережиток той далекой эпохи, когда производству полагалось развиваться. Возьмем простого советского человека: рабочего, инженера, директора завода. Оплату именно их труда при-

звана изменить недавняя реформа. Отныне главным условием повышения зарплаты (во всяком случае, в сфере материального производства) становится *заработанность*.

"Как известно, — пишут в "Коммунисте" (№ 15, 1986 г.) кандидаты экономических наук А. Бим и А. Шохин, — повышение ставок и окладов работников производственных отраслей будет производиться в основном за счет собственных средств предприятий и объединений. Такой принцип будет стимулировать коллективы к изысканию и мобилизации резервов, внедрению передового опыта, к работе с меньшим числом занятых. Предприятия смогут переходить на новые условия оплаты труда постепенно, по мере накопления необходимых ресурсов (но ресурсов собственных, связанных с ростом эффективности производства и труда)".

При беглом рассмотрении новая система подозрительно напоминает западную. Если фирма приносит прибыль, владелец (неважно, человек это или корпорация) может в принципе платить как угодно много любому работнику: директору, инженеру, токарю-виртуозу. Если же фирма несет убытки, то, конечно, рассчитывать на прибавку ее работникам трудно.

Между тем сходство систем чисто внешнее. Во-первых, отношения между западным предприятием и работником ограничены узкой сферой труд—оплата. Все прочие блага — квартира, продукты, товары, места на курорте — находятся в свободной продаже. Хочешь — приобретаешь, не хочешь — нет.

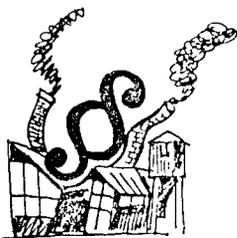
Во-вторых, и это главное, западная фирма полностью *свободна* в своей деятельности. Она может расширять или свертывать производство, переходить с одной продукции на другую, приобретать любое оборудование и инструмент, покупать сырье у соседнего предприятия или на островах Океании. При такой системе можно признать, что между действиями работников фирмы и результатом (прибылью или убытками) существует зависимость. Именно эта зависимость и находит отражение в оплате.

Разумеется, и тут далеко не все легко и просто. Рабочий или рядовой инженер могут работать превосходно, а фирма будет приносить убытки. На этот случай предусмотрено устройство вроде обратного клапана: повысить зарплату фирма вправе, понизить — нет, она связана договором с профсоюзами. Широко применяется и другой метод — членение. Крупную фирму делят на множество отделений, каждое из которых обладает высокой степенью самостоятельности. И оплата труда работников отделения зависит не от общих результатов, а лишь от того, как идут дела на этом конкретном участке.

А вот советское предприятие. Нет нужды доказывать, что сейчас ему дано единственное право (оно же и обязанность) — выполнять план. Правда, нас уверяют, что завтра... О, это лучезарное завтра!

Что же будет? План останется — значит, всерьез менять объем производства и характер продукции предприятие не сможет. Свободно приобретать одно оборудование и отказываться от другого оно тоже не сможет; станки, машины, инструмент фондируются и не продаются, а распределяются по нарядам. Оплачивать труд по собственному разумению предприятию не позволяют: есть нормы и расценки. Короче, его деятельность и дальше будет регулироваться параграфами инструкций и протекать под неусыпным надзором контролеров и ревизоров, которым по должности полагается интересоваться не сутью дела, но сутью параграфа.

А есть еще руководство. Партийные секретари разного ранга, высокие чиновники ведомств, министерств, госпланов, исполкомов, советов министров. Допустим, право вмешиваться в дела предприятия будет ограничено формально. Однако неформальное подчинение все равно останется, поскольку существует еще кадровая политика. Право тех же секретарей, начальников, мини-

стров, председателей назначать и снимать "независимых" директоров и главных инженеров по собственному разумению.

Получается любопытная вещь. Следуя курсом демократизации, государство предоставляет самому предприятию заботиться о повышении зарплаты его работников и об их быте — строительстве жилья, детских садов, домов отдыха. Кажется, это справедливо и благородно: получай, что заработал. Только при этом предприятие остается связанным по рукам и ногам, так что его успехи и провалы будут по-прежнему зависеть не от его работы, а от многомудрой деятельности вышестоящих инстанций. И, что еще важнее, от этой мудрости будем зависеть все мы, потребители, ибо и речи нет о том, чтобы предоставить потребителю право самому, без посредства партии и правительства, оценивать товар, а тем самым — и работу производителя.

Положим, однако, что предприятию повезло: оно вытатило счастливый номер в той странной лотерее планов, фондов, снабжения, цен, которая в СССР определяет, быть предприятию прибыльным или убыточным. Итак, есть у него и деньги, и право их использовать. Ограниченное, конечно. Нормы, расценки, предельные ставки инженеров — все остается. Но хоть строить дома оно, черт возьми, может? Да, конечно. Надо только найти строительную организацию, у которой имеются свободные мощности (я, например, таких не встречал), выбить фонды на материалы, согласовать проект, получить титул...

А пока благополучие предприятия зависит не от потребителя и не от него самого, а от "инстанций". Следовательно, райкинский старший товаровед может не беспокоиться: основа его процветания, *дефицит*, гарантирована. Любопытный факт. Известный венгерский экономист Я. Корнай в своей книге "Экономика дефицита", вышедшей в 1980 году, определил место дефицита при социализме формулой "нормальное состояние". Возражая ему в журнале "Коммунист" (№ 13, 1986 г.), доктор экономических наук О. Лацис ссылается на работы академика В. Новожилова. В ходе полемики обнаружилось, что первая статья Новожилова "Недостаток товаров" была опубликована в "Вестнике финансов" в 1926 году. Увы, Виктор Валентинович давно умер, а дефицит живет и здравствует. Как раз в нынешнем году страна готовится торжественно отметить его славное шестидесятилетие!

От каждого — по способности, каждому — по труду... В стране, где свято соблюдается этот принцип, тяжелым ручным трудом занято (данные М. С. Горбачева) около 50 миллионов человек. Печально думать, что таскание шпал или мешков с зерном, махание метлой, копанье канав и прочее — предел способностей почти половины трудоспособного населения Советского Союза. Что касается потребностей, то в соответствии с основным законом социализма, законом, который открыл величайший экономист всех времен и народов, они действительно непрерывно растут. И тем энергичнее, чем хуже удовлетворяются. Не потому ли и обрел вдруг новую жизнь лозунг социальной справедливости?

Да, система не может сделать так, чтобы материальных благ хватало на всех. Что же, пусть у всех (или почти у всех) ничего не будет. В этом тоже есть своя сермяжная правда, своя социальная справедливость... ●

ПРИТЧА О МЕРТВОМ ДЕРЕВЕ

Смерть Андрея Тарковского

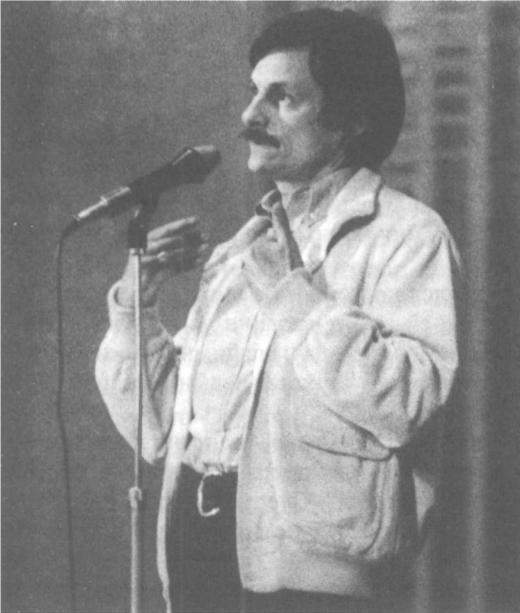

Фото М. Демкина

Мы посвящаем эту краткую заметку светлой памяти Андрея Арсеньевича Тарковского, умершего в ночь на 29 декабря 1986 года в Париже, в возрасте пятидесяти четырех лет. По общему признанию, он был крупнейшим художником современного кино. За 25 лет работы Андрей Тарковский создал восемь фильмов, включая студенческую ленту 1961 г. "Каток и скрипка". В следующем году был поставлен фильм "Иваново детство" (по сценарию В. Богомолова и М. Папавы), который получил пятнадцать премий на различных международных фестивалях и принес

30-летнему режиссеру мировую известность. Затем произошло то, что является правилом для каждого крупного явления искусства в нашей стране и судьбой каждого самобытного художника, работающего в СССР: Тарковский вступил в конфликт с партийно-идеологической бюрократией. Его следующий фильм "Андрей Рублев", сценарий для которого был написан самим режиссером совместно с А. Михалковым-Кончаловским, пролежал на полках 10 лет. С огромными трудностями удалось пробить фильм "Солярис" (сценарий Ф. Горенштейна по мотивам романа Ст. Лема). Картина "Зеркало", одна из вершин творчества Андрея Тарковского, осталась достоянием так называемых закрытых экранов. Примерно та же судьба постигла и последний созданный им на родине фильм "Сталкер". Его пришлось снимать дважды: первый вариант был уничтожен доведенным до отчаяния автором. Пять лет спустя, в 1984 году, стало известно, что Тарковский, снявший в Италии фильм "Ностальгия" и поставивший в Лондоне оперу Мусоргского "Борис Годунов", принял решение не возвращаться в СССР (беседа Тарковского с нашим корреспондентом была напечатана в мартовской книжке журнала за 1984 г.).

За 23 года работы в Советском Союзе режиссеру удалось поставить 5 полнометражных фильмов, за два года жизни на чужбине он создал два фильма. Эти цифры сами по себе говорят о многом. В лице Андрея Тарковского наша родина потеряла мастера, которого упорно и планомерно душили по меньшей мере два десятилетия. Однако и за границей сложное и тонкое, далекое от идеологической прямолинейности и нравучительности, от какого бы то ни было ханжества искусство Андрея Тарковского не встретило достаточного понимания. Оно было названо "заумно-непроницаемым"; автора "Андрея Рублева" обвинили в том, что он потакает вкусам ненавистной образованщины и "облыгает" историю России. Есть своя закономерность в подобной оценке творческого труда выдающегося русского художника.

В книге "Die versiegelte Zeit" ("Запечатанное время"), вышедшей в этом году в Германии, А. А. Тарковский называет кинематограф "искусством отделять свет от тьмы и воды — от суши". В конечном счете искусство Тарковского говорит об одном: о спасении жизни от владычества смерти. Последняя картина Тарковского, "Жертва", снятая тяжело больным художником в Швеции, — рассказ об интеллигенте, который оставляет тягу в предчувствии гибели мира. Этот человек сажает на пустынном морском берегу мертвое дерево и рассказывает внуку притчу о том, как кто-то много лет изо дня в день поливал такое же сухое дерево, и в конце концов оно зацвело. ●

РЕЛИГИОЗНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ИЛИ КАПИТУЛЯЦИЯ?

САМИЗДАТ (Москва)

ОТ ПУБЛИКАТОРА

С.В.Маркус (р. 1955) был арестован 9 января 1984 г. На суде, состоявшемся 18–19 июля 1984 г. в Москве, он был приговорен к 3 годам лагеря по ст. 190–1 (подробное сообщение о суде было опубликовано в "Русской мысли" 27 сентября 1984 г. и во втором номере немецкого "Континента" за 1985 г.). Для понимания происшедшего следует упомянуть о некоторых обстоятельствах.

Во время следствия и суда С.Маркус держался достойно. После суда ему разрешили свидание с женой, на котором Маркус сообщил ей, что показания на него и Сандро Ригу (лидера крупной екуменической общины в Москве) дал Владимир Никифоров, нелегальный католический священник, в прошлом тоже "духовный сын" и близкий сподвижник о.Александра Меня.

Вл.Никифоров (математик, р.1944) ушел из общины о.Александра примерно в 1980 г., установил связи с католической иерархией и вскоре был рукоположен в священники. Он был типичным "харизматическим лидером". Следует иметь в виду, что такого рода "харизматик" представляет собой фигуру, центральную для религиозной жизни сегодняшней Москвы, точнее — для "клерикального" аспекта нашего религиозного возрождения. Никифоров создал довольно большую общину, члены которой подбиралась из среды московской интеллигенции.

Насколько я понимаю, переход Никифорова в католичество объясняется его честолюбием: он стремился к самореализации и не хотел удовлетвориться вторыми ролями при о.Александре. Перемена конфессии дала ему простор для церковной карьеры. Что касается членов его общины, то их привлекала новая интеллектуальная игра с ее изощренными правилами, мистика принадлежности к истинно "вселенской" Церкви и т.п. Во всяком случае Вл.Никифоров успешно "обращал", крестил, налаживал перевод католической литературы для катехизации. Его деятельность, включавшая общение с иностранными католиками, не осталась незамеченной ГБ. В мае 1983 г. он был арестован.

В ходе следствия Никифоров рассказал все, что знал, и первым делом предал всех своих прихожан. Он назвал рукоположившего его епископа, а также постарался вспомнить все известное ему о людях, появлявшихся на первом плане неофициальной религиозной жизни, — в частности, об о.Александре, С.Маркусе, С.Риге. Более того, он проявил инициативу и строил смелые предположения о людях и обстоятельствах, которые не были ему известны.

К новому 1984 г. Никифоров был освобожден из тюрьмы как "не представляющий социальной опасности". Сослуживцам его было сообщено, что "Никифоров чист перед советской властью". Характерно, что, встретившись с одним из тех, кого он предал, Никифоров первым делом сообщим, что "там" каждый день служил мессу. Вместо вина в ход шел изюм, который специально для этого доставлял следователь капитан КГБ Круглов.

Через несколько дней после освобождения Никифорова был арестован С.Маркус, а 8 февраля 1984 г. — Сандро Рига. Он отказался сотрудничать со следствием, был признан невменяемым на экспертизе в институте им.Сербского, 29 августа 1984 г. приговорен к принудительному лечению. Вот уже около двух лет он содержится в СПБ в закрытом Благовещенске.

Я не стану подробно говорить о "самостоятельной дурной деятельности" С.Маркуса, эффектная рискованность которой сравнима по степени лишь с ее поверхностностью. Можно было бы сказать, что содержание ее составляла религиозная пропаганда весьма невысокого качества. При этом надо только помнить, что наиболее устойчивый элемент

содержания в деятельности таких религиозных лидеров и миссионеров — это они сами. Адекватное представление о характере и уровне этой проповеди христианства дает само письмо Маркуса, предлагаемое здесь вниманию читателей. Для сравнения можно привести написанный Маркусом текст, который (как недавно стало известно) должен появиться в заграничном издании АПН.

Как известно, все предварительное следствие по делу Маркуса было направлено на то, чтобы получить от него показания, компрометирующие о.Александра. Таких показаний следствие не получило. Замечу, что к моменту ареста Маркус оказался "бывшим" духовным сыном о.Александра в двояком смысле. Во-первых, его действия (как он и сам пишет) вышли из-под контроля А.Меня, так что тот вполне мог оказаться под ударом ("я бросил на Вас тень"...). Во-вторых, в августе—сентябре 1983 г., когда за Маркусом уже шла открытая слежка, о.Александр известил своих прихожан: "Маркус — не наш. Если он будет отрицать это — не верьте". На двухдневный суд над Маркусом не пришел никто из тогдашних прихожан о.Александра, не пришел и он сам. Это "отлучение" Маркуса укрепило позиции о.Александра во время частных бесед с представителями следствия ГБ и Совета по делам религий, которые ему пришлось вести в начале 1984 г.

В лагере Маркус какое-то время был на земляных работах, но посетившая его в марте 1985 г. жена уже застаёт его библиотекарем. Это удивило людей, следивших за его судьбой ("повезло Сереже"), но не вызвало подозрений. В ноябре 1985 г. жена Маркуса Алла Шахназарова получила от него письмо с изложением "нового позитива". В начале января 1986 г., под Рождество, по первой программе московского телевидения показали интервью с Маркусом. Это было около семи вечера, непосредственно перед давно ожидавшимся телефильмом Э.Рязанова. Сереже предоставили особо почетное место и время: его увидели практически все, кто когда-либо включает телевизор. Маркус искренне и увлеченно говорил о своих преступных заблуждениях (называя то, о чем и речи не было на суде), сказал — в соответствии с новым духом гласности — кое-что и о своих позитивах.

Через несколько дней около десяти знакомых Маркуса получили от него письма все с той же смесью словоблудия и доноса: "Брат, ты должен пересмотреть нашу совместную преступную деятельность и покаяться..." В Москву Маркус вернулся в конце апреля 1986 г.

Публикуемое письмо А.В.Мень получил не по почте. 13 мая 1986 г. он был вызван в Совет по делам религий, где это письмо ему вручил гебист. Как бы развивая слова Маркуса о том, что никто не пострадает в результате его покаяния, сотрудник ГБ назвал А.Меню н о в ы е имена некоторых "лидеров и активистов" — сравнительно молодых людей, вероятно не готовых к серьезным неприятностям за свою "совместную с о.Александром деятельность".

А на следующее утро (14.5.86) С.Маркус появился в подмосковном храме, где служит о.Александр, исповедовался у него и причастился. После литургии у них состоялась беседа, во время которой худшие опасения Сережи подтвердились: о.Александр отверг блудного сына, не принял его обратно. Впрочем, о.Александр разрешил Маркусу посещения "время от времени", — разрешение, которым Маркус уж не раз воспользовался. Насколько можно было понять, он ищет у о.Александра — помимо прочего — поддержки и одобрения, которые нужны ему для самооправдания. И это стремление к самооправданию естественным образом приводит его к духовнику.

А.В.Мень позволил интересующимся читать письмо Маркуса, и оно разошлось по Москве. Остается объяснить, почему я считаю этот текст (при всей его удручающей глупости) интересным и для более широкого круга читателей.

Тому, кто находится на свободе и никогда не был в лагере, невозможно порицать заключенного только за то, что он пожелал изменить свою участь. Известны случаи,

когда подвергшиеся гонениям люди отказывались от борьбы и отходили в сторону, делая это без шума и не оправдываясь публично высшими соображениями. Я не знаю, с каких позиций можно осудить их — да и не об этом речь. Случай с Маркусом заставляет задуматься о другом — о специфически христианской форме предательства. Заставляет он также задать некоторые вопросы о социальной природе и специфике нашего религиозного возрождения. Самый первый и общий вопрос я бы сформулировал так: что же собственно возрождается в нашем возрождении?

Автора этих строк, прошедшего по накатанному в 70-е годы пути от запойного чтения Сам- и тамиздата, от "гражданской страсти" ("Я должен что-то делать") — к православной Церкви,¹ волнуют вопросы, лежащие прямо-таки на поверхности, — однако, судя по всему, не ставшие темой специального обсуждения.

Я думаю, что достаточно частые случаи политического отступничества христиан указывают на некоторую существенную особенность возрожденного в интеллигентской среде христианства. Замечу сразу: маловероятно, что число таких предательств росло. Скорее напротив: сам повод для них может исчезнуть, так как сферы деятельности православной интеллигенции и карательных органов просто не будут больше пересекаться.

Первое и самое простое объяснение феномена предательства состоит в том, что нам, христианам, всегда есть куда отступить: специально для этого существуют заранее (задолго до нас) и очень хорошо подготовленные позиции. Дм.Дудко говорит своим нынешним посетителям, что в тюрьме он "почувствовал богооставленность" — и понял, как можно вернуть "благодатное состояние". Маркус тоже закликает: "Рядом должен быть Христос!" В самом деле: никто ведь не предлагает нам (и никогда уже не предложит!) отречься от веры. И тут как-то сами собой возникают в сознании слова, со времен апостола Павла и до наших дней сопровождавшие все самое низкое и шкурное в христианстве: "Несть бо власти, аще не от Бога", — слова, всегда оправдывавшие лишь конформизм Церкви, ее (то есть наше) бесстыжее стремление выжить любой ценой и сгодиться любому режиму.

Такова, говоря предельно схематично, структурная возможность предательства, содержащаяся в нашей христианской идеологии.

Письмо Маркуса — одно из свидетельств о том, как эта возможность осуществляется. Но это осуществление "под давлением" когда на изолированного и неподвижного человека наваливается пыточный аппарат, — и вот в такой неудобной позе он задумывается о том, в какого Бога верит и за что страдает. Понятно, что ответ на эти вопросы зависит не только от качества разделяемого этим человеком мировоззрения, но и от мужества этого человека. От мужества, вероятно, в первую очередь. Ведь трудно обнаружить существенное мировоззренческое различие в христианстве (к примеру) Дм.Дудко и Гл.Якунина (если судить по их деятельности и публикациям). Однако "по ту сторону" пути этих двух православных священников разошлись.

Но есть и другой вариант осуществления этой структурной возможности предательства, присутствующей в нашем христианстве. Этот вариант прямо связан с некоторыми темами письма Маркуса, а в социальном отношении он кажется мне гораздо более важным, чем первый, пыточный.

Один мой друг, прочтя письмо Маркуса и узнав, что я хочу опубликовать его, сказал: "Ты напрасно стараешься. Правые (имелись в виду издания, по политической программе близкие к "Континенту") не рискнут опубликовать такой текст: они знают, что подобные идеи многим кажутся правильными по сути. Компрометируют их лишь лич-

¹ Именно такой путь имеет в виду и Маркус, когда упоминает об "интеллигентски-диссидентском антисоветизме", который он не сумел "оставить за порогом Церкви".

ные обстоятельства автора”. К сожалению, и ”личные обстоятельства” Маркуса не смущают тех ”многих”, кого имел в виду мой друг.

В январе 1986 г. я интересовался реакцией православной интеллигенции на телеинтервью Маркуса (речь идет о людях, отождествляющих себя в первую очередь как членов православной Церкви; научных работников среди них больше, чем маргиналов). Один – как теперь принято говорить – ”глубоко религиозный человек” и научный сотрудник гуманитарного академического института сказал: ”Православный христианин (хоть и еврей) очистился от бесовщины диссидентства”. Его духовник, пасущий целое стадо взрослых высокоинтеллектуальных детей, тоже оценил отречение Маркуса как духовную победу православия.

Еще более значительно то обстоятельство, что даже люди, непосредственно затронутые предательством Маркуса, не смогли ничего противопоставить ему по сути. Известный советский гуманитарий (я изменяю его инициалы) Е.Т. получил от него письмо с предложением разоружиться и покаяться. Е.Т. побоялся не ответить на это письмо и написал Маркусу, что он (Е.Т.), с одной стороны, вот уже 20 лет верой-правдой служит советской науке, а с другой – считает неправильным мешать великую истину, хранимую Церковью, – с сиюминутными политическим расчетами. Судя по тому, как он рассказывал об этом, его ответ был вполне искренним. Что же касается А.Меня, то он, как известно, был подвергнут травле национал-православным и просоветским альманахом ”Многая лета” (Г.Шиманов и Ф.Карелин), на него – либерала и еврея – косо смотрит иерархия, но судя по всему, и у него нет принципиальной позиции, которая дала бы возможность христианского противостояния коллаборационизму внутри православия.²

По-видимому, господствующий у нас тип религиозного (христианского?) мирозерцания вообще не в состоянии выработать рациональных аргументов, опровергающих систему взглядов, на которую ссылается Маркус (неважно, что его изложение этих взглядов крайне бездарно). Под ”рациональными аргументами” я имею в виду не политический и социологический анализ, но лишь внутреннюю рациональность самой веры – взгляд на человека и общество, который можно было бы назвать специфически ”христианским”. (Ведь даже Маркус, используя предоставленный ему лагерным начальством досуг, хочет обосновать свои ”позитивы” ссылками на Новый Завет и учение Церкви.)

Развивая тему о феномене христианского предательства в нашей жизни, я мог бы сформулировать свой тезис так: в с е русское религиозное возрождение конца 60-х – 80-х годов можно оценить как предательство и капитуляцию.

Вероятно, не всем этот тезис покажется самоочевидным. Кроме того, меня могут спросить: предательство – кого или чего? Капитуляция – перед кем? А привыкший к интеллектуальной строгости читатель спросит, наверно, на каком основании автор употребляет в таком контексте термины ”предательство”, ”противостояние” и ”коллаборационизм”? Нет ли в этом словупотреблении романтического произвола и политической безответственности? Неужели автор всерьез думает, что Церковь д о л ж н а ”бороться с советской властью”? Разве принадлежность к православной Церкви о б я з ы в а е т нас к политическому противостоянию?

² Позиция А.Меня сводится к следующему: ”Удержать то, что (еще) дают удержать”. После доноса Маркуса, после того, как о.Александра ”пощекотали штыком” в газете ”Труд” (см. номера от 10 и 11 апреля 1986 г., а затем выдержки из письма о.Александра с частичным признанием ошибок в ”Труде” от 21 сентября 1986 г.), а также после некоторых других событий, – область ”возможного” для него все время сужается. В итоге о.Александру приходится определять свой ”позитив” с той мерой отчетливости – и в тех формах – каких требуют от него власти. Выходит, что его позиция определена извне – силой оказанного на него давления. Как известно, это справедливо и для всей (не только христианской) советской интеллигенции, решившейся выжить, жить и работать внутри ”системы.”

Нет, я не думаю так. В том, что у нас принято считать учением Церкви и православной церковностью, нет никакой опоры ни для нравственного, ни для политического противостояния. Более того, нет вообще ничего, что могло бы противодействовать нравственному одичанию. Я ведь и пишу этот комментарий к тексту Маркуса отчасти потому, что практически все его аргументы я слышал от православных христиан, ни дня не сидевших в тюрьме, но избравших такой образ мыслей добровольно.

* * *

В русской зарубежной периодике все еще спорят о том, можно ли говорить о религиозном возрождении в России. Мне кажется, уже пришло время говорить о его итогах. "Религиозное возрождение как предательство" — это как раз одна из возможных итоговых характеристик движения, начавшегося в конце 60-х годов. Под "предательством" я имею в виду прежде всего измену тем столь же ярким эмоционально, сколько смутным содержательно мотивам, которые в свое время вели молодое поколение интеллигенции в Церковь.

Я снова выражу это предельно схематично: то, что воспринималось как мировоззренческая опора личностного противостояния (единственно эффективной формы противостояния в условиях тоталитарного режима), оказалось на деле альтернативой по отношению к самой идее личного нравственного сопротивления, — которое, в свою очередь, было переосмыслено как "бесовщина диссидентства". (Существовавший в 60–70-е годы "церковный диссидент", давший первую волну чисто "христианских" политических предательств, остался скорее маргинальным явлением в православном возрождении, никак не следующим из его сути.)

Идеология самого раннего этапа нашего возрождения была создана — как это обычно и бывает — в основном представителями старшего поколения (теми, кому сейчас лет шестьдесят), — людьми, "пришедшими ко Христу" (то есть уверовавшими в необходимость религиозных ценностей) в результате длительных поисков в потемках советской жизни. "Религию" они воспринимали как путеводную звезду, которая должна вывести на свет. Таков был их личный итог.

Здесь я вспоминаю известный сборник "Из-под глыб", который представляется теперь одним из возможных идеологических оформлений этого итога. Как декларировал А.Солженицын, русская интеллигенция оказалась "на возврате дыхания и сознания": она — точнее, ее лучшая часть — порывает с самой основой человеконенавистнической марксистской идеологии, с плоским "атеистическим мышлением", она возвращается к религиозной нравственности".

Религиозная нравственность, христианство Нагорной проповеди — вот то (как казалось) ясное и бесспорное исповедание, которое эти люди могли предъявить как свое выстраданное и последнее.³ Но странная штука случилась с "религиозной нравственностью", открывавшей, как тогда думали, новое и неисчерпаемое смысловое пространство. "Религиозное", безоговорочно принятое как готовое и данное, зажило своей, все-го-лишь-религиозной, жизнью. У "религии" обнаружилась своя логика, своя проблематика — и своя социальная функция, весьма отличная от той, которой хотели наделить ее люди, пришедшие к ней "из глубины" смутных десятилетий нашей истории.

Здесь я касаюсь обстоятельства, которое едва ли удастся убедительно показать в нескольких фразах. Дело в том, что "нравственное" христианство, христианство как "свободное общение с Богом во Христе" (то есть с использованием евангельских об-

³ Поэтому я не хочу говорить здесь о вонючей плесени национализма и ядовитых ростках партийной нетерпимости, которые легко обнаружить "под глыбами", мне важен лишь идеальный тип — то, в чем многие охотно узнают себя.

разов и изречений), христианство в своем культурном опосредовании — не обладает самостоятельным значением с точки зрения социологии религии. До сих пор оно всегда было величиной, производной от "плероматического" (догматического) христианства церкви, то есть какой-либо общины верующих. Я хочу лишь констатировать сам факт, никак не оценивая достоинство этого христианства нравственности и культуры.⁴ Важно лишь то, что в истории смены массовых идеологий "нравственное" христианство неизменно оказывается промежуточным этапом на пути к безрелигиозному гуманизму либо наоборот — к конфессиональной, организованной религиозности, к церкви. И вот — на наших глазах два поколения советской интеллигенции проделали этот путь в обратном направлении. (Как известно, 70-е годы оставили нам немало литературных свидетельств и идеологических толкований этого "пути интеллигенции в Церковь".)

Наши социальные обстоятельства сложились так, что в столицах резко возрос спрос на конфессиональную — православную — религиозность. Я не могу входить в разбор этих обстоятельств. Важно лишь, что речь шла о поисках новой и достаточно универсальной (т.е. пригодной — по возможности — для всех чего-то ищущих) массовой идентичности. Ясно также, что социальная роль "диссидента" не подошла для создания такой универсальной идентичности. Но и здесь, при вступлении в "реальную Церковь", интеллигенция должна была определить свою позицию — на сей раз по отношению к наличной церкви.

В 1981–82 годах по Москве ходила анкета "Семь вопросов о Русской Православной Церкви (РПЦ)". Вопросы были столь общими, что отвечавший мог изложить в тезисной форме свою собственную экклезиологию. (Три кратких ответа я видел опубликованными — с сердитыми замечаниями Н.Струве — в № 138 "Вестника РХД".) В начале 1982 г. я прочел весьма пространственный ответ на эту анкету, заинтересовавший меня своей программностью, а также тем, что в нем развернуто излагалась теория малых групп как формы существования возрожденного православия — та самая теория, которую С.Маркус вменяет в вину о.Александру (о соответствующей практике Маркус пишет весьма красочно и, в общем, не слишком удаляясь от реальности). Среди прочих интересных утверждений я прочел в этом ответе: "При всех своих слабостях, РПЦ все же смогла дать место серьезно ищущим и ответить серьезно вопрошающим". И дальше: "РПЦ сохранила дух — пусть пассивного — сопротивления режиму".

Автор принципиально принимает нашу православную Церковь, но при этом чувствует потребность оправдать свое принятие доводами как социального, так и нравственного характера: молодая интеллигенция имеет возможность активно работать в церкви, не нарушая ее норм и обычаев, — но с целью *преобразования* церкви. Религиозное возрождение мыслится здесь в первую очередь как возрождение *самой Церкви*. "Дух пассивного сопротивления" остается необходимой нравственной оговоркой. Автор верит, что начало делу церковного возрождения уже положено и при нынешнем ходе событий православная Церковь станет к концу века крупной социальной силой, с которой нельзя будет не считаться: ее положение будет сравнимо с положением католической Церкви в современной Польше (намек на такого рода программные установки содержит и письмо Маркуса).

Автор этого ответа на анкету "Семь вопросов о РПЦ" выразил мнение некоторой части православной интеллигенции. Публикации умеренно-модернистского и критического толка встречаются в 70-е годы и в "Вестнике РХД" (в частности, работы покойного о.С.Желудкова,⁵ а также Е.Барабанова). Но, насколько об этом можно судить по личным впечатлениям, возобладало представление, согласно которому "новые" православные для глубокого и подлинного воцерковления должны полностью отвергнуть

⁴ Усомниться следует скорее в достоинстве наличных форм "настоящего", церковного христианства.

⁵ На его суждения об анонимном христианстве (и в этой связи — о А.Д.Сахарове) намекает в своем письме Маркус.

свой прежний (интеллигентский) склад мышления. И это закономерно: жажда "настоящего" православия как абсолютной ценности привела к созданию образа подлинно православной духовности, в которой нет места для прежних ценностей. Понятно, что наша традиция дает немало материалов для создания именно такого образа, но критика исторического православия никак не входит здесь в мои задачи. Кроме того, именно такое подлинное православие могло удовлетворить массовый спрос (вначале не вполне осозанный) – отчасти и формируя его.

Вероятно, в наших социокультурных условиях было неизбежным это отождествление настоящего (полноценного) христианства с православной традицией. Не только потому, что это единственная "родная" для нас христианская традиция. Быть может, даже важнее то обстоятельство, что "возврат дыхания и сознания" в значительной мере был сформирован мифом о светлом прошлом: "Была когда-то Россия, и была в ней Православная Церковь. Пришли коммунисты и разрушили все это". Такого рода мотивы ясно обнаруживаются и в сборнике "Из-под глыб".

Тут я отмечу симптоматичное – и зловещее в своей симптоматичности – совпадение. Рассуждения Маркуса о недостаточной воцерковленности "наших ребят", о том, что "мы" не достигли "глубокой церковности" – текстуально перекликаются с вошедшей в сборник статьей Ф.Корсакова "Русские судьбы", автор которой принадлежит к поколению первых создателей идеологии нашего возрождения; судьба его сложилась иначе, чем у Маркуса. Сейчас, когда прошло уже немало времени и кое-что прояснилось, очень многое в статье Корсакова кажется неслучайным, программным, типичным: и инфантильное умиление по поводу собственных переживаний на литургии,⁶ и неофитский жар, с каким он обличает интеллигенцию, которая не смогла оставить за порогом Церкви свои нравственные и социальные вопросы, пришла в Церковь не учиться и смиряться, но учить и критиковать...

Так что же, возмутится читатель, неужели я возлагаю ответственность за предательство Маркуса на Солженицына и на православное благочестие? К чему все эти рассуждения?

Конечно, нет: каждый из нас сам отвечает за каждый из своих поступков – в том числе и за выбор тех авторитетов, которые мы решаем считать авторитетами для себя. Но наше христианство как раз и позволяет нам безболезненно пройти через тот "фильтр" ("жить не по лжи"), об устройстве которого напомнил Солженицын. Наше христианство успокаивает нашу совесть, устанавливая желанное соответствие между мировоззрением и жизнью. Наше христианство удовлетворяет наше стремление быть обманутыми: наше стремление выжить и сохранить при этом самоуважение. Такова его социальная функция. Рассматриваемая ситуация вполне тривиальна и не раз возникала в истории. Здесь можно увидеть то, что Дитрих Бонгёффер (лютеранский теолог, погибший как участник немецкого антинацистского Сопротивления) назвал "дешевой благодатью", оправданием греха вместо оправдания грешника. Этой общедоступной "благодати по демпинговой цене" Бонгёффер противопоставил "дорогую благодать", которая достигается в следовании за Иисусом.

Мне, как христианину, конечно хотелось бы на этом и кончить, сказав в заключение: предложенный здесь тезис "возрождение как предательство" означает измену не только первоначальному (вероятно чистому) импульсу, толкнувшему нас на духовные поиски, но и измену чему-то большему: измену Христианству. Но как раз этого я не могу сказать.

Чтобы показать эту невозможность, я снова обращусь к предложенному ранее вопросу: что же *возрождается* в нашем возрождении?

⁶ Здесь для него подлинный центр и средоточие смысла: то, что он видит, выйдя из храма, на московской улице, лишь разрушает высокий настрой его чувств.

Предельно краткий ответ звучал бы так: возрождается авторитарный утопизм в теоретических программах и клерикализм в социальной практике. Другими словами, преимущественный характер всего движения не только не-творческий, но принципиально анти-творческий. Правильнее было бы говорить не о возрождении, а о реставрации: реставрации самых слабых и порочных сторон русского религиозного сознания.⁷ В интеллектуальном плане "здесь и теперь" преобладает культ традиции, в социальном — культ непогрешимого "харизматического лидера". Интеллектуально — отсутствие мужества мыслить, повторение идеологических клише. Социально — конформизм по отношению если не к власти, то к сообществу "своих" (в нормальном случае эти два вида конформизма сочетаются). Вопрос о смысле (нашей веры) повсюду предполагается уже решенным: остается лишь разоблачать заблуждения.

Но именно это составляет, как мне кажется, самую большую слабость русского религиозного сознания: в этом сознании (т.е., насколько я могу судить, в этой традиции) преобладает "христианское" осмысление истории и культуры, а самостоятельный в о п р о с о критерии оценок, о смысле и содержании "христианского" — почти не возникает. Надо ли показывать, что самоочевидного ответа на этот вопрос не существует?

И все же: при сравнении нашего движения с тем, что принято называть "русским религиозным ренессансом начала века", можно заметить, что там были и попытки самостоятельного осмысления традиции, попытки выработать свои ответы на свои вопросы. Спрашивающий не обязательно начинал с отвержения своей способности к различению добра и зла — с тем, чтобы стать жертвой то ли бесчестной вербовки, то ли идеологического аншлюса.

У нас же все стало каким-то элементарным. Дм.Дудко доказывает бытие Богатворца на примере табуретки, а ректор Православного богословского института в Париже прот. А.Князев восхищается глубиной и гениальной простотой его богословских интуиций (см. "Континент" № 8).

Я думаю, что интеллектуальное вырождение, примитивность и научная недобросовестность современной православной апологетики связаны с уже затронутыми этическими вопросами: строгое размышление о смысле нашей христианской веры излишне, если религиозность тех из нас, кто стал "глубоко религиозным", есть не только прикрытие, но скорее выражение н р а в с т в е н н о г о о д и ч а н и я, поразившего всех нас, верующих и неверующих.

Вл.Никифоров не предал Христа: у него был изюм. Исследователь советского общества в любое из воскресений может прийти в храм пророка Ильи на Обыденке и наблюдать там С.Аверинцева, воплотившего собою, по словам поэта, лучшие черты русской интеллигенции. Аверинцев тоже не предал Христа: вот он целует иконы, вместе со всеми идет к исповеди и причастию. Но недавно мы видели, как до мелочей продуманный образ этого чудака-ученого, человека вне времени и "не от мира сего", — образ, уже успевший стать живым культурным символом — подвергся характерной трансформации: перед нами служилый человек в пиджаке и галстуке ("Огонек", № 32, 1986). "Ведущий современный культуролог" объясняет, что "наше общество вступило в решающий момент своего *духовного* развития" (в этом он согласен с другим православным мыслителем — С.Маркусом). С поразительным сентиментальным бесстыдством он говорит: "Русский человек и созданная им русская красота имеют одно неповторимое свойство — *застенчивость*". О какой *стенке* идет речь — сразу не уточняется. Но чуть дальше

⁷ Я не могу обойтись здесь без этого трудноопределимого понятия. Все же употребление его позволительно, т.к. описать "религиозное сознание" как культурную величину в принципе вполне возможно.

это становится ясным; Аверинцев воспользовался словами академика Д.С.Лихачева на съезде писателей: "И я хочу обратить ваше внимание на то, что у Гумилева нет ни одной строки антисоветской". Если этот уместный лишь в чекистских *застенках* аргумент (своего рода заключение экспертизы) свидетельствует не о нравственном одичании, то о чем же?

Снова добавлю: Аверинцев сам ответственен за свои слова и за поспешно обнаруженную им чуткость к действительности. Но мне важны здесь два обстоятельства: 1) в интересующем меня аспекте смысл его интервью тождествен смыслу письма Маркуса; 2) поведение обоих писателей может найти некоторую опору в том, что у нас называется христианством.

И это понятие христианства — общее для всех, кто признает его с в о е й ценностью, независимо от политической позиции каждого христианина, будь он автором "Вестника РХД" или "Огонька". Это так, поскольку никакого другого понятия христианства у нас не выработано. И пока это так — политическая позиция христиан останется в наших условиях произвольной переменной, следствием личных жизненных обстоятельств, чем-то безразличным по отношению к сути веры.⁸ Вот поэтому я и не могу говорить здесь об "измене Христианству".

Я понимаю, что содержание этих заметок многим покажется случайным и неубедительным. Но если все же допустить, что печальную историю С.Маркуса и других можно поместить и в такой контекст, то — как бы неприятно ни было подобное допущение — его необходимо серьезно и последовательно продумать. ●

Москва, 15 октября 1986.

С.Л.

ПИСЬМО С.МАРКУСА СВЯЩЕННИКУ А.МЕНИЮ

*...И взял Авраам сына своего
Исаака и повел его на гору Хорив...*

*Железо железо острит,
а человек обостряет
взгляд друга своего.*

Дорогой отец Александр!

Осмеливаюсь писать Вам сейчас, после того, как покинул Вас и бросил на Вас тень своей деятельностью, только потому, что во мне произошел радикальный переворот — это первое, о чем я хочу рассказать. Конечно, я несравнимо меньше Вас образован и богословски и в общекультурном плане, я виноват перед Вами уже тем одним, что не выдержал канонических отношений как с духовником, откололся и развил "самостоятельную" деятельность, я гораздо менее опытен и моложе Вас. А происшедший во мне переворот — полная переоценка деятельности в "малой группе" — касается не только меня, но во многом и Вас, ибо часть пути мы прошли вместе и тогда Вы руководили мною. Сегодня я оцениваю собственные мои и совместные с Вами усилия как в корне неверные и потому вижу свой долг в том, чтобы говорить об этом искренне и открыто.

Дорогой отец! Я не в силах дать Вам ничего, кроме описания моего личного опыта и богословских, социологических интуиций, которые, конечно же, нуждаются в доработ-

⁸ В эмигрантской периодике (и устно в Москве) обсуждается феномен "национал-православия". Существование этой идеологии, содержание которой в принципе сохраняет самотождественность "по обе стороны" (некоторые из ее сторонников — члены коммунистической партии, другие — узники советских тюрем или политэмигранты) подтверждает предложенные здесь общие соображения. Но это всего лишь подтверждение на частном случае. Все то же самое могло бы быть верно и для какого-нибудь "либерал-православия" (его начатки при желании можно увидеть в литературной и церковной деятельности о. Александра Менья).

ке, уточнении и ссылках на авторитеты, что в моих нынешних условиях невозможно. Быть может, думал я, предложить Вам более постановку вопросов, чем их окончательное, грамотно оформленное разрешение...

Но прежде, чем начать этот разговор, я хотел бы "пойти с конца" — просить разрешения вернуться к Вам вновь как духовный сын к духовному отцу. Все думы и страдания, перемены, пережитые мною, только углубили во мне тягу к канонической церковности и лично к Вам, как к первому священнику в своей жизни, первому, кто исповедовал меня и впервые причастил Тела и Крови Христовой. Люблю Вас как иерея, как учителя и наставника, просто как человека. Хочу идти вместе с Вами и помогать Вам. Именно потому, из любви и благодарности к Вам, которые перейдут в вечность, дерзаю критиковать то дело, которому мы вместе отдали столько сил и времени. "Дух Истины болезнетворен".

Дорогой отец! Я представляю, как трудно и больно будет Вам читать мною написанное, но, право же, цель моя — не в причинении боли, не в "разгроме", а в совместных поисках правды, пусть даже мучительных и горьких. Иду на боль не против Вас, а ради Вас. Но смогу ли сделать это и человечно и правдиво, так, чтобы Истина и милость были вместе!..

Итак, вот мой путь — вкратце.

Как я вижу сейчас, покинул я Вас в основном из-за того, что считал наши действия недостаточно радикальными: думал, что надо активнее оснащаться магнитофонами, Библиями, книгами, выходить на другие города, конфессии, иностранные миссии — шел по пути религиозного экстремизма. Надо шире использовать опыт не только католических малых групп, но и протестантов, в первую очередь, баптистов-инициативников и пятидесятников. И, как своего рода итог — ответ на этом пути — личное расцерковление, потеря связи с духовником. Вернее, потеря самой необходимости, внутренней потребности, жизнь "себе на уме", по сути — в гордыне. А на уровне сюжетном, биографическом — арест, тюрьма, колония, которые первоначально только утвердили меня в сознании своей правоты.

Но затем, с весны 1985 года я стал все чаще спрашивать свою совесть: кому я, по сути, служил? Себе, Богу или некоей страсти? Каков внутренний итог моей сверхактивности как руководителя религиозной (!) группы — то есть каков мой духовный уровень? Каков уровень и тонус наших ребят? Каковы плоды? Каково наше отношение к реальной Церкви, к реальной Библии, к реальным священникам? Что такое "политическое измерение" нашей деятельности? Почему нас всегда критиковали православные ортодоксы? И что мы сделали не для "пропаганды", а для реализации христианства?..

В себе внутри я увидел бездну неподлинного, лукавого, надменного. Обнаружил, что "эго", гордость, самоутверждение заглушают все остальное и лишают привлекательности даже природные добрые черты. Увидел самое главное, что неспособен был к отречению ради Христа и к действию ради Него. Что не мог исполнить элементарные требования церковного канона. Что пришел в Церковь не учиться, а учить. Что политическое противостояние Советам чуть ли не затмило все остальное.

Это было горькое время — я лишь плакал, мучился, но старался изо всех сил молиться и реализовать слова Иисуса: "Если не возненавидите... не сможете быть Моими учениками". Шла только Иисусова молитва и терзающие мысли: почему я такой? Опустившись на дно ямы, я начал видеть свет.

Вот здесь, по-видимому, точка поворота. Описать его сложно, я сейчас не смогу [четко сформулировать] ту "Сумму теологии", которая постепенно откристаллизовалась и побудила меня к переменам. Вот те вопросы, вернее, группировки тем, по которым — сверху вниз, от высокой теории к практике — шла моя мысль:

1. Антиномия Духа и материи.
2. Антиномичность присутствия Церкви в мире и христианина в мире.
3. Критерии подлинности Церкви и христианина в историческом действии.
4. Писание и Предание о соотношении Церкви и государства (сфера совместных действий).
5. Христианское видение марксизма и его "позитивов".
6. Социологический анализ реального социализма 80-х годов.

7. Конкретные ошибки в теории и практике малых групп.

8. Перспективы взаимодействия Церкви и государства при социализме.

Еще раз хочу повторить, что, за неимением под рукой нужных книг, высказываю скорее тезисы, чем широко аргументированные выкладки. Но все это — пережитое, пропущенное через себя, позволю даже сказать "выстраданное" — ведь побудители моей мысли не внешние. Тюрьма, лишения, вынужденная аскеза почти монастырского типа — только фон, благоприятствующий страданию мысли и трезвости в самооценке. "Благо мне, что я пострадал, дабы научиться уставам Твоим" — в этих словах псалма я вижу сейчас себя. А все, о чем теперь буду говорить, несомненно, не новость для Вас — все же мне кажется, что мы, многое зная и, возможно, принимая умом, не реализовали на деле. Значит, были и ошибки — в теории, на практике.

1. Антиномия Духа и материи

Это важнейшая, центральная теоретическая проблема: насколько Дух заинтересован в материи и нуждается в совершенстве ее формы? Очевидно, что Он совершенно несоизмерим и несоотносим с материей, любая материя есть не-Дух, а Дух есть все-не-материя. И потому никакой заинтересованности или связанности Духа с материей, даже наиболее тонкой и "духоносной", быть не может. Между ними пропасть непроходимая и даже вражда: материя противостоит Духу. Это первый постулат — "Мои дела — не ваши дела, — говорит Господь. — Мои мысли — не ваши мысли".

Но одновременно все материальное, л ю б а я его форма может служить Духу, быть Его ангелом-служителем. Нет в сотворенном ничего, что бы не могло выполнить такой роли. Это вторая часть антиномического единства — "из камней сих Я воздвигну сынов Авраамовых", "Бог есть всяческое во всем".

Религия — это призыв к полному отречению и освобождению из этого мира. Христианин только тогда отвечает своему призванию, когда способен в любой момент оставить все и идти за Христом: "Если не возненавидите... не можете быть Моими учениками".

Но в то же время религия — это нового типа любовь к миру: "ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного..." Но цель этой любви — "дабы, всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную". Вновь замыкается кольцо антиномии.

А что есть сам человек? По Павлу — дух, душа, плоть. Плоть должна быть обуздана и покорена для служения Духу. Человек тогда становится духовным, когда перестает отождествлять себя со своей психофизической природой (*σάρξ*), когда осознает себя как душу, а дух — укорененным в Высшем Духе и с Ним неразрывным. В самом человеке то же антиномическое враждование и слияние духовного и материального — в микрокосмосе модель макрокосмоса.

Способны ли мы были четко видеть драму противоборства в этих антиномиях и практически осуществить освобождение? Не концентрировались ли мы в малодушии и слабости на единении, и, как следствие, оставаясь в плотской расслабленности и самодовольстве, что противно Духу?

2. Антиномичность присутствия Церкви в мире и христианина в мире

Задача Церкви двойка: как проводница Духа, она готовит человека к освобождению из мира, но, чтобы осуществить это освобождение, сначала надо обеспечить существование в этом мире, то есть поддерживать все его созидательные и упорядочивающие структуры: государство, культуру, экономику, семью... Ведь если не будет этого естественного, детерминированного природой и собственными социально-экономическими законами фундамента, человек погрязнет в хаосе, в примитивной борьбе за выживание и может вообще опуститься до уровня стопроцентной обусловленности только природным, и даже ниже природного (бесчеловечные зверства, насилия, которых нет и в жи-

вотном мире). Чтобы демоническое разрушение не охватило мир, Церковь заботится и о поддержании, и о совершенствовании существования, или разделяя эту задачу с государством, общественностью, или беря это на себя (в теократиях).

Так же и для христианина: освобожденность не должна выражаться в "бегстве из мира", это внутреннее состояние, которое, наоборот, стимулирует заботу о поддержании и повышении существования. Поэтому и труд, и общественная активность — гражданские добродетели, форма служения Богу через государство, через трудовое послушание.

Не был ли приход в Церковь для многих из наших ребят внешним "уходом из мира" — в себя, в мир мечтательной сентиментальной церковности или ментальных упражнений с религиозными текстами? Почему не был вдохновлен религиозным пафосом труд и общественная активность? Сегодняшняя волна бегущих в Церковь понимает ли, что нужна жертва полного, но внутреннего отречения от всего "сладкого" в мире, но при этом — повышение ответственности за судьбы мира, творческое участие в государственной работе?

3. Критерии подлинности Церкви и христианина в историческом действии

Есть два пути в Церкви: путь самоуглубления, полного и внутреннего и внешнего отречения, молитва как основная деятельность — это монашество, путь для немногих. В теократическом обществе это самый почетный путь, все остальные пути поддерживают и обслуживают его. Но есть и другой путь — служения миру, неразрывно связанный с действием и страстью. Способен ли человек сочетать духовность со страстью? Да, но страсть должна быть внешним по отношению к личности орудием действия в миру. Дух и тогда действует через человека, но при условии его внутренней освобожденности.

Но как отличить: работаем мы на Бога или для "эго"? У нас очень низкий духовный уровень, чтобы самостоятельно "различать духов". Но есть три критерия: 1) эгоистических интересов вообще быть не должно; 2) надо искать ответ в Писании, полностью принимаая любой его ответ, а если нет там его, то 3) обратиться к своему духовнику, находящемуся в апостольской преемственности, а в более сложных вопросах обратиться к епископу, Патриарху, Собору — никакого субъективизма, сентиментальных интуиций, а также попыток мыслить не дедуктивно, а индуктивно.

Это еще один очень важный вопрос: "человек Писания" воспринимает Истину дедуктивно, через Библию, ее Букву и Дух, через авторитет Предания, сверху вниз. Современный мир и, увы, мы в том числе, так мыслить не умеем, вернее, не умеем верить. Мы, как и весь 20 век, идем снизу вверх, путем индукции — через рассуждения, логику, новоевропейскую науку. И пытаемся мерить индуктивно то, что приходит дедуктивно. Грандиозная ошибка! Отсюда преувеличенное внимание не к принятию и реализации Буквы Писания, а к ее анализу и критике — в самообольщении, что нам доступен Дух Писания. Преувеличенно и критическое отношение к формам церковности, церковной истории, даже к непонятному сегодняшнему уму опыта святых. Отсюда и торжование при воцерковлении, нежелание полного воцерковления — во многом из-за неспособности полностью отречься от интеллигентски-культурной плоти, не столько от чувственных наслаждений (интеллигенту это легко), сколько от моментальных упражнений. Итог: низкий уровень и даже слабое выполнение заповедей (к примеру, сексуальное поведение практически то же, что и в миру).

4. Писание и Предание о соотношении Церкви и государства (сфера совместных действий)

Не подлежат перетолкованию ни слова Павла "в с я к а я власть от Бога", ни слова Христа "Кесарю — кесарево". Вся история Церкви говорит о том, что она поддерживает любое государство, в том числе и языческое и светское, как внешнюю силу, орга-

низирующую человека того уровня, когда он не исполняет заповеди Библии. В идеальном теократическом обществе Церковь с государством сливается, в других моделях она отделена, но функцию обеспечения существования поддерживает, независимо от того, какими мотивами вдохновлена светская власть. Главное, чтобы она свою функцию выполняла.

Духу форма государства безразлична, Христос ничего не говорил о форме социального устройства. Напротив, Он видел, что иудейское общество деградировало по сравнению с патриархальными теократическими временами, но Его учение было направлено на присутствие в любой форме. Это христианам всегда трудно давалось: как много сил было зря потрачено, например, в бесплодной борьбе Западной Церкви за сохранение феодального строя! Сегодня, при переходе от капитализма к социализму поучительно вспомнить о том, как папа Лев XIII в энциклике 1892 года принял новую буржуазно-республиканскую реальность во Франции:

”Мы признаем за благо, и, более того, за дело крайней необходимости возвысить голос, дабы обратиться с увещаниями не только ко всем католикам, но и ко всем честным и разумным французам. Да отойдут они как можно дальше от источника всяческих политических распрей и да посвятят свои силы умиротворению Отечества! Светская власть по сути своей есть от Бога и только от Бога!..

Итак, когда учреждены правительства, представляющие незыблемую светскую власть, требования общественного блага позволяют и даже предписывают принять эту власть... Однако законы так сильно отличаются от установленной власти или формы правления, что при превосходной форме правления может быть мерзостное законодательство и, наоборот, при несовершенной форме правления встречается законодательство, достойное всяческих похвал...

Такова почва, на которой должны сплотиться воедино, забыв о политических распрах, все благонамеренные люди, дабы дозволенными и пристойными средствами бороться с пагубными ошибками законодательства. Уважение, к которому обязывает светская власть, не может воспрепятствовать этому”.

Конечно, самое сложное — выбрать позицию при смене власти, в гражданскую войну, но всякую наличную крепкую власть, в том числе и советскую, нельзя воспринимать иначе, как ”власть от Бога”.

А сфера совместных действий широка: поддержание существования (поскольку в этом заинтересована и Церковь), реализация заповедей и попытки поднять уровень людей по всем показателям (быта, труда, науки, культуры, законности). Церковь не может принять только демонических идеологий с идеей и практикой разрушения, вражды, хаоса.

Смогли ли мы оставить за порогом Церкви своей воспитанный в интеллигентски-диссидентских кругах антисоветизм? Нет, многие, и, прежде всего, наши лидеры не смогли отречься от политической страсти, явно противоречащей Писанию. И не понимали, сколь с церковной точки зрения важно и кровно необходимо поддерживать государство в утверждении здоровых норм жизни.

5. Христианское видение марксизма и его “позитивов”

Может ли Дух использовать любую материальную форму, в том числе и марксизм? Почему бы и нет, если Ему может служить все сотворенное? Но говорят, что марксизм в силу своего материализма и атеизма демоничен. Так ли это? Отнюдь. Марксизм — это, конечно, форма язычества, признающего, так сказать, ”неперсонифицированных богов”, силы надличностные, но производные от человеческого мозга (классы, производительные силы и производственные отношения). Здесь благоговение перед материей, но и признание того, что на нее могут действовать и более высокие реалии (идеологии, классы), ставка на объективность, диалектику, резкое неприятие субъективизма, несущего социальную аморфность. Потому неслучайна опора на традицию крупнейшего о б ъ е к т и в н о г о идеалиста Гегеля, онтологический и гносеологический оптимизм и стремление к повышению существования и общества и личности в коммунизме. Нет пессимизма, статичности, чувства регресса.

Марксизм возник в результате распада капитализма и его упаднической формы — империализма. Стал наиболее естественной (и это очень важно!) формой мировосприятия главного для 20 века типа человека — рабочего, занятого чувственным трудом. В центре — труд. Но интересно, что он понят, во многом по-лютерански, как труд отреченный, то есть труд не для себя, не ради удовольствия, а через терпение и самопожертвование — ради общественного блага. Важны лютеровы и новозаветные корни этого "труда в отречении" — здесь явная добродетель служения Высшему через служение людям, государству. В классическом капитализме на этом месте стоит "капитал в отречении", но при империализме деградирует и это понятие.

Марксизм по многим параметрам декларирует больше добра, но не потому, что оно дается в абсолюте, оно близко к заповедям, к реализации благодати. Соприкосновение с христианством — в главном для социологии марксизма — в концепции "труда и отречении". Немаловажно не только наличие "трудовых заповедей" Библии, но и стремление снять отчуждение, одухотворить труд, онтологическое равенство людей при наличии социальной иерархии и разных социальных ролей, этика Высокого Ренессанса и Просвещения (идея гармонической личности, служения человека надличностным целям вплоть до самопожертвования) и эстетика рационалистического, а не релятивистского или гедонистического типа (связь прекрасного и разумного).

А в чем корень марксистского неприятия религии? В отвращении к клерикализму и фарисейству (и это эмоционально верно), в неприятии разрыва слов и дел, а также ухода людей от позитивного творчества в мире (социально это тоже верно). Марксист — чувственный практик и потому, видя нереализованную теорию, говорит: "религия — это иллюзия", "а что делало христианство 20 веков?", "Где изменения?" — упреки и вопросы справедливы. Это очищающий религию вызов, и его надо принять.

Абсолютных, дедуктивно данных, истин мир сегодня не приемлет. Это, нам до конца непонятный, ход истории с нарастанием индукции. Марксизм — самая естественная и эффективная в такой ситуации форма философии, удерживающая мир от хаоса. Потому Церковь обязана объединить усилия вместе с марксистами в поддержании существования. И при этом помнить, что есть общие реальные враги, угрожающие и хаосом и деградацией личности — оккультизм, массовая культура, субъективистские философии, фашизм..

К сожалению, мы, сосредотачиваясь на атеизме, марксистской критике религии, оставляли в стороне и мировую ситуацию и все "позитивы" марксизма.

6. Социологический анализ реального социализма 80-х годов

Рассматриваем социализм нашего времени: во-первых, он растет и существует, появляются социалистические элементы и в буржуазных государствах и в странах третьего мира. Значит, есть силы, разумные силы, дающие ему жизнь. Жизнь от Бога. Говорят, что социализм "демоничен", "империя зла" — СССР. Посмотрим. Широкие программы социального обеспечения населения, высокий уровень фундаментальных наук (высшей теории в науке) и классической культуры, меры по усилению порядка, дисциплины, трезвого образа жизни, запрет порнографии, культы силы, секса, насилия, наркотиков, ограничения на деградирующую массовую культуру — разве это не реализация в обществе, пусть "анонимно", христианских норм и заповедей? А нынешний курс Горбачева и его идеолога И. Т. Фролова на "единство слова и дела" ("принцип добродетели и чистоты"), на усиление "человеческого фактора", внедрение этики как необходимого звена познания и существования, антиалкогольные мероприятия, мирные альтернативы в ядерном конфликте, "новое мышление ядерного века"?

Удивительные перемены в сторону повышения уровня существования и реализации заповедей! Значит, поистине, язычник, имеющий в сердце Закон, ближе к Господу, чем верующий, славящий Его лишь устами. Такова парадоксальная реальность присутствия истинных религиозных ценностей в жизни атеистического государства. На Западе же, увы, усиление дехристианизации и даже дегуманизации (примеров множество). Вопрос: почему же, при всех демократических вольностях, Церковь на Западе не справляется с задачей и государства не помогают ей?..

Думаю, что мы, опять-таки по предубеждению, не "различали духов" и, "эмоционально отталкиваясь от "советского", не видели реализаций заповедей. Сказывался и свойственный нам дух элиты, интеллигентское, отнюдь не церковное, внутреннее неприятие ни мира рабочих, ни государственных чиновников, ни "отверженных", уголовников. Была кастовая замкнутость и сугубо интеллигентские претензии к социализму. Мы же, если бы попали в теократическое государство, первые взвыли бы: "свободу совести, печати, собраний!" Забыли ведь, что христианское понятие свободы и буржуазно-демократическое, которое сейчас отстаивает Запад — несовместимы. Мы любили плотскую свободу, вне Истины, вне Христа. Потому и не принимали социализм...

7. Конкретные ошибки в теории и практике малых групп

Где критерии отличия подлинно духовной группы от еретической, от секты? В молитве, чтении Библии, во взаимопомощи? Нет, все это было и в сектах и даже (изучение Библии) в атеистических семинарах. Думаю, что ошибки произошли еще на высоком теоретическом уровне, а потом вошли в практику.

Первое: юридическая неприемлемость формы нелегальной общины в СССР и всех методов нелегальной деятельности (разработка методичек по ведению групп, обучению, работа с нелегальной литературой, использование современных технических средств, начиная от магнитофонных кассет вплоть до слайдфильмов). И эта неприемлемость не просто социологическая, но и богословская. Почему? Во-первых, эта работа противоречит полностью социальному учению Церкви, установке на соблюдение законов советского государства. Во-вторых, эти формы были разработаны за рубежом, в основном на 2 Ватиканском Соборе, для стран несоциалистического типа. В-третьих, боюсь, что Собор пошел на неоправданную протестантизацию — ставить во главе группы человека, как правило, с низким духовным уровнем, не восполненным благодатью священства, это очень опасно. Он может быть умен, контактен, обаятелен, но работает не в отречении, не для Христа — усилится религиозный субъективизм и вновь пойдут расколы и ереси, как в стихии неуправляемого протестантизма. Это путь вширь, а не в глубь. И сегодня, я опасаясь, что таким образом направленное Аджорнаменто на Западе может дать только горькие плоды (внешнюю вовлеченность в церковную общественность, а по сути имитацию церковности). Нам же, на социалистическом Востоке, надо искать новые, несомненно легальные, формы церковного обновления. Четвертое соображение — с точки зрения здравого смысла "малые группы" в СССР нереальны, рано или поздно самоупразднятся или погибнут. Значит, надо искать нечто подлинно жизнеспособное. Пятое, быть может, самое важное и конкретное — наш общий низкий уровень, который сказался и в нежелании отречься от плотской интеллигентски-интеллектуальной привычки ради полного исполнения канона (эмоционально трудного, но необходимого для роста), и в неисполнении заповедей. Мы думали, что человек будет расти в группе, и отчасти это было, но слаба была концентрация на личном подвиге, незначительны изменения в людях.

Я не склонен считать абсолютно все в наших делах ошибочным. Быть может, в замыслах Христа был даже запрограммирован и наш вариант с ошибками. Посмотрим на историю: конфликт Церкви с Советским государством погас за ничтожно короткий отрезок времени, с 1942 года стороны резко пошли на сближение, и не получилось ли, что "милые бранятся только тешатся", что Церковь узнала и в этом государстве слугу Господа? Мы же повторили рецидив Гражданской войны, думали, что можно обмануть коммунистов, создать незаметно свои структуры и, когда они опомнятся, заставить их принять это как факт. Но произошла недооценка не только их внешней силы, но их ума и преданности в общем служении Высшему. Удивительно также и то, что они так долго с нами "работают", хотя не крови и личных катастроф, а переориентации на путь законности. Мой арест, по-видимому, следствие моего экстремизма и горячности, надеюсь, так и останется исключением.

И еще: наша деятельность могла бы и распространяться, но охватывать только очень узкий круг студенчества и интеллигенции, закрепляя в нас дух кастовости, исклю-

чительности и превосходства над другими типами людей. Согласитесь, что над Вами, как над яркой личностью творческого интеллектуального плана был создан (не Вами, а неуемными поклонниками) ореол высокого аристократа, который привлекал людей, но перебрался ли он далее, через упоение ментальным высоким пилотажем — в глубокую церковность? Правильно ли было подключать неоперившихся юношей, которые еще не сделали и полшага в отречении, к интеллектуально увлекательным делам, к книжному творчеству? Вырастали ли у нас люди, которые приняли бы Иисуса в те дни, когда Он пришел на землю? Ведь он был плотник, высокой и тонкой грамоте неученый и общался Он не с университетской аудиторией. Не стали бы мы вместе с фарисеями — увы! — против Него?

Осмеливаюсь писать так резко потому только, что вижу еще одну теоретическую ошибку. Благость достигается не через знание. Лактанций писал, что благо не может заключаться в знании, ибо оно должно быть обще всем — и рабам, и крестьянам, и женщинам, и "варварам", которые не имеют возможности заниматься наукой или неспособны к ней. Христос посрамил мудрость мира сего, показав, что трансцендентное знание может достигнуть всякого, даже минуя и разум. Носителями благости могут быть и те, от кого мы эмоционально отталкивались: рабочие, коммунисты, старушки и (поймите меня правильно) даже уголовники, — люди, сорвавшиеся с элементарного, но все же не потерявшие возможности жаждать чистоты и даже быть чистыми.

Нелепо было бы нам, интеллектуалам, забросить книги, взяться за лопату, опроститься — но Христос призывает всех к отделению себя от материальной формы. Да, наша форма тонкая, красивая, умная — но она материальная. Этим все сказано. И нам предстоит внутреннее освобождение от того дорогого, кровного, что мы так лелеяли с детства. Так мы откроемся к Богу и людям, увидим многообразие и многоступенчатость служений: Дух использует как Своих тружеников не только монахов, священников и интеллигентов...

Курьезный случай: Вы, наверное, помните священника, который исследует феномен "анонимного христианства" в Сахарове? Но почему бы не исследовать "анонимное христианство" атеистов Горбачева, Фролова, Проханова, Богата? Я посылаю Вам вырезки из газет с моими пометками — прочитайте их, пожалуйста, с этой точки зрения. Посмотрите также "Удар молнии" и "Семейную реликвию" Богата, книгу Фролова "Перспективы человека" и его статьи "Время решающих перемен" ("Вопросы философии", 1985 — 8), "На пути к единой науке" ("Природа", 1985—8), плюс — "Передовую" в "Вопросах философии", 1985—9. Что вы скажете?.. Что это слова? Но на знамени Горбачева девиз: "единство слова и дела" — принцип здравый, так если мы и сомневаемся, давайте поможем ему осуществиться.

Прежде чем перейти к следующей теме, хочу коснуться и внутрицерковных проблем. Углубляясь в истоки христианства, мы восстанавливали общину апостольского периода, но могли ли мы с нашими людьми нашего уровня добиться чего-то большего, чем психотерапевтического кружка? Сработала ли бы сама форма без людей — религиозных подвижников, что удержало бы нас от расколов и субъективизма? А почему Церковь в истории теряла авторитет и все имеющиеся формы "не сработали" (монашество, христианские монархии, школы...)? Быть может, надо еще искать? Используя при этом плюсы социализма, а не стучась лбом в стенку... Искать пути "социалистического Аджорнаменто"?

Важен еще один момент. Желая единства Церкви и восстановления авторитета святого Петра в Восточной Церкви, не смешивали ли мы Ватикан идеальный, теоретический — с Ватиканом сегодняшним? Не увлеклись ли мы тем духом индукции, который охватил ныне не только цивилизацию, но проник и в богословие и в социологию Церкви? Не закономерен ли путь Кюнга к отрыву от Апостольского Престола, а ведь он один из строителей Аджорнаменто? Не может ли созидание "идеального Ватикана" происходить и в Восточной Церкви? Не в этом ли наше призвание? Быть может, я заховаюсь на слишком многое, но, наверняка, мы должны найти своеобразные пути Аджорнаменто при социализме. А это означает и отказ от всего индуктивного, что пронизало наших западных собратьев.

И еще — публикация богословских работ, в том числе и просветительских, на Западе — не является криминалом с государственной точки зрения. Но она не должна выходить ни из-под нашего контроля (что случалось не раз, когда нас "подставляли" или пользовались нашими именами), ни тем более из-под контроля наших наставников по иерархии — ведь это соблюдение нормы, неотъемлемой от Церкви. И все же надо стремиться и добиваться публикации здесь пусть в меньших тиражах, не с тем типографским лоском. Убедять, просить, доказывать, корректировать — все в согласии с канонически поставленными реальными авторитетными лицами.

8. Перспективы взаимодействия Церкви и государства при социализме

Наличие в советском обществе реально воплощенных и воплощаемых христианских ценностей очевидно, богословски и социологически совместная работа оправдана. Каковы ее формы — нам надо искать. Думаю, что, прежде всего, по направлениям сверху: политическое умиротворение ядерных страстей, развитие международного сотрудничества во всех сферах (начиная с социалистической интеграции до помощи третьему миру и оздоровлению Западу), этико-воспитательная работа внутри страны по реализации общечеловеческих и христианских ценностей (здоровый образ жизни, семья), благословение развития фундаментальных наук и классической культуры (которые могут снизу, индуктивно приблизить человека к одухотворению), поддержание законности и порядка во всех сферах жизни, углубление национального чувства, патриотизма и интернационализма, стимулирование фронтовой линии на создание новой науки, линии Богата — на совершенствование межличностных отношений, линии Леви — на оздоровление психики. Множество, множество путей, всего и не перечислить...

Но надо думать и о ближайшем будущем, а оно резко меняется. Микроэлектронная революция заменяет чувственный физический труд со всеми его минусами и (!) плюсами на труд роботов. Что будет с человеком, оторванным и от природы, и от физического труда, имеющим бездну досуга и утончившегося в общении с электроникой? Какие бесы заполнят этот вакуум? Сможем ли мы призвать туда ангелов? Не потеряет ли мир и того уровня добродетели, который есть сейчас, не вернутся ли впредь наркотики, секс, насилие, оккультизм, а, может быть, и обновленный фашизм? Не коснется ли это и нас? Сможем ли мы взять все "плюсы" социализма и вместе встретить дунами новшеств, не потерять имеющегося, нарастить "позитивы"? Или мы вновь будем цепляться за старые формы и не сумеем безотносительный Дух ввести в новую относительность?

Это горячие вопросы на грядущие 10—15 лет. А сейчас надо найти форму "социалистического ордена", подобно тому, как были найдены формы орденов для античности, средневековья, капитализма. Почему можно быть "адекватно феодальным" христианином-рыцарем или нищим бродягой-паломником, а нельзя стать "адекватно социалистическим"? Не приспособиться, замаскироваться — а именно стать, быть социалистическим, советским. Непривычно? Ну так что ж. А разве Иисус канонизировал античную тогу? Он не говорил ни о каких привязках и к формам культуры, общества, даже религии. И Его ученики всегда "легко были разными": возникали новые ордена в ответ на новые явления времени — то нищенствующие, то умствующие, то молчуны, то говоруньи, то в рясах, то в джинсах... Дух всегда будет играть в любые кубики, внедряться в любого, самого тупого и расового робота. Ведь Он, по Иезекиилю, и из костей сухих людей восставлял! Чем кости лучше транзисторов, а советский рабочий хуже крепостного пахаря? Если святые проповедовали зверям и птицам, то почему нового человека нового века надо загонять в подвал к демонам? Только за то, что он не похож на рыцаря, монаха, буржуа или члена христианского профсоюза? Нет — пусть "в с я к о е дыхание да славит Господа" при "в с я к о й власти от Бога". Круг замыкается и, кажется, присутствие-неприсутствие Духа в текущей материи теперь видно ясно. Так будем же с Духом — везде — всегда — и внутри социализма в том числе!

Я бы закончил этим свои теоретические интуиции, но хочу сказать об основной п р а к т и ч е с к о й форме, в которой реализуется добродетель в век социализма. Это

труд, плюс общественная активность. Марксизм видит в труде не самоцель, но некую, говоря нашим языком, аскезу, форму отречения от эгоизма и служения высшему, с точки зрения марксизма — обществу, с нашей точки зрения — через общество и государство — Богу! Замыкается еще один круг: в главном пафосе современного мира, марксизме, мы имеем общее, должны делать одно дело, хотя и по разным мотивам и с видением перспектив по-разному. Итак, главная добродетель "социалистического Аджорнаменто" — это бескорыстный аскетический труд, служение через государство — Духу. И это должно стать основой наших практических реализаций, это основная тема проповеди.

Ведь Церковь не должна бить современного человека дубиной Догмы, дедукции, непрекаемого авторитета Писания (этого никто не услышит, даже мы не очень-то прислушиваемся к дедуктивному Откровению), а должна быть Педагогом, Матерью, которая способна воспитать любого ребенка: и в тоге, и в рясе, и в джинсах. Понимая его детский лепет, не обижаться на глупости и шалости, а приласкать сначала, согреть, а потом поучить чему-то хорошему, что ему будет сначала нравиться, чтобы в дальнейшем повысить требования и усложнить задачи. Быть не Ворчуном, Всезнайкой, Полицейским или Диверсантом, а Педагогом. Быть стопроцентно в своем времени и вне его — сохранять трансцендентную реализацию в любом ритме, включая джаз и диско. Стержень, который не даст раствориться во времени — канон, Библия, преемственность. И от этого стержня всегда будет претекать свыше энергия, которую и надо будет тратить по горизонтали: на труд, соблюдение заповедей, на понимание реальности и на воспитание. Если будет стержень, то любая новая социальная форма будет тянуться к Солнцу, проще говоря, повышать свой уровень снизу вверх — так, глядишь, и до Солнышка дорастет, а Солнце каноном сияет, праведностью, чистотой. Здесь и к Богу близко!

Вот к какому итогу я пришел. И сделал для себя выбор — путь "социалистического Обновления". А на практике — понял, что обязан выступить с Открытым письмом к обществу с кратким описанием моего пути: через сомнения и раскаяние в граждански и церковно преступной деятельности я обрел новый позитив. Это не поражение, а победа над собой — над гордыней, антисоветским экстремизмом, которым я заслонил церковную деятельность, над теоретическими богословскими ошибками. Далось мне это нелегко, и, надеюсь, Вы, зная меня, понимаете, что это процесс внутренний, чистый, искренний, а не давление извне или психический срыв. Я адресовал Открытое письмо в ТАСС и АПН, предложил телевизионное выступление и интервью с иностранными журналистами. Уверен, что никакого вреда ничьей судьбе не нанесу — а, напротив, надеюсь, что многие мои друзья, и Вы в том числе, поймете меня и — это моя мечта — не сразу, постепенно, через муки и борения, переоцените свою деятельность.

Дорогой отец! Вы наделены огромной ответственностью и перед людьми, которых Вы ведете по жизни, и перед государством, и перед Господом. Особо велика Ваша ответственность за лидеров и активистов групп, входящих в Вашу общину. Вопросы решаются не столько сюжетные, биографические — но глобальные. Призываю Вас проверить, что "за кадром" моих слов: бесы или ангелы, трусость и слабость досидеть еще один годик в неплохой колонии или серьезный поворот мысли, бес в виде "ангела света" или Правда.

Простите за дерзость, но призываю Вас и всех, кто захочет понять, что со мной произошло, на некоторое время к посильному посту и по возможности к постоянной молитве Иисусовой — для созерцательного вопрошания Господа. Это необходимо. Но не торопитесь, не спешите с выводами. Почувствуйте меня — боюсь, что в словах письма не все мог сказать и достойно аргументировать.

Прошу Вас также как Ваш брат во Христе, как бывший духовный сын и соратник: наложите мораторий на все формы Вашей общественной деятельности, противоречащей закону, сроком на полгода. Подумайте это время и помолитесь. А через полгода станет ясно: или Вы продолжите все по-прежнему (тогда будут неизбежны катастрофы и жертвы, которые ударят не только по Вам), или Вы просто оставите эту деятельность (и тучи рассеются над Вами), или найдете новый позитив (и тогда засияет Солнце!). Конечно, в первую очередь Вы столкнетесь с сопротивлением глыбы собственного авторитета — у Вас мировое имя, признание среди друзей. Но попытайтесь встать и над ними, ради Бога.

Вы видите, что я "поднял голос" после долгого твердого молчания и решился на такие парадоксальные шаги, которые требуют преодоления колоссальных эмоциональных и интеллектуальных преград, не от "плохой жизни" — заключение, как я уже говорил, лишь укрепляло мою уверенность, а лишения только оттачивали волю. Скажу главное и сокровенное — я сделал это ради Христа, проверил интуиции на соответствие Библии, Преданию, авторитету сегодняшней Русской Православной Церкви, здравому смыслу, я заглянул в себя и увидел острую потребность в каноне, аскезе и постоянной молитве, я жажду Господа как никогда... Как трудно говорить об этом! Как бы вновь не сбиться на подмену, на риторику, не окостенеть в форме...

Дорогой отец, я чувствую себя маленьким плачущим ребенком, который стоит перед Вами, уткнувшись в Ваши колени — услышьте меня, поймите меня, испытайте, рядом ли с нами Христос, куда Он зовет нас сегодня? А может, Вы отвергнете меня?.. Бесконечно люблю Вас, люблю, несмотря ни на что, пойду за Вами и в огонь и в воду — но рядом должен быть Иисус! Давайте искать Его и Его волю. Я несравнимо мал перед Вами, я Ваш блудный сын — но вот, когда я возвращаюсь, быть может, Истина глаголет устами младенца? И мы пойдем ей навстречу вместе?..

Склоняю голову и прошу Вашего пастырского благословения, целую руку Вашу, держащую Чашу и Крест, — благословите, отче! Молюсь о Вас непрестанно, с любовью и надеждой.

Господи, Иисусе Христе,
Сыне Божий,
помилуй нас, грешных!

Не в силах сейчас писать лучше, всегда Ваш —
Сергея

P.S. Покажите, пожалуйста, это письмо Елене Владимировне.

НЕСКОЛЬКО СООБРАЖЕНИЙ ПО ПОВОДУ ПИСЬМА С.МАРКУСА И ТЕКСТА "ОТ ПУБЛИКАТОРА"

Не говоря о другом, письмо С.Маркуса о. Александру Меню интересно тем, что оно является примером того, как могут успешно подействовать на одинокого, ослабленного лишениями человека утонченные методы давления. Очень легко убедить изможденного православного христианина, находящегося в одиночестве, в том, что его деятельность — знак того, что он впал в "гордыню" (такой метод был успешно применен в деле о. Дмитрия Дудко). Ведь нужно обладать исключительной силой характера и высочайшей степенью духовности, чтобы, признавая действительно свою гордыню не упасть в тот капкан, который приготовили те, кто пользуется этим понятием для борьбы против живой проповеди Евангелия. Нужно иметь веру Иова.

Но в случае с С.Маркусом, можно сказать, что те, кто надеялся через него указать другим верующим "правильный путь", дали промах. Текст Маркуса свидетельствует не столько о том, что нужно перестать заниматься семинарами и группами по изучению Библии и Святых Отцов, сколько о том, что он сам, С.Маркус, абсолютно не умеет мыслить (в чем его винить тоже нельзя; он типичный пример того умственного и культурного одиночества, в котором находятся верующие в результате отсутствия возможности открыто воспитываться в религиозном духе и прибегать к подлинно христианской культуре. Распространение подлинной христианской культуры рассматривается неписанным законом, как "религиозная пропаганда"). И вместо того, чтобы убедительно бороться против ведения семинаров, С.Маркус и его письмо являются живым доказательством, насколько эти семинары нужно бы развить, чтобы дать возможность людям общаться и учиться мыслить через обмен мнениями и взаимную критику.

В своем комментарии "публикатор" очень четко и правильно указывает на существенные проблемы, затронутые письмом С.Маркуса. Действительно, в истории христианства всегда существовала (и существует) тенденция использовать слова Христа, обращенные Пилату (Ин. 19, 11: "Ты не имел бы надо мною никакой власти, если бы не было дано Тебе свыше"), чтобы оправдывать конформизм в Церкви, "ее (т. е. нашего) бесстыжкого стремления выжить любой ценой и сгодиться любому режиму". Такое греховное искушение действительно существует в каждом из нас, и оно побеждает на самом выгодное для нашего малодушия толкование, не только слов: "несть власти аще не от Бога" или "отдавай Кесарево Кесарю"(Мф. 22, 21), но и каждого Евангельского слова. В каждом поколении Церкви, среди мирян, как и среди Архипастырей и Пастырей, есть некий процент людей, которые, выражаясь мягко, плохо понимают эти слова о власти, и часто честно думают, что слова эти обязывают их считать конформизм их христианским долгом. Эти люди не видят, что, хотя всякая власть действительно от Бога, это отнюдь не означает, что всякая власть тем самым непогрешима и стало быть стоит вне всякой критики. Таким же образом они часто имеют неясное представление о том, что такое лояльность и верность. Эти понятия они склонны воспринимать, как верно-подданность и подхалимство. Однако в каждом поколении в истории церкви есть другие люди, которые понимают верность и лояльность наоборот, как долг говорить правду власть имущим (Амвросий Медиоланский, Василий Великий, Фома Бекет, Филипп Московский, юродивые...) и доводить эту верность и лояльность, если нужно, до мученического самопожертвования.

Церковь молится о властях с Апостольских времен. Эта молитва никак не означает пассивного признания и принятия поступков или политических направлений этих властей. Молитва церкви, наоборот, всегда *активна* и всегда накладывает на молящихся обязанность *истинной* верности и лояльности. В своих отношениях с властью Церковь вовсе не наивна. На это ясно указывают слова, являющиеся частью Евхаристической молитвы на Литургии Василия Великого (слова, которых, к сожалению, в русском быту и во многих других местах почти никто из народа не слышит, так как священнослужитель произносит эту молитву *всей Церкви*, в такой момент, когда внимание молящихся всецело поглощено другим...): "Помяни, Господи, всякое начало и власть, и иже в палате братию нашу и все воинство: *благия во благости соблюди, лукавья блага сотвори благостию Твоею*".

Эта молитва обязывает каждого идти по пути сознательного и ответственного поведения в любых обстоятельствах общественной жизни. Но как? В какой форме? Вот вопрос, на который нельзя дать однозначный или общий ответ. Это вопрос совести каждого, связанный с его личным призванием, зависящий от личных даров, им полученных, и от обстоятельств, в которых он находится.

Едиственное, что объединяет всех, это то, что Церковь (а значит: все вместе, и каждый лично) свидетельствует о том, что Она причастна Христу, воплотившемуся, распятому и воскресшему, то есть тому, кто "сам Себе предаеше *за мирской живот*". Из этого вытекает долг каждого христианина непрестанно напоминать о бесконечной ценности каждого отдельного существа — Богом созданного и по образу Божию созданного. Однако на вопрос, *как* свидетельствовать, можно только ответить готовностью свидетельствовать; и во всяком случае *не* осуждением того, как, на мой вкус, "неправильно" свидетельствует ближний. Во время второй мировой войны, во Франции были высокопоставленные чиновники французы, которых вся общественность считала коллаборантами с немецкими оккупантами. Оказалось, что они пользовались своим положением и контактами с немецкими властями, чтобы спасти людей (евреев и других) от ссылки и смерти.

Молитва о властях напоминает Церкви о том, что Ее долг существовать и свидетельствовать (по-разному в связи с обстоятельствами) при *любом* социально политическом строе, каким бы он ни был безбожным или антихристианским. Одновременно эта молитва напоминает Церкви о том, что Она ни в коем случае не может отождествляться с *каким-либо* социально-политическим строем, каким бы он ни был идеально христианским и православным. Во всех обстоятельствах и где бы то ни было, Церковь не может

не быть критическим свидетелем, напоминающим о том, что человек живет "не хлебом единым", и что мирская жизнь не исчерпывает его существования.

Церковь — Тело Христово и Невеста Христа. Как таковая Она не имеет "пятна, или порока, или чего-либо подобного"; Она "свята и непорочна" (Еф. 5, 27). Мы же, члены Ее, хотя причастны этой идеальной действительности, остаемся, пока мы живы, грешниками (прощенными, но все же грешниками), постоянно подвергающимися искушению. Любой момент истории Церкви может для нас являться соблазном. Один из главных соблазнов церковной жизни, и даже естественный человеческий уклон, это застывание на одной какой-нибудь позиции: когда человек нашел какой-нибудь правильный путь, он на нем как бы "устраивается". Но всякий "правильный путь" является правильным в данных, определенных исторических условиях. Нам предстоит каждую минуту прислушиваться к меняющимся историческим условиям, чтобы не пропустить момента, когда правильный путь следует заново передумать, чтобы он опять стал "правильным", то есть чтобы он вновь соответствовал другому историческому контексту. В этом динамическом процессе и заключается жизнь в правильно понятой Традиции; Традиция же не есть консерватизм, а наоборот, постоянное обновление жизни Церкви Святым Духом, через наше с Ним ответственное сотрудничество. Когда мы в определенной установке застываем, когда мы эту установку возводим на положение универсальной истины, применимой в каждый момент истории Церкви, тогда мы перестаем быть открытыми и способными прислушиваться к тому, "что Дух говорит Церкви" (Откр. 2, 7).

Николай Лосский (Париж)

М.БОЛХОВСКОЙ (Самиздат)

ТРЕТЬЯ ПОПЫТКА ОДНОГО ПОКОЛЕНИЯ

Гражданину Б-ну в день его
пятидесятилетия.

Налицо признаки оттепели: и съезд кинематографистов, и съезд писателей показательны в этом смысле. Оттаяли журналы. Апрельский номер "Огонька" публикует Гумилева. Выходят в свет новые вещи Айтматова, Быкова, Распутина, и никто не кричит: "ату их!" Обиделись, правда, грузины на Астафьева, да и то как-то по-детски. В морозные времена на автора рассказов, напечатанных в пятом номере "Нашего современника", низверглась бы лавина: он де клеветает на москвичей, черепян, вологодских рыбаков, дома творчества и — даже страшно подумать! — "хозяйство Терещенко". В результате самого Астафьева обидели бы и на долгий срок.

Теперь не те времена! Оттепель!

Говорят, будто слово это пустил в обиход после смерти Николая I Тютчев. На нашем веку оно возрождено было Эренбургом. Его повесть "Оттепель" опубликована была в 1954 году в пятом номере журнала "Знамя". Повесть встретили в штыки. "Некоторые критики говорили или писали, что мне нравится гниль, сырость", — вспоминал Эренбург и ссылался на словарь Ушакова: "Оттепель — теплая погода во время зимы или при наступлении весны, вызывающая таяние снега, льда."

Оттепель, о которой сегодня идет речь, — оттепель № 2.

Повторяемость явлений провоцирует на обобщения.

В шестом номере "Знамени" за этот год Анатолий Стреляный пытается нащупать "экономический базис" периодических потеплений.

Он показывает историю борьбы "кавалеристов" (сторонников администрирования в народном хозяйстве) и "купцов" (сторонников развития товарно-денежных отноше-

ний). В 1921 году верх взяли "купцы", в 1928 — и надолго — "кавалеристы". В 1953 году — "купцы", потом снова — "кавалеристы". Косыгинская реформа 1965 года — дело "купцов". Блокирование ее и забвение — результат очередной "кавалерийской атаки". Себя Анатолий Стреляный относит к "купцам" и радуется за их торжество.

Ему кажется, что изображенная им борьба — это борьба "социализма мысли против социализма чувства". Это двойная ошибка.

Во-первых, неправомерно отождествлять психологию лихих администраторов с социализмом чувства. Социализм чувства — это не что иное, как чувство равенства, отвергающее сословные и классовые перегородки, разобщившие людей.

Быть может, до 1921 года — во время "красногвардейской атаки на капитал" — те, кто тогда был на коне, всерьез мечтали о чем-то подобном. Но уже тогда и рабочий от станка, и крестьянин от сохи имели возможность убедиться, что пеший конному — не товарищ. А потом? Главначпулс Победоносиков, сидя в кресле, позировал художнику Бельведонскому. "Ты изобрази меня ретроспективно, то есть как будто на боевом коне". Понятно желание бюрократа выдать себя за всадника. Но ни в министерском кресле, ни — мысленно — в кавалерийском седле, он ни на минуту не усомнится в своем исключительном праве властвовать и владеть.

Во-вторых, что это за купеческий "социализм мысли"? Даже современный капиталист, развившийся из допотопных купцов, как человек из обезьяны, крайне редко становится социалистом. "Социализм мысли" — плод критики буржуазной политэкономии, а не желания, в наших условиях в общем похвального, вести хозяйство расчетливо, знать что почем, учитывать конъюнктуру рынка и получать прибыль.

Вместо того, чтобы говорить не к месту о социализме, как эмоциональном, так и рациональном, Анатолию Стреляному следовало бы взять эпиграфом для своей статьи пушкинский перл: "Все мое, — сказала Злато. Все мое, — сказал Булат. Все куплю, — сказала Злато. Все возьму, — сказал Булат." Не зря Маркс отмечал понимание Пушкиным экономических проблем. Борьба Злата (капитализма) и Булата (государства) в рамках единой системы государственного капитализма на самом деле является одной из причин периодических изменений погоды в наших широтах.

Разумеется, действуют и другие, не так бросающиеся в глаза, но значительные факторы. Уже сам рост производительных сил — с ускорением или без него — требует реорганизации производственных отношений. И отношение "молчаливого большинства" к порядкам в этой стране не может не учитываться "всадниками-купцами". Опыт малых стран, подобных по политико-экономической структуре нашей великой державе, учит власть имущих: массовая покорность сегодня может обернуться массовыми беспорядками завтра. События в Новочеркасске — наглядный пример не из венгерской или польской, а из нашей истории.

Слава богу, "хозяйство Терещенко" у нас на высоте.

Что касается социализма как в чувствах, так и в мыслях, то его следует искать не на официальной поверхности. И компетентные лица знают это.

Встретятся случайно "два русских мальчика" и заговорят о Боге, бессмертии или — того хуже — "о переделке человечества по новому штату". Тут надо держать ухо востро. Завоеваешься, и вот уже Александр Чукаев со товарищи создаст Российскую социал-демократическую партию в подполье. Бесовщина какая! К Терещенко его!

За что? — спросят наивные люди. Выступал ли А. Чукаев против советской власти? Напротив, выступал за то, чтобы "вся власть Советам". Был ли он против социализма? Напротив, всей душой "за". Быть может, призывал к насилию? Прямых улики нет. Так за что?

Прочтите внимательно, граждане адвокаты, "Плаху" Айтматова ("Новый мир" № 6 за этот год). Авдия, пылкого правдолюбца и богоискателя, исключают из семинарии и отлучают от церкви. Отец Координатор говорит ему на прощание: "Тебе с твоими мыслями не сносить головы... Любая идеология претендует на обладание конечной истиной... А жизнь мирская куда жестче, чем может показаться..."

Прав мудрый служитель церкви! А разве не прав Петро Григоренко, что "в подполье живут только крысы"? Или автор "Победителя коммунизма" Чалидзе, утверждающий, что Сталин спас нашу страну от худшего зла — эгалитарных тенденций?

Сегодня игра в РСДРП, завтра искра... и венец всему: "Мы разжигаем пожар мировой, церкви и тюрьмы сравниваем с землей."

Необходима профилактика, граждане адвокаты, у нас законом запрещена проповедь мирового пожара. Мы за существование церквей и тюрем, и не позволим ни Александрам, ни Авдиям сеять смуту словом в ожидании дел.

И жену Чукаева окружить вниманием. Психушка, лишение материнства и прочее и прочее — все годится для спасения ее от влияния хоть социал-демократов, хоть пацифистов.

Я думаю, что и "кавалеристы", и "кушцы" согласятся с этой охранительной логикой.

Но о какой же оттепели может идти речь в условиях такой вечной мерзлоты? Об оттепели в этих суровых условиях, об оттепели поверхностной, но тем не менее несомненной.

Кто ответственен за это — второе по счету — поветрие тепла? Мне кажется, что сейчас имеет место третья попытка поколения пятидесятилетних чутьчку разморозить Россию.

Первой попыткой можно считать студенческое беспокойство 1956—1958 гг. Оно возникло из оттепели номер один, названо было ревизионизмом и подавлено. Я имею честь принадлежать к этой части поколения пятидесятилетних. Власти обошлись с нами круто, сокурсники думали о нас: "дураки!" Мудрецы задним числом обнаружили в наших мотивах "бесовщину господина Достоевского." Но мы были.

Вторая попытка — это диссидентство семидесятых годов. Ее осуществили наши более осмотрительные и основательные товарищи, успевшие "остепениться" и завоевать "место под солнцем". На беду для них хрущевская оттепель уступила место брежневским холодам. Тем не менее они вызвали к себе сочувствие мирового общественного мнения, помешали замышляемой реабилитации Сталина, расширили рамки дозволенного для тех писателей и художников, которым совесть, а не перст указующий был ориентиром.

Третья попытка — это попытка пятидесятилетних, оказавшихся вдруг у власти, когда смерть, великий нивелятор и анархист, выбила из седла последовательно Брежнева, Андропова и Черненко.

Что общего — спросят меня, — у "пропалых ребят" первой оттепели с этими властью имущими "молодыми людьми" послеленинского возраста? Что общего — спрошу и я, — у каждого из нас, нынешних, с теми нами — "на заре туманной юности"? Дело не в сединах и морщинах. Конечно, есть непоправимые дураки, вроде меня, хранящие на шестом десятке верность убеждениям молодости. Таким Александр Чукаев — товарищ. И тамбовский волк.

Люди меняются с возрастом — это факт, и каждый по своему приходит к общему финишу.

И все же было бы неправильно не видеть в поколении пятидесятилетних ничего, кроме случайного соседства во времени. Мы дышали одним воздухом и сталкивались в пространстве, довольно узком.

Ведь речь идет не просто о людях, которым сейчас пошел шестой десяток, а о тех, кто был студентом в первую оттепель, мог быть диссидентом в годы брежневских заморозков, то есть о представителях определенного социального слоя, если хотите, истеблишмента, при этом мы слышали и о истеблишменте.

Знавал я, например, некоего Краснопевцева. Он же, будучи аспирантом на кафедре истории партии в МГУ и одним из вожakov университетского комсомола, не мог не пересечься со студентом-юристом, тоже из комсorghов, Горбачевым М.С. Судьба их разбросала, как Чапаева с Петькой в анекдоте, но пространственно-временная близость в период формирования мироощущения и характера не могла не оставить общей отметины на духовном челе каждого из них. Как-никак "молочные братья", питомцы одной alma mater!

По делу Краснопевцева прошли и побывали в хозяйстве Терещенко люди, сделавшие потом карьеру: и спец по юго-восточной Азии М.Чешков, и известный историк Покровский, и переводчик Поля Валери — Козовой. Эйдельман, один из выдающихся писателей, исследователь и мыслитель, знаток российского освободительного движения, тоже чуть не загремел по этому делу.

Сам Краснопевцев интересен своей идейной эволюцией в экстремальных условиях. Прибыл он в хозяйство Терещенко с высоко поднятой головой. Ни десятилетний срок, ни отсутствие комфорта не замутили его взора. Он зрел через столетие, да и ближайшие годы рисовались ему в контексте желаемых перемен.

Две идейных волны несли нас с детства: первая — революционная романтика, не успевшая еще отхлынуть, вторая — патриотизм, на гребень которой нас, мальчишек, подняла Отечественная война. Сегодня, желая показать чистоту наших намерений и помыслов, мы говорим о песнях Окуджавы, гражданственности лучших стихов Евтушенко, филологии Ахмадулиной, о стихотворной архитектуре Вознесенского или о спектаклях "Современника". Увы, во всяком ковчеге на семь пар чистых приходится семь пар нечистых, и грань, отделяющая первых от вторых, относительна и подвижна.

Вспоминая сейчас аскетическое лицо моего знакомого и его ясные глаза, я не могу точно сказать, что они выражали: только ли максимализм, свойственный молодости, и упорство человека, пострадавшего за свои убеждения? Не было ли в них изначально и начальственной отморозченности?

Конечно, кафедра истории партии в МГУ и комитет комсомола — это еще не коридоры власти. Но, думаю, до начала оттепели там было холодновато, да и потом трудно было оттаять до конца молодому человеку, пропитанному до мозга костей "Кратким курсом".

Краснопевцев, как и мы все, потрясенно слушал доклад Хрущева на XX съезде. Попал он в число тех, перед которыми Микоян, бывший еще не единицей устойчивости, а левой рукой Хрущева, чтобы не сказать левой головой, распространялся и о Бухарине и еще кое о чем, что по сей день не стало достоянием гласности.

Знаком был Краснопевцев с редакторами молодежного журнала "Попросту", сыгравшими значительную роль в польском Октябре 1956 года. Возможно, что статьи молодого Лешека Колаковского явились одним из стимулов ревизионизма (так тогда назывался процесс переоценки ценностей), перед которым не мог устоять и московский аспирант.

Борьба в верхах, между Хрущевым и "антипартийной группой Маленкова, Молотова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова", показалась Краснопевцеву и его друзьям тем "междущарствием", когда настает пора молодым силам сказать свое слово...

Как проходила потом идейная эволюция Краснопевцева? От чего он ушел и к чему пришел? Я думаю, что он искренне раскаялся в своих "преждевременных" действиях. Во всяком случае в его рассуждениях об ошибке декабристов, противопоставивших себя государству, мне, слушавшему их, слышались нотки самокритики.

Седьмое ноября Краснопевцев считал праздником, днем рождения нового государства. К тем, кто носил узкие брюки, читал Хемингуэя и пр. и пр., он относился отрицательно. И не только по причине пережитков райкомовского вкуса. С его точки зрения, Ремарк, Олдингтон, Хемингуэй и Илья Эренбург распространяли среди молодежи пагубное поветрие индивидуализма, в то время как будущее принадлежит коллективистской идеологии.

Отбыв свой срок от звонка до звонка, он опубликовал в местной многотиражке ("за пределы хозяйства Терещенко не выносить") статью, бичующую Синявского и Даниэля за антигосударственное и антипатриотическое поведение и взгляды.

Феномен Краснопевцева рассматривался многими как обычное "ссучивание", то есть нравственное падение. Быть может, это и правда, но не вся правда. От веры в марксизм, в актуальном или неактуальном понимании, Краснопевцев освободился. Переоценка ценностей увела его от Нечкиной к Иловайскому. Улетучились остатки революционного романтизма, а патриотизм обрел прочную государственную форму, как черепаха панцирь.

А. Зиновьев как то сказал: в идеологию не обязательно верить, идеологию следует или принимать, или не принимать. Так вот, перестав верить в коммунизм, хоть сталинского, хоть ленинского образца, мой знакомец пришел к мысли о необходимости принять его как государственную идеологию, в рамках которой только и возможен дальнейший прогресс этой страны. Боюсь, что феномен Краснопевцева типичен. По Гегелю,

плод является отрицанием породившего его дерева. И это так. "Яблоко от яблони недалеко падает", — гласит народная мудрость, и она права не только по отношению к "сидентам"—ревизионистам, но и по отношению к диссидентам как попавшим в хозяйство Терещенко, так и оказавшимся за рубежом.

Казусы с Тумановым, Репиным, О.Битовым, время от времени украшающие голубой экран и не менее голубую периодику, — вариации на ту же тему. Знаете, например, как определить аллилуевщину, эту легконогую "набожность", переходящую все границы? Аллилуевщина — дочернее предприятие сталинизма. Зачем говорить о людях, утративших человеческое достоинство, — скажут мне, — зачем остроумничать за их счет? Упомяну более серьезный случай, на котором я вижу ответ все того же феномена Краснопевцева.

Любимый мной поэт Наум Коржавин. В свое время он освободился от обаяния "комиссаров двадцатого года", увиденных из тридцатых годов. Потом все мы напевали его песенку "Декабристы разбудили Герцена", потом он "созрел" и, как могло показаться, далеко откатился от "яблони". Какие песни теперь поет он? Как "простой мужик, верящий в доброго царя", он возлагает "все свои надежды" на бывшего однокашника Краснопевцева, оказавшегося на коне.

Коржавин — не Битов и не Светлана Аллилуева. У меня нет никаких оснований сомневаться в нравственной основе его патриотизма. И я, как и он, хочу надеяться, что третья попытка поколения пятидесятилетних окажется не бесплодной. Но... Вот тут-то и проходит демаркационная линия, отделяющая нас, демократов и социалистов в старинном и обыденном смысле этих слов, от либеральных представителей мыслящего истеблишмента. Всякая оттепель, идущая сверху, для нас имеет два значения: относительное и абсолютное. Относительная польза перестройки кадровой политики, проводимой сейчас кампанией против коррупции и пьянства, экспериментов по устранению ведомственных барьеров и по предоставлению большей самостоятельности творческим союзам и пр. и пр. — вплоть до ожидаемых "купеческих" реформ в экономике и введения "гласности", относительная польза всего этого очевидна со всех точек зрения: и с официальной поверхности, и со "дна" (из "подполья") и для стороннего (зарубежного наблюдателя). Надо очень не любить эту страну и этот народ, чтобы не желать успеха пятидесятилетним реформаторам, получившим власть.

Что касается абсолютной ценности ниспосылаемой оттепели, то она состоит, на наш взгляд, в том, чего как огня боятся представители истеблишмента, — в пробуждении сознания народа, в освобождении его от "хронического российского недосыпа". Спору нет, такое пробуждение сулит возможные неприятности, эксцессы и даже катастрофы, но иного пути к демократии нет. А кроме демократии не существует другой политической системы, которая бы обеспечила прочный мир и недвусмысленный социальный прогресс.

Декабристы и Герцен, нигилисты в пладах и "нигилисты" в узких брюках, деятели освободительного движения до 1917 года и участники "демократического движения" здесь и теперь, всем известный А.Д.Сахаров и мало кому известный Александр Чукаев — вот наши "вперед смотрящие", "разведчики популяции", "мужи честны", указывающие нам выход из этакистского тупика.

Предчувствую возражения. Уж если ирония коржавинской песенки не убедила меня ("кому мешало, что ребенок спит?"), то на меня обрушат магнитофонную запись Галича. "Бойтесь того, кто скажет: я знаю, как надо!" Пожалуйста, бойтесь. Кстати, для того, и существует хозяйство Терещенко и город Горький и комитет безопасности, чтобы вы обрели покой и категорический императив наших дней не нарушал вашего относительного благосостояния и благодушия.

Но вернемся к "молочному брату" Краснопевцева по alma mater.

Третья попытка — последняя попытка нашего поколения, уважаемые сверстницы и сверстники. Тяжкое наследство досталось "молодым людям" послеленинского возраста. Громыко передал из рук в руки нынешнему министру иностранных дел "бремя белого человека" за Гиндукушем и лихого ковбоя в должности президента США, карьера которого была обесцелена в частности целой серией наших международных акций.

Темпы промышленного роста заметно начали падать в 70-е годы. Научно-техническая революция, бывшая у всех на устах, несмотря на закупки иностранной технологии, обернулась на деле эволюцией или даже инволюцией.

- Как ваши инженеры? — спрашивал Брежнева Никсон.
- Делают вид, что работают.
- Ну, а вы?
- Делаем вид, что платим.

Кулинарные техникумы и торговые вузы, а не политехнический институт стали престижными учебными заведениями.

Что может быть одиозней фигуры, олицетворяющей нашу академическую мысль, чем президент АН СССР Александров? Когда он, как черепаха Тортилла, очередной раз вползает на трибуну, все видят, что золотого ключика во рту у него нет. Но сам он есть, и пока он президентствует, будет продолжаться угрюм-бурчевский проект поворота рек вспять, а исследовательская работа будет идти вперед лишь в одном институте, в НИИ ЧАВО имени бр.Стругацких.¹

От зеленой революции мы дальше, чем Китай и Индия.

Но что более всего огорчительно?

Когда М.С.Горбачев, только что получивший свой высокий пост, посетил без сопровождения студенческую аудиторию в Ленинградском Политехническом, и попросил присутствующих задавать вопросы, "студенческая шарага" безмолвствовала. "Спрашивайте, мальчики, спрашивайте..."

Только ли "голубые" парни Андропова отучили наших мальчиков спрашивать? Не все ли мы, сиденты и диссиденты, несем ответственность за инфантильно-старческое равнодушие молодого поколения? Не мы ли внушили им, чтобы они не повторяли "ошибки отцов"? Не мы ли в домашнем кругу проповедовали философию сушеной воблы: "плетью обуха не перешибешь" и "уши выше лба не вырастут"? К счастью, не вся молодежь одинакова. Да и среди безмолвствующих сегодня есть, возможно, экземпляры себе на уме.

Оттепель только что началась. Если сравнивать ее с предыдущей, мы находимся где-то между 54 и 55 годом. И безусловно новый виток потепления захватил более широкие слои и "разморозил" значительно глубже общественное сознание.

Как и в нашу молодость, первыми стряхнули с себя апатию представители творческой интеллигенции: писатели, журналисты, актеры и режиссеры. Когда Алла Пугачева, давая интервью, назвала среди публикаций последнего времени, как самые интересные, очерки Ю.Черниченко, я не мог не порадоваться: женщина, которая поет, способна и мыслить.

Дремут пока, на мой взгляд, те, кого обычно зовут технократами. Им бы теперь и карты в руки! Но или крепко заморожены структуры НИИ и КБ или сами "товарищи ученые, доценты с кандидатами" еще не осознали своего общественного призвания, только из их кругов пока доносится лишь скептическое брюзжание. Их любимый анекдот о поезде и отсутствии шпал.

При одном вожде разбирали путь сзади, при другом расстреливали машинистов, а пассажиры гнали на лесоповал, при Брежневе, занавесив шторы, раскачивали вагон, при нынешнем открыли окна и все кричат: "А шпал-то нет! А шпал-то нет!"

Это злая карикатура на гласность. А быть может, и ностальгия по времени, когда было уютно сидеть в раскачиваемом вагоне — с фигой в кармане.

Да, были люди и в нашем поколении, которые не бунтовали в юности, держались подальше от диссидентов в зрелые годы, а теперь с неодобрением следят за "веяниями сверху". Прежде они утешали себя мыслью, что работают "на уровне мировых стандартов", гласность, даже та, какова она есть, лишила их этой иллюзии.

Недовольна оттепелью, естественно, многочисленная армия казнокрадов, как нарушающих, так и чтящих уголовный кодекс.

Нам, рядовым гражданам этой страны, нечего терять в наступающем потеплении. При любых изменениях климата мы останемся теми, кто мы, и завещаем поколениям иным негаснущую мечту о демократии. ●

¹

Пока эта статья готовилась к печати, акад. Александров был с поста президента АН снят, а проект поворота рек закрыт. — Ред.

ВИКТОР АСТАФЬЕВ – ВЗГЛЯД ИЗВНЕ И ИЗНУТРИ

Виктор Астафьев всегда обращал на себя внимание читателей. Его относили к категории так называемых писателей-деревенщиков, хотя на самом деле Астафьев как писатель и шире, и глубже. В последнее время об Астафьеве стали говорить особенно часто после того, как были опубликованы его роман "Печальный детектив" и несколько рассказов (в частности, "Ловля пескарей в Грузии", рассказ, который многократно поминали на последнем съезде писателей). Эти произведения сейчас оживленно обсуждаются в печати, но и не только в печати. Мы публикуем три письма, которыми обменялись известный историк и писатель Н.Эйдельман и В.Астафьев, а также комментарии двух московских читателей. Эти документы широко распространяются в Самиздате. Частная переписка стала важным общественным событием и, как мы увидим, не без оснований.

Н.Я.ЭЙДЕЛЬМАН – В.П.АСТАФЬЕВУ

Уважаемый Виктор Петрович!

Прочитав все или почти все Ваши труды, хотел бы высказаться, но прежде — представилось.

Эйдельман Натан Яковлевич, историк, литератор (член СП), 1930 года рождения, еврей, москвич; отец в 1910-м исключен из гимназии за пощечину учителю-черносотенцу, затем — журналист (писал о театре), участник Первой мировой и Отечественной войны, в 1950—55-м сидел в лагере; мать — учительница, сам же автор письма окончил МГУ, работал много лет в музее, школе; специалист по русской истории XVIII—XIX веков (Павел I, Пушкин, декабристы, Герцен).

Ряд пунктов приведенной "анкеты" Вам, мягко говоря, не близок, да ведь читателя не выбирают.

Теперь же позволю себе высказать несколько суждений о писателе Астафьеве.

Ему, думаю, принадлежат лучшие за многие десятилетия описания природы ("Царь-рыба"); в "Правде" он сказал о войне, как никто не говорит. Главное же — писатель честен, не циничен, печален, его боль за Россию — настоящая и сильная: картины гибели, распада, бездуховности — самые беспощадные.

Не скрывает Астафьев и наиболее ненавистных, тех, кого прямо или косвенно считает виноватыми...

Это интеллигенты — дармоеды, "туристы"; те, кто орут "по-басурмански", москвичи, восклицаящие "Вот когда я был в Варне, в Баден-Бадене". Наконец, — инородцы.

На это скажут, что Астафьев отнюдь не ласкает также и своих, русских крестьян, городских обывателей.

Так, да не так!

Как доходит дело до "корня зла", обязательно все же появляется зловеший горожанин Гога Герцев (имя и фамилия более чем сомнительны: похоже на Герцена, а Гога после подвергся осмеянию в связи с Грузией). Страшны жизнь и душа героев "Царь-рыбы", но уж Гога куда хуже всех пьяниц и убийц вместе взятых, ибо от него вся беда.

Или по-другому: голод, распад, русская беда — а тут: "было что-то неприятное в облике и поведении Отара. Когда, где он научился барствениности? Или на курсах он был один, а в Грузии другой, похожий на того в с е м надоевшего типа, которого и грузинком-то не поворачивается язык назвать. Как обломанный, занозистый сучок на дереве человеческом, торчит он по всем российским базарам, вплоть до Мурманска и Норильска, с пренебрежением обдирая *доверчивый северный народ* подгнившим фруктом или мятыми, полумертвыми цветами. Жадный, безграмотный, из тех, кого в России *уничтожительно* зовут *"копеечная душа"*, везде он распоясан, везде с растопыренными карма-

нами, от невымытых рук залоснившимися, везде он швыряет деньги но дома учитывает жену, детей, родителей в медяках, развел он автомобилеманию, пресмыкание перед импортом, зачем-то, видать, для соблюдения моды, возит за собой жирных детей, и в гостиницах можно увидеть четырехпудового одышливого Гогию, восьми лет отроду, всунутого в джинсы, с сонными глазами, утонувшими среди лоснящихся шек" (рассказ "Ловля пескарей в Грузии", журнал "Наш современник", 1986, № 5, стр.125).

Слова, мною подчеркнутые, несут большую нагрузку: *всем* — надоели кавказские торгаши, "копеечные души"; то есть, иначе говоря, у всех у нас этого нет — только у них: за счет бедных ("доверчивых") северян жиреет отвратительный Гогия (почему Гогия, а не Гоги?).

Сила ненавидящего слова так велика, что у читателей не должно возникнуть сомнений: именно эти и многие грузины (хорошо известно, что торгует меньше 1% народа) — в них особое зло и, пожалуй, если бы не они, то доверчивый северный народ ел бы много отнюдь не подгнивших фруктов и не испытывал недостатка в прекрасных цветах.

"Но ведь тут много правды, — воскликнет иной простак, — есть на свете такие Гоги, и Астафьев не против грузинского народа, что хорошо видно из всего рассказа о пескарях в Грузии".

Разумеется, не против: но вдруг забыл (такому мастеру непростительно), что крупица правды, использованная для ложной цели, в ложном контексте — это уже неправда и, может быть, худшая.

В наш век, при наших обстоятельствах только сами грузины и могут так о себе писать или еще жестче (да, кстати, и пишут — их литература, театр, искусство, давно не хуже российского); подобное же лирическое отступление, написанное русским пером, та самая ложка дегтя, которую не уравновесят целые бочки русско-грузинского застольного меда.

Пушкин сказал: "Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног — но мне досадно, если иностранец разделит со мною это чувство"; стоит задуматься — кто же презирает, кто же — иностранец?

Однако продолжим. Почему-то многие толкуют о "грузинских" обидах по поводу цитированного рассказа; а ведь в нем же находится одна из самых дурных, безнравственных страниц нашей словесности: "По дикому своему обычаю, монголы в православных церквях устраивали конюшни. И этот дивный и суровый храм (Гелати) они тоже решили осквернить, загнали в него мохнатых коней, развели костры и стали жрать недожаренную, кровавую конину, обдирая лошадей здесь же, в храме, и пьяные от кровавого разгула, они посваливались раскосыми мордами в вонючее конское дерьмо, еще не зная, что созидатели на земле для вечности строят и храмы вечные" (там же, стр.133).

Что тут скажешь?

Удивляюсь молчанию казахов, бурятов. И, кстати бы вспомнить тут других монголоидов — калмыков, крымских татар — как их в 1944 году из родных домов, степей, гор "раскосыми мордами в дерьмо..."

Чего тут рассуждать? — Расистские строки. Сказать по правде, такой текст, вставленный в рассказ о благородной красоте христианского храма Гелати, выглядит не меньшим кощунством, чем описанные в нем наругательства.

170 лет назад монархист, горячий патриот-государственник Николай Михайлович Карамзин, совершенно не думавший о чувствах монголов и других "инородцев", иначе описал Батыево нашествие; перечислив ужасы завоевания (растоптанные конями дети, изнасилованные девушки, свободные люди ставшие рабами у варваров, "живые завидуют спокойствию мертвых"), — ярко обрисовав все это, историк-писатель, мы угадываем, задумался о том, что, в сущности, нет дурных народов, а есть трагические обстоятельства, — и прибавил удивительно честную фразу: "Россия испытала тогда все бедствия, терпленные Римскою империей..., когда северные дикие народы громили ее цветущие области. Варвары действуют по одним правилам и разнствуют между собою только в силе". Карамзин, горюющий о страшном несчастье, постигшем его родину, даже тут опасается изменить своему обычному широкому взгляду на вещи, высокой объективности: ведь ужас татарского бедствия он сравнивает с набегами на Рим "северных варваров", среди которых важнейшую роль играли древние славяне, прямые предки тех, кого громит и грабит Батый.

Мало этого примера, вот еще один! Вы, Виктор Петрович, конечно, помните строки из "Хаджи-Мурата", где описывается горская деревня, разрушенная русской армией: "Фонтан был загажен, очевидно, нарочно, так что воды нельзя было брать из него. Также была загажена мечеть... Старики-хозяева собрались на площади и, сидя на корточках, обсуждали свое положение. О ненависти к русским никто и не говорил. Чувство, которое испытывали все чеченцы, от мала до велика, было сильнее ненависти. Это была не ненависть, а непризнание этих русских собак людьми, и такое отвращение, гадливость и недоумение перед нелепой жестокостью этих существ, что желание истребления их, как желание истребления крыс, ядовитых пауков и волков, было таким же естественным чувством, как чувство самосохранения".

Сильно писал Лев Николаевич Толстой. Ну, а если вообразить эти строки, написанные горцем, грузином, "иностранцем"?

С грустью приходится констатировать, что в наши дни меняется понятие народного писателя: в прошлом — это прежде всего выразитель высоких идей, стремлений, ведущий народ за собою; ныне это может быть и глашатай народной злобы, предрасудков, не поднимающий людей, а опускающийся вместе с ними.

На этом фоне уже пустяк фраза из повести "Печальный детектив", что герой в пединституте изучает лермонтовские переводы с немецкого вместе с "десятком еврейчат". Любопытно было бы только понять, — к чему они в рассказе, если ни до, ни после больше не появляются? К тому, может быть, что вот-де в городе развивается страшный, печальный детектив, а десяток инородцев (отчего десяток: видно, все в пединституте сконцентрировались? Как видно, конкурсы для них особенно благоприятны?) — эти люди заняты своей ненужной деятельностью? Или тут обычная астафьевская злая ирония насчет литературоведения: вот-де "еврейчата" доказывают, что Лермонтов портил немецкую словесность, ну а сами-то хороши?..

Итак, интеллигенты, москвичи, туристы, толстые Гоги, Гоги Герцевы, косомордые, еврейчата, наконец, дамы и господа из литфондовских домов: на них обрушивается ливень злобы, презрения, отрицания. Как ни на кого другого: они хуже всех...

А если всерьез, то Вам, Виктор Петрович, замечу, как читатель, как специалист по русской истории: Вы (да и не Вы один!) нарушаете, вернее, очень хотите нарушить, да не всегда удается — собственный дар мешает оспорить — главный закон российской мысли и русской словесности. Закон, завещанный величайшими мастерами, состоит в том, чтобы размышляя о плохом, ужасном, прежде всего, до всех сторонних объяснений, **в и н и т ь с е б я**, брать на себя; помнить, что нельзя освободить народ внешне более, чем он свободен изнутри (любимое Львом Толстым изречение Герцена). Что касается всех личных, общественных, народных несчастий, то чем страшнее и сильнее они, тем в большей степени их первоисточники находятся внутри, а не снаружи. Только подобный нравственный подход ведет к истинному, высокому мастерству. Иной взгляд — самоубийство для художника, ибо обрекает его на злое бесплодие.

Простите за резкие слова, но Вы сами, своими сочинениями, учитесь подходить без прикрас.

С уважением,

Н.Эйдельман

В.П.АСТАФЬЕВ — Н.Я.ЭЙДЕЛЬМАНУ

Не напоивши, не накормивши, добра не сделавши — врага не наживешь.

(Русская пословица)

Натан Яковлевич!

Вы и представить себе не можете, сколько радости доставило мне Ваше письмо. Кругом говорят, отовсюду пишут о национальном возрождении русского народа, но говорить и писать одно, а возрождаться не на словах, не на бумаге, совсем другое дело.

У всякого национального возрождения, тем более у русского, должны быть противники и враги. Возрождаясь, мы можем дойти до того, что станем петь свои песни, танцевать свои танцы, писать на родном языке, а не на навязанном нам "эсперанто", "тонко"

названном "литературным языком". В своих шовинистических устремления мы можем дойти до того, что пушкиноведы и лермонтоведы у нас будут тоже русские, и, жутко подумать, — собрания сочинений отечественных классиков будем составлять сами, энциклопедии и всякого рода редакции, театры, кино тоже "приберем к рукам" и, о, ужас! О кошмар! Сами прокомментируем "Дневники" Достоевского.

Нынче летом умерла под Загорском тетушка моей жены, бывшая нам вместо матери, и перед смертью сказала мне, услышав о комедии, разыгранной грузинами на съезде: "Не отвечай на зло злом, оно и не прибавится"...

Последую ее совету и на Ваше черное письмо, переполненное не просто злом, а перекипевшим гноем еврейского, высокоинтеллектуального высокомерия (Вашего привычного уже "трунения"), не отвечу злом, хотя мог бы, кстати, привести цитаты и в первую голову из Стасова, насчет клопа, укуса которого не смертелен, но...

Лучше я разрешу Ваше недоумение и недоумение московских евреев по поводу слова "еврейчата", откуда мол оно взялось, мы его и слыхом не слыхивали?!

"... этот Куликовский был из числа тех поляков, которых мой отец вывез маленькими из Польши и присвоил себе в собственность, между ними было и несколько жиденят..." (Н.Эйдельман, "История и современность в художественном сознании поэта", стр. 339).

На этом я и кончу, пожалуй, хотя цитировать мог бы многое. Полагаю, что память у меня не хуже Вашей, а вот глаз, зрячий, один, оттого и пишу на клетчатой бумаге, по возможности кратко.

Более всего меня в Вашем письме поразило скопище зла. Это что же Вы, старый человек, в душе-то носите?! Какой груз зла и ненависти клубится в вашем чреве? Хорошо хоть фамилией своей подписываетесь, не предаете своего отца. А то вон не менее, чем Вы злой, но совершенно ссученный атеист — Иосиф Аронович Крывелев и фамилию украл, и ворованной моралью — падалью питается. Жрет со стола лжи и глазки невинно закатывает, считая всех вокруг людьми бесчестными и лживыми.

Пожелаю Вам того же, чего пожелала дочь нашего последнего царя, стихи которой были вложены в "Евангелие", — "Господь! Прости нашим врагам, Господь! Прими и их в объятия". И она, и сестры ее, и братец обезножевший окончательно в ссылке, и отец с матерью расстреляны, кстати, евреями и латышами, которых возглавлял отпетый, махровый сионист Юрковский.

Так что Вам, в минуты утишения души, стоит подумать и над тем, что в лагерях вы находились и за преступления Юрковского и иже с ним, маялись по велению "Высшего судии", а не по развязности одного Ежова.

Как видите, мы, русские, еще не потеряли памяти и мы все еще народ Большой, и нас все еще мало убить, но надо и повалить.

Засим кланяюсь. И просвети Вашу душу все милостивейший Бог!

14 сентября 1986 г.

село Овсянка.

За почерк прощения не прошу — война виновата.

Н.Я. ЭЙДЕЛЬМАН – В.П. АСТАФЬЕВУ

Виктор Петрович, желая оскорбить — удручили. В диких снах не мог вообразить в одном из "властителей дум" столь примитивного, животного шовинизма, столь элементарного невежества. Дело не в том, что расстрелом царской семьи (давно установлено, что большая часть исполнителей была екатеринбургские рабочие) руководил не "сионист Юрковский", а большевик Юровский. Сионисты преследовали, как Вам, очевидно, неизвестно, совсем иные цели — создание еврейского государства в Палестине. Дело не в том, что ничтожный Крывелев носит, представьте себе, собственную фамилию (как и множество столь несимпатичных "воинствующих безбожников" разных национальностей). Дело даже не в логике "Майн Кампф" о наследственном национальном грехе

(хотя, если мой отец сидел за "грех Юрковского", тогда Ваши личные беды, выходит, — плата за раздел Польши, унижение "инородцев", еврейские погромы и прочее). Наконец, дело не в том, что Вы оказались неспособным прочесть мое письмо, ибо не ответили ни на одну его строку. (Филологического вопроса о происхождении слова "еврейчата" я не ставил. Да, кстати, ведь Вы заменили его в отдельном издании на "вейчата". Неужели цензуры забоялись?)

Главное: найти в моем письме много зла можно было лишь в цитатах. Ваших цитатах, Виктор Петрович. Может быть, обозлившись на них и обрушились?..

Несколько раз елейно толкуя о христианском добре, Вы постоянно выступаете неистовым — "око за око" — ветхозаветным иудеем. Подобный тип мышления и чувствования — уже есть ответ о причинах русских и российских бед: "нельзя освободить народ внешне более, чем он свободен изнутри".

Спор наш (если это спор) разрешится очень просто: если сможете еще писать хорошо, лучше, сохранив в неприкосновенности нынешний строй мыслей, — тогда Ваша правда. Но ведь не сможете. Последуете примеру Белова, одолевшего-таки злобностью свой дар и научившегося писать вполне бездарную прозу (см. его роман "Все впереди" — "Наш современник", 1986 г., №№ 7—8).

Прощайте, говорить, к сожалению, не о чем.

Главный Ваш ответ — собственный текст, копию которого, — чтобы Вы не забыли, — возвращаю.

28 сентября 1986 г.

Н. Эйдельман

ОТ МОСКОВСКОГО ЧИТАТЕЛЯ

Две главные "сенсации" осеннего сезона в Москве — это фильм грузинского кино-режиссера Тенгиза Абуладзе "Покаяние" и переписка Натана Эйдельмана с Виктором Астафьевым. (Если то, что говорят о "Покаянии", — правда и фильм этот действительно пойдет широким экраном, тогда мы будем иметь событие, равное выходу "Одного дня Ивана Денисовича" в 1962 г. Пока что наиболее полное представление о фильме можно почерпнуть из большой рецензии В.Лакшина "Непрощающая память" в номере "Московских новостей" за 30 ноября; реально русский выпуск этой рецензии вышел 26-го, английский — 28 ноября). Но если "Покаяние" смотрели в Москве сравнительно немногие (его демонстрируют пока что уж очень элитарной публике: в Доме кино, Доме литератора, на чествованиях Д.С.Лихачева и т. п.), то круг москвичей, познакомившихся с перепиской Эйдельмана и Астафьева, намного шире. Она разлетелась по Москве в десятках, а то и сотнях машинописных экземпляров. "Старожилы не упомнят" такого с 60-х годов (прошлогодний "антиалкогольный доклад" В.Жданова не в счет, потому что его широчайшее распространение было инспирировано, по крайней мере частично, сверху).

Когда на июньском съезде Союза писателей грузинские и кое-кто из русских литераторов выступили с резким осуждением Виктора Астафьева за рассказ "Ловля пескарей в Грузии", многим все это показалось совершенно неоправданными нападками или преувеличением. Напротив, выступление Валентина Распутина в защиту Астафьева прозвучало в общем убедительно. Незадолго до писательского съезда, в январе 1986 г., вышел "Печальный детектив" В.Астафьева, в котором высокий критический накал соединялся с не менее высоким художественным мастерством автора. Да и всегда имя Виктора Астафьева было дорого читателям.

С другой стороны, далеко не у всех, выступавших на съезде против "Ловли пескарей", такая уж безупречная репутация (Сергей Михалков, например). Подборка "антиинородческих" пассажей в письме Эйдельмана делает, конечно, правоту противников Астафьева очевидной. Но и после этого можно было бы считать их случайными неудачными высказываниями, прощательными каждое по отдельности. Если бы Астафьев в ответ хотя бы промолчал, реконструкция его взглядов, сделанная Эйдельманом, оста-

лась бы всего лишь вероятной гипотезой. На деле письмо Эйдельмана спровоцировало такое саморазоблачение Астафьева, какого было трудно ожидать. Очень бы хотелось, чтобы злобный, ханжеский и притом неумный ответ, который мы прочли, оказался чьей-нибудь фальсификацией. К сожалению, никаких сомнений в подлинности текста нет. А жаль...

Среди читателей этой переписки попадаются и такие, кто оказался скорее на стороне Астафьева: во-первых, евреи, мол, и в самом деле заполнили пушкинистику и остальное литературоведение: а во-вторых, Эйдельман поступил как доносчик, предав ответ Астафьева огласке. На первый аргумент можно особо подробно и не возражать (что нам, русским, мешает "заполнить пушкинистику", может быть, процентная норма?). Второй же довод исходит, видимо, от тех, кто не прочел переписку внимательно¹. Что можно в письме Астафьева поставить в вину автору, так сказать, с официальной точки зрения? Поносит Кривелева? Это сейчас все делают, даже на страницах "Литературной газеты". Сожалеет об участи царской семьи? Тоже не Бог весть какое преступление, тем более, что вину за расстрел он, в отличие от Эйдельмана, возлагает не на большевиков, а на сионистов. Крокодиловы слезы пролить об участи царевича и царевен (а то и самого государя) сейчас и кое-кто из партийных людей не прочь, даже и с трибуны. Остается одно православие, которого Астафьев и раньше не особенно скрывал. Да и не грозят Астафьеву преследования за веру и "распространение взглядов" "махрового сиониста" Христа, — вот если бы он был не известный писатель, а школьный учитель или директор провинциального музея — тогда другое дело. А за антисемитизм, припудренный "антисионизмом", у нас не преследуют.

5 декабря 1986 г.

В. П.

КОЕ-ЧТО О ПРОЗЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ ВИКТОРА АСТАФЬЕВА

В 1973 году в интервью "Ассошиэйтед пресс" А.Солженицын привел список советских писателей, составляющих, по его мнению, "ядро современной русской прозы". Вот как он выглядел: Ф.Абрамов, В.Астафьев, В.Белов, В.Быков, Г.Владимов, В.Войнович, С.Залыгин, Ю.Казаков, В.Максимов, Б.Можаев, В.Носов, Б.Окуджава, В.Солоухин, В.Тендряков, Ю.Тимофеев, В.Шукшин.

С тех пор этот список заметно поредел. Умерли Абрамов, Казаков, Тендряков, Трифонов и Шукшин. Владимов, Войнович и Максимов эмигрировали. Но и оставшаяся половина выглядит весьма внушительно — несмотря на явную тенденциозность составителя: в ней, на мой взгляд, отсутствует несколько достойных имен.

Поскольку ниже речь пойдет о Викторе Петровиче Астафьеве, отмечу одно любопытное обстоятельство: мнение о нем Александра Исаевича Солженицына полностью совпадает с мнением Георгия Мокеевича Маркова — многолетнего руководителя Союза писателей СССР, председателя Комитета по Ленинским и Государственным премиям, дважды Героя социалистического труда. Единство трогательное и нечастое. Да и сам писатель Астафьев ни чинами, ни наградами не обойден. Он лауреат Государственных премий СССР и РСФСР, секретарь Правления СП РСФСР.

Так что писатель Астафьев в рекомендациях не нуждается. Практически вся советская литературная критика в своих суждениях о нем солидарна с Марковым и Солженицыным. Пользуется Виктор Петрович большой популярностью и у советских читателей. Его книги выходят часто и на прилавках не лежат. Пожалуй, его можно назвать одним из самых читаемых и почитаемых у нас современных писателей. И что особенно

¹ Вот именно, не прочли внимательно! О чем тут говорить, если ответ Астафьева обращен, судя по тексту, не к одному Эйдельману: "...лучше я разрешу Ваше недоумение и недоумение московских евреев..." То есть Астафьев сам предложил предать ответ огласке (примечание московско-го еврея).

интересно — популярен Астафьев у весьма нелюбимых им (скажу так, в общем-то, мягко скажу) столичных интеллигентов и евреев.

Что ж, Н.Я.Эйдельман прав: читателей не выбирают.

Признаюсь, я не принадлежу к большинству: Виктор Астафьев — что называется, не мой писатель, я никогда не был особенным его поклонником. Однако читал его благодарно и считаю хорошим писателем. Природа в астафьевской прозе увидена внимательным и острым глазом, описана твердой рукой; любимые герои — живые и трогательные люди. Правда, фабулой писатель явно пренебрегает, а если судить по знаменитому "Печальному детективу" — просто не владеет (по-видимому, обнаруженное критиками влияние Ф.М.Достоевского на Астафьева носит мировоззренческий, а не литературный характер). Тем не менее произведения Астафьева читаются легко. Непринужденная интонация, хороший язык, умеренно, не мешая смыслу, сдобренный диалектизмами и изящно обозначенным матерком. В письме Эйдельману Астафьев очень гневается на тех, кто хочет заставить его писать не живым русским, а "литературным" языком (кавычки Астафьева). Не знаю, таких упреков в его адрес я не встречал, а язык писателя вполне литературен и безо всяких кавычек — что, по-моему, скорее все-таки комплимент, нежели оскорбление.

Общим местом в комплиментах Астафьеву стала его "беспощадная правда". Действительно, картины русской провинциальной жизни — той жизни Сибири и Вологодчины, которая по-настоящему знакома и близка писателю, — эти картины страшат и поражают. Астафьев пишет о людях, губящих себя, друг друга, природу, пишет страстно и сильно.

И вот здесь необходимо констатировать вопиющее противоречие между Астафьевым-писателем, беспощадно и честно рассказывающим о глубочайшем духовном распаде народа, и Астафьевым-публицистом, который похвально русским национальным происхождением. Уж где он этот Ренессанс увидел, не знаю. Но только не в собственной персоне.

Выше я упомянул любимых героев Астафьева. Они обаятельны и человечны: писатель умеет любить. Любопытно, однако, что все эти его герои — либо пожилые, либо уже умершие люди. И непременно — простые, не слишком образованные, трудовые. Таким образом, простота (сие понятие означает для Астафьева подходящее социальное и национальное происхождение), а также низкий образовательный ценз и преклонный возраст — патент на астафьевскую любовь. Этим людям прощается все: пьянство, жульничество и проституция (Зойка, она же впоследствии — бабка Тутышиха в "Печальном детективе"), даже детоубийство (попытка у бабки Сысолятихи в рассказе "Жизнь прожить"). Простые старики у Астафьева могут совершать дурные, осуждаемые автором поступки, но омерзительны ему другие персонажи, кто помоложе: на них он обрушивается с неподдельным гневом, хотя и находит причины их безнравственности вне конкретных ее носителей.

И тут возникает еще одно недоумение, относящееся к Астафьеву-публицисту: если вся молодежь в его произведениях так безнадежно испорчена, с кем же возрождаться?

Вызывая у читателя чувство омерзения к хулиганам, бандитам и насильникам, подчеркивая свою ненависть к ним, но — находя причины дурного поведения действующего и подрастающего поколения вне собственно дурных людей, Астафьев задается вопросом: "Откуда же эта напасть?" И время от времени недвусмысленно на него отвечает. Надо сказать, что астафьевский ответ традиционен для России — от допетровской до послесталинской: с гнилого Запада. И музыка, и штаны с наклейками, и даже сорняки на грузинских полях ("Ловля пескарей в Грузии") завезены к нам оттуда. Бездуховность, пьянство, бандитизм — все отсюда.

И вот уж кого Астафьев особенно не любит, по-настоящему не любит настолько, что им, нелюбимым, чтобы заслужить к себе такое отношение Астафьева, не нужно и делать ничего плохого, — это носителей западного духа: интеллигентов и евреев. Собственно, по Астафьеву, не будет большим преувеличением эти два слова писать через дефис.

Ну, скажите: что плохого делает редактор местного областного издательства Октябриня Перфильевна Сырковасова ("Печальный детектив")? Готовит к печати книгу любимого героя Астафьева, лейтенанта милиции в отставке Сошнина. Ну, не нравится автору редактор, бывает; но ведь Астафьев пишет об этой Октябрине с ненавистью коммунально-

го соседа. Даже дети ее — подчеркнуто, что от разных родителей — упомянуты с неприязнью.

А что плохого сделал Лева Гендерович (рассказ "Тельняшка с Тихого океана")? Вроде бы напротив: сказал фразу, с которой согласен герой-писатель. Но — Гендерович, и потому — "слюнявый".

А отмеченные уже не одним Эйдельманом "еврейчата"? Упомянуты, и пропали бесследно. А зачем? Так, плюнуть захотелось.

Однако такими "мелочами" Астафьев не ограничивается. Судя по его письму, он, в качестве публициста, радеет за изгнание евреев из редакций, издательств и т. д. Что же, пожелаю ему успеха — благо дело это нетрудное, да и делается давно; для его завершения осталась и вовсе самая малость. Я бы только посоветовал Астафьеву почаще заглядывать в собственные книги: кем же он намеревается заменять изгнанных? Сыроквасовой? Непохоже. Тогда, по-видимому, — печальным детективом, начинающим писателем Сошниным.

Каким же представляет Астафьев читателя этого — пожалуй, единственного в его прозе — деятеля русского национального возрождения? Сошнин прекрасно владеет приемами рукопашного боя и готов применять их не задумываясь. Он весьма решителен: приказывает застрелить преступника — пьяницу, угнавшего машину и задавившего нескольких людей. А для души Сошнин увлекается Ницше и даже специально для этого выучил немецкий язык. Словом, многообещающий товарищ. И, похоже, не печальный он детектив, а скорее задумчивый супермен. Вот ведь и в этой истории с пьяным угонщиком: кажется, можно было всего лишь скаты прострелить, а не человека. Но Сошнин предпочитает судить и исполнять приговор сам. А Астафьев? Разве Сошнин — не его alter ego?

Вьше я говорил о мастерстве Астафьева, с которым он пишет о хорошо знакомой ему жизни. К сожалению, он пишет не только о ней. И тогда мы читаем "Ловлю пескарей в Грузии" — рассказ, скандальная известность которого вполне пропорциональна его литературной беспомощности. "Пик" скандала (о нем упоминает Астафьев в письме Эйдельману) пришелся на съезд писателей СССР: грузинская делегация, в которую входил секретарь ЦК КП Грузии по пропаганде Енукидзе, в ультимативной форме потребовала извинений за оскорбление национального достоинства. Извиняться Астафьев не стал. За него — вернее, от имени редколлегии "Нашего современника", где был напечатан рассказ (ее членом является и Астафьев), — это сделал заместитель главного редактора журнала Г.Тропольский.

Прежде прочего "Ловля пескарей в Грузии" поражает провинциальностью мышления. Авторская позиция однозначна, и более всего подошла бы она раздраженной домохозяйке, расхаживающей по базару. Обращает на себя внимание и комплекс неполноценности писателя: собственно, весь рассказ явился результатом астафьевской обиды на то, что его — секретаря, члена и лауреата — в грузинской гостинице поселили в номере напротив сортира. Кстати, этот комплекс хорошо коррелирует с юридскими фразами из письма Эйдельману: об "одном зрячем глазе" и плохом почерке, из-за чего автору приходится писать "на клетчатой бумаге".

Неужто Астафьеву не хватает денег на пишущую машинку? А рукописи, которые он в редакции и издательства посылает, — тоже по клеточкам написаны?..

Но все это, разумеется, не главное. Главное — в астафьевском мировоззрении, основная черта которого, на мой взгляд, — беззастенчивость. Никого и ничего Астафьев не стесняется. Не стесняется походя оскорбить покончившего с собой поэта ("Печальный детектив"), оправдать (велением "высшего судии") сталинский террор, по-черному обругать хоть и не спокойного, но вполне доброжелательного корреспондента ("перекипевший гной еврейского, высокоинтеллектуального"; образ-то каков, а?). На фоне такой беззастенчивости, кощунственно подчеркнутой христианской фразеологией, — нужно ли говорить о логической бессвязности письма; о том, что молодой уже русский писатель не знает (не хочет знать?) общеизвестных теперь фактов новейшей отечественной истории; о том, что Астафьев не отвечает Эйдельману, а просто пользуется случаем, чтобы вылить очередное ведро грязи.

Но говорить все-таки надо. И не столько об Астафьеве, сколько о том, внутри чего он существует: о современном русском национализме. На эту тему — с разрешения редакции — следующая статья. А пока лишь небольшой вывод, точнее — совет всем тем, кто не потерял еще надежду покинуть нашу отчизну.

Им я предлагаю обзавестись экземпляром письма Астафьева, что вполне безопасно: автор — не антисоветчик какой, а вполне уважаемый лауреат. После чего можно бодро идти в ОБВИР и на укоризненный вопрос майора: "Что же вы, гражданин Рабинович, Родину хотите покинуть?", положить перед ним письмо: "А не нужен я ей. Небось, Астафьев виднее, чем вам".

Положительного решения вопроса о выезде не обещаю, зато гарантирую моральное удовлетворение, пусть кратковременное. Компенсация, конечно, неадекватная, так хоть что-то. Как говорит герой нашей популярной мультипликационной серии кот Матроскин: "От всего должна быть польза".

От письма Астафьева тоже.

Александр Ясаков (Москва)

Ноябрь 1986 г.

Первое впечатление по прочтении письма Виктора Астафьева: я это где-то уже читал. Где-то это было уже — утверждение "национального возрождения" через ненависть врагов, активные поиски этих врагов во вполне определенном направлении — среди евреев, конечно.

Память не обманула: *"Молодое движение, имеющее целью восстановление германского государства с независимым правительством должно иметь поддержку народных масс..."*

Защитники движения не должны бояться ненависти врагов нашей нации; наоборот, они должны искать этой ненависти.

Человек, на которого не нападают в еврейской прессе, не настоящий немец и не настоящий национал-социалист. Лучшая рекомендация для каждого нашего соратника — это ненависть к нему со стороны его противников."

Да, конечно, это из "Mein Kampf" Адольфа Гитлера. Глава, откуда взяты эти строки, называется, кстати, "Зарождение национал-социалистической партии".

Так что же такое зарождается (или "возрождается") у нас?

Нет, сам Астафьев в начальники лагеря, где по велению "Высшего судии" будут маяться дети Н.Эйдельмана, не пойдет. Ему некогда — он будет в это время комментировать "Дневник писателя". Или найдет себе занятие поактуальнее — искать "в минуты утишения души", объяснения, за чьи грехи "Высший судия" вслед за "еврейчатами" бросил в лагеря миллионы русских мужиков ("крестьянская чума", как назвал это А.Солженицын). Неужто за грехи Малюты Скуратова и Шешковского?

Я думаю, мы слишком легко отдаем другим право говорить о национальном возрождении русского народа. Россия действительно возрождается — но в Андрее Сахарове, Анатолии Марченко, о.Глебе Якунине, а не в Астафьеве с Шимановым. Но и о них мы забывать не можем: родина должна знать своих нацистов.

Мои предки служили России пять веков; по материнской линии род чуть моложе (дворянство пожаловано под стенами Казани — да простят меня татары). Но сейчас мне стыдно, что я принадлежу к тому же народу, что и Виктор Астафьев. ●

Кронид Любарский

ЮРИЙ КАРАБЧИЕВСКИЙ УДОСТОВЕРЕН ПРЕМИИ ИМЕНИ ДАЛЯ

По сообщению, полученному из Парижа, жюри Конкурса имени Владимира Даля (председатель В. Некрасов, члены жюри И. Иловайская, М. Геллер, Ж. Нива, Н. Струве) единогласно присудило премию за 1986 год поэту, прозаику и литературному критику Юрию Карабчиевскому, живущему в Москве. Премия присуждена за книгу "Воскресение Маяковского", выпущенную в 1985 г. издательством "Страна и мир".

●

ОТ РЕДАКЦИИ

В связи с поступлением большого количества материалов из СССР ряд публикаций, объявленных для этого номера, переносится на январь—февраль 1987 г.

Сорок лет назад, осенью 1946 года, в Нюрнберге закончился судебный процесс над главными военными преступниками. Суду было предано 23 человека — высшие партийные государственные и военные деятели нацистской Германии: Г.Геринг, М.Борман, Й.фон Риббентроп, Э.Кальтенбруннер, Ю.Штрейхер, А.Розенберг и другие. Из 12 смертных приговоров десять были приведены в исполнение (Геринг покончил с собой накануне казни, другой приговоренный к смерти — Борман — был судим заочно). Нюрнбергский процесс подвел черту под войной и германским фашизмом, хотя в числе судей были представители страны, чей государственный и общественный строй являл черты поразительного сходства с поверженным нацистским рейхом.

Национал-социализм, как и фашизм вообще, представляет собой такое явление нашего века, о котором нельзя сказать, что оно всецело принадлежит истории. В разных странах и под различными вывесками фашизм дает о себе знать и в наши дни. Фашистско-националистические тенденции отнюдь не ушли в прошлое, тоталитарные — фашистские и полуфашистские — режимы все еще властвуют в обширных регионах мира. Подборка, которую мы приурочили к сорокалетию Нюрнбергского процесса, содержит весьма неоднородные материалы, однако они принадлежат к одному кругу тем.

Мы предлагаем читателю впервые публикуемый на русском языке, вызвавший в свое время большие споры политико-психологический этюд Томаса Манна "Брат Гитлер" (1938 г.). Далее следует текст иного характера. Статья Ильи Эренбурга "Обоснование презрения", своеобразный памятник войны, извлечена из фронтовой газеты "Красноармеец" от 1 апреля 1945 г. Она показывает, как легко ненависть к врагу может перейти в ненависть ко всему народу, как борец с фашизмом незаметно для себя сам становится глашатаем самого беззастенчивого расизма. Центральный материал нашей рубрики — речь федерального канцлера ФРГ д-ра Рихарда фон Вейцзеккера, которая была произнесена в бундестаге 8 мая 1985 г. и получила всемирную известность. Читатель убедится, что эта речь (по-русски не публиковавшаяся) не только перечеркивает статью Эренбурга, но в известной мере дезавуирует и эссе о Гитлере патриарха немецкой культуры Т.Манна. Подборку завершает статья Б.Хазанова, посвященная проблеме, которую можно условно назвать "Германия и мы".

Томас МАНН

БРАТ ГИТЛЕР

Если бы не ужасающие жертвы, которых непременно требует для себя душевная жизнь этого человека, если бы не огромные моральные опустошения, проистекающие от этого, было бы легче признаться, что феномен этот захватывающе интересен. Ничего не поделаешь, придется им заняться. Никто не освобожден от необходимости заниматься этой мрачной фигурой, ибо фигура эта соответствует рассчитанной на грубый эффект, на амплификацию природе политики, то есть того ремесла, которое он себе однажды выбрал, — мы знаем, в сколь большей степени из-за отсутствия способностей к чему-либо другому. Тем хуже для нас, тем постыднее для сегодняшней беспомощной Европы, которую он околдовал, в которой ему позволено играть роль вершителя судеб, покорителя всех и вся, и благодаря стечению фантастически счастливых — то есть несчастных — обстоятельств, ведь все так складывается, что нет воды, которая не лилась бы на его мельницу, его несет от одной победы, победы над ничем, над всеобщим непротивлением — к другой.

Одно согласие с этим, одно лишь признание печальных фактов — уже почти равносильно моральному самобичеванию. Нужно совершить насилие над собой, которое вдобавок скрывает в себе опасность аморализма,

ибо тогда останется меньше места для ненависти; а ненавидеть должен сегодня каждый, на совесть которого так или иначе возложена судьба цивилизации. Ненависть — о себе я могу сказать, что ее у меня хватает. Я искренне хочу, чтобы это явление с позором исчезло из жизни общества и как можно скорее, на что, однако, едва ли можно надеяться при умелой осторожности этого человека. И тем не менее я чувствую, что это вовсе не лучшие мои часы, когда я ощущаю ненависть к этому пусть коварному, но жалкому созданию. Более счастливыми и достойными человека кажутся мне минуты, когда потребность в свободе, в не стесненном никакими рамками суждении, одним словом, в иронии, которую я с давних пор научился ценить как элемент, искони присущий всякому одухотворенному творчеству и искусству, одерживает победу над ненавистью. Любовь и ненависть — сильные чувства; однако не принято считать сильным чувством ту форму их проявления, когда любовь и ненависть своеобразнейшим способом соединяются друг с другом, — интерес. Тем самым недооценивается нравственное достоинство интереса. С интересом связаны дисциплинирующие себя порывы, юмористически-аскетическая склонность к узнаванию, к идентификации, к проявлению солидарности, все то, что я воспринимаю как нечто в моральном отношении стоящее выше ненависти.

Этот парень — катастрофа; но отсюда еще не следует, что его характер, его судьба неинтересны. Проследить, как складываются обстоятельства, при которых затаенная обида, гноящаяся где-то глубоко мстительность никчемного, невыносимого, не единожды терпевшего поражение человека, патологически не способного ни к какой работе, хронического обитателя ночлежек и отвергнутого, безнадежно обойденного жизнью третьесортного художника соединяются с чувством неполноценности (гораздо менее оправданным) побежденного народа, не умеющего сделать правильные выводы из своего поражения и только и думающего о восстановлении своей "чести"; как он, никогда ничему не учившийся и не желавший учиться из какой-то неясной, но упрямой заносчивости, не владеющий никакими навыками и немощный физически, не умеющий ничего из того, что умеют делать мужчины, — ни ездить верхом, ни управлять автомобилем или самолетом, ни даже сделать ребенка, — каким образом он сумел воспитать в себе одно — именно то, что требуется для этого соединения: самое низкосортное, но зато действующее на массы красноречие, этот специально приспособленный для истерики и всяческого комедиантства инструмент, которым он берedit раны народа, заставляет его растрогаться с помощью разглагольствований о его оскорбленном величии, одурманивает его посулами и превращает уязвленное национальное чувство в средство продвижения к собственному величию, восхождения к сказочным высотам, к неограниченной власти, к чудовищному удовлетворению, к сверхудовлетворению — к такой славе и такой ужасающей святости, что каждый, кто когда-либо провинился в незначительном, малом, неузнанном, теперь — дитя смерти, причем смерти как нельзя более ужасной и унижительной, теперь — дитя ада... Как эта фигура из величины национального масштаба вырастает до масштаба европейского, как он учится пользоваться все теми же вымыслами, той же исторически выкрикиваемой ложью и теми же парализующими сопротивлением

апелляциями к чувству, которые помогли ему стать величиной в одной стране, — на более обширном пространстве; каким мастером проявил он себя, эксплуатируя инертность целого континента, его боязь кризиса, играя на его страхе перед войной, как умеет он через головы правительств обращаться к народам и привлекать столь многих, переманивать их на свою сторону; как покорна ему удача, как безмолвно падают перед ним стены, как этот некогда унылый бездельник, оттого что он обучился — якобы из любви к родине — политике, вознамерился, кажется, захватить Европу, чего доброго и весь мир! Все это поистине неслыханно, ново и поражает своим размахом; и невозможно взирать на это явление без некоторого смешанного с омерзением восхищения.

Контуры сказочных историй проступают здесь (мотив искажения и деградации играет большую роль в современной европейской жизни): тема Ганса-мечтателя, который получает в награду принцессу и целое королевство, "гадкого утенка", который оказывается лебедем, спящей красавицы, Брунгильды, вокруг которой пламя превращается в стену из роз, и она улыбается, пробудившись от поцелуя героя Зигфрида. "Германия, пробудись!" Это отвратительно, но это так. Сюда же "еврей в терновом венце", и что только еще не извлечено из народной души вперемешку с постыдной патологией. Выродившееся вагнерианство, вот что это такое, — давно знакомое и легко объяснимое, хотя опять же несколько непозволительное почитание, с которым политический фокусник относится к художественному оболстателю Европы, к тому, кого еще Готфрид Келлер называл "парикмахером и шарлатаном".

Артистизм... Я говорил о моральном самобичевании, но разве не приходится признать — хотим мы того или нет, — что в этом феномене мы встречаемся с одной из форм проявления артистичности? Неким позорным образом здесь присутствует все: "трудный характер", леность, жалкая неопределённость существа, неспособного достичь зрелости, неприкаянность, невозможность разобраться, чего же ты, собственно, хочешь, идиотическое бесперспективное существование на самом дне социальной и душевной богемы, отказ — по сути своей высокомерный, по сути из убеждения, что ты рожден для лучшего, — отказ от всякой разумной и достойной уважения деятельности. На каком же основании? На основании смутного предчувствия своего предназначения для чего-то совершенно неопределимого; назвать его — если можно было бы его назвать, — и люди будут смеяться. К тому же нечистая совесть, чувство вины, злость на мир, революционный инстинкт, подсознательное накопление взрывоопасной жажды отомстить за себя, компенсировать себя, постоянная, не покидающая его потребность оправдываться, что-то доказывать, желание властвовать, покорять, мечта увидеть мир дрожащим от страха, исходящим любовью, поклонением, стыдом у ног некогда отверженного... Не стоит, видя стремительность, с которой осуществились эти вожделения, делать вывод о том, насколько велико и как глубоко было спрятано скрытое и тайное достоинство, которое страдало от постыдного сознания, что ты — марионетка, о невероятном напряжении подсознания, которое производит на свет "творения" столь размахистого и нахального стиля. Ибо стиль *al fresco*, крупномасштабный

исторический стиль присущ не личности, а среде и тому виду деятельности, который влияет на события и людей: политике и демагогии; с шумом и громом, ценою многих жертв они оперируют народами и судьбами многомиллионных масс; их внешняя грандиозность отнюдь не свидетельство необычайных достоинств души нашего героя, значительности этого бьющего на эффект истерика. Но есть в нем и ненасытное стремление к компенсации, самовозвеличению, и беспокойство, и вечная неудовлетворенность достигнутым, и необходимость постоянно подстегивать свою самоуверенность, внутренняя пустота и скука, чувство собственной ничтожности — пока не пришло время что-нибудь затеять и заставить мир затаить дыхание, — есть и не дающее уснуть внутреннее принуждение вновь и вновь самоутверждаться.

Брат... Не такое уж удовольствие иметь столь постыдного брата; он действует на нервы, от такого родственника хочется бежать подальше. И все же я не хочу закрывать глаза на это родство, ибо — еще раз: лучше, честнее, веселее и плодотворней ненависти будет узнавание самого себя, готовность соединить себя с тем, кто заслуживает ненависти, пусть даже это чревато моральной опасностью разучиться говорить "нет". Меня это не пугает, — да и вообще мораль, поскольку она стесняет стихийность и наивность жизни, отнюдь не обязательно дело художника. Не одно только раздражение, но и успокоительный опыт содержится в той мысли, что, несмотря на все знания, просвещение, анализ, вопреки всем достижениям науки о человеке, — все, что касается действий, событий и самых впечатляющих проекций бессознательного на реальную действительность, всегда остается возможным на этой земле, — а тем более при той примитивизации, которой сознательно, добровольно поддалась сегодняшняя Европа, — хотя желание отдаться этому процессу, злостные выпады против духа и достигнутой им высоты по существу сами становятся лучшим доводом против примитивности. Несомненно, что примитивность в ее дерзком противопоставлении себя времени и уровню цивилизации, примитивность как "мировоззрение", — хотя бы это мировоззрение и считали "исправлением" духовности и противовесом "иссушающему интеллектуализму", — примитивность включает в себе нечто бесстыдное; именно это Ветхий Завет называет "мерзостью" и "глупостью", и художник как ироничный сторонник жизни тоже может лишь с отвращением отвернуться от такого нахального и неискреннего возврата к прошлому. Недавно я видел фильм, где был показан ритуальный танец жителей острова Бали; он окончился исступлением и ужасающими конвульсиями обессилевших юношей. В чем разница между этими обычаями и тем, что происходит во время массовых политических митингов в Европе? Разницы нет, или, вернее, она есть: разница между экзотикой и чем-то весьма неаппетитным.

Я был очень молод, когда в пьесе "Фьоренца" отверг власть красоты и культуры устами одержимого социально-религиозным фанатизмом монаха, который провозглашает "чудо возрожденной естественности". В "Смерти в Венеции" есть уже некая степень отказа от утонченного психологизма эпохи, есть нечто от новой решительности и опрощения души, которой я, правда, уготовил трагический конец. Я был не совсем в стороне от увлече-

ний и притязаний своего времени, от того, что хотело и должно было прийти, от амбиций, которые через двадцать лет превратились в громогласные домогательства уличной толпы. Кто станет удивляться, что я больше не хотел иметь с ними ничего общего с тех пор, как они утратили всякое политическое оправдание, скатились до вкусов подонков и разгулялись на таком уровне, который не отпугнул только влюбленных в примитивность профессоров и литературных лакеев антидуховности. Поведение, которое может отбить всякую охоту благоговеть перед источниками жизни. Его надо ненавидеть. Но что такое эта ненависть по сравнению с той ненавистью, с которой бывший кредитор бессознательного относится к духу и познанию! Как должен такой человек, как он, ненавидеть анализ! Я сильно подозреваю, что ярость, с какой он устремился к известной столице, была направлена в действительности против проживавшего там старого аналитика, его истинного и настоящего врага — философа и разоблачителя неврозов, все знающего и все очень точно сказавшего даже о "гении".¹

Я спрашиваю себя, достаточно ли еще сильны суеверные представления, которыми обычно окутано понятие "гений", чтобы помешать назвать нашего друга гением. Почему же нет, если это доставит ему радость? Человек с духовными запросами старается узнать о себе горькую правду почти с такой же настойчивостью, с какой ослы жаждут правды, которая им льстит. Если безумие вместе с рассудительностью есть гений (а это — *определение!*), то этот человек — гений. С таким определением можно согласиться без оговорок, потому что гений означает качество, а не ранг, не степень достоинства, ибо проявляется на самых разных духовных и человеческих уровнях; но даже на самом низком он обнаруживает еще признаки и вызывает действия, которые оправдывают общее определение его как гения. Я оставляю открытым вопрос, видела ли история человечества подобный случай "гения" на столь низкой моральной и духовной ступени и наделенного такой притягательной силой, как тот, ошеломленными свидетелями которого мы являемся. Во всяком случае, я против того, чтобы из-за этого феномена пострадало наше представление о гении вообще как о великом человеке; правда, большей частью гений был явлением эстетическим и лишь изредка сочетал это с величием моральным; когда же он преступал границы, поставленные человечеству, то вызывал ужас и дрожь, которые вопреки всему, что человечество должно было от него вытерпеть, было дрожью счастья. Нельзя, однако, забывать о различиях, — они непомерны. Меня злит, когда я сегодня слышу: "Теперь-то мы знаем, что и Наполеон тоже был порядочным тупицей!" Поистине это значит выплеснуть с водой и ребенка. Абсурдно ставить на одну доску два имени: великого воителя рядом с великим трусом и шантажистом якобы во имя мира, с тем, чья роль была бы отыграна в первый же день настоящей войны, — равнять человека, которого Гегель назвал "мировым духом на коне", гигантский, всем овладевший ум, олицетворение революции, тирана-свободоносца, чей образ, подобно классическим изваяниям Средиземноморья, навсегда запечатлен в

¹ Имеется в виду Зигмунд Фрейд. — Прим. переводчика.

памяти человечества, с мрачным лентяем, который на самом деле ничего не умеет, "мечтателем" самого низкого пошиба, слабоумным ненавистником социальной революции, лицемерным садистом и бесчеловечным лгуном, под маской "чувствительной души" жаждущим только мщения.

Я говорил о характерном для Европы искажении понятий; и действительно, нашему времени удалось столь многое обезобразить: национальную идею, миф о социализме, философию жизни, область иррационального, веру, юность, революцию и многое, многое другое. И вот теперь она подарила нам карикатуру на великого человека. Нам ничего не остается, как смириться с исторической судьбой — быть современниками гения на таком уровне, с *такими* возможностями самооткровения.

Но солидарность, узнавание — есть выражение презрения к себе такого искусства, которое в конце концов не хотело бы, чтобы его понимали буквально. Я верю, более того, я уверен, что близится новое будущее, которое будет презирать духовно неконтролируемое искусство как черную магию, безмозглое, безответственное порождение инстинкта с такой же силой, с какой времена людской слабости, вроде нашего, замирают в удивлении перед ним. Искусство, конечно, не есть один лишь свет и дух, но оно и не сплошное мутное варево, слепое порождение теллурической преисподней, не только "жизнь". Ясней и счастливей чем прежде, искусство будущего осознает и покажет себя как более просветленное волшебство: подобно крылатому Гермесу, любимцу луны, оно будет посредником между духом и жизнью. Но и само по себе посредничество есть дух. ●

Перевод с немецкого
Е. Фрадкиной

Илья ЭРЕНБУРГ

ОБОСНОВАНИЕ ПРЕЗРЕНИЯ

Теперь не приходится обосновывать нашу ненависть к немецким захватчикам, ее истоки ясны. Ненависти нас научили не слова, не памфлеты, а вещатели и факельщики. Ненависть родилась в знойные дни первого лета, когда колосья грустно шурали под сапогами пришельцев, и ненависть закалилась на холоде страшных лет. Не раз в истории человечества тот или иной народ преисполнился ненавистью к захватчикам. В конце восемнадцатого века французы ненавидели вторгшихся в их страну австрийцев и пруссаков, а двадцать лет спустя испанцы и русские возненавидели французов. Войны, не одушевленные ненавистью, были войнами династий, состязаниями профессиональных армий, тяжбой вокруг добычи, и такие войны никогда не затрагивали народной души, ибо человеку свойственно сеять и жать, не колоть штыком, и только большая, справедливая, страстная ненависть позволяет мирнейшим людям становиться воинами. Но история не знала даже в те времена, которые мы называем варварскими, столь бесчеловечных и низких завоевателей, как немецкие фашисты, и никого не удивит, что у нас теперь и дети с ненавистью говорят о немцах.

Но вот в дом прусского помещика заходит боец. Он видит прекрасно обставленные комнаты, гравюры на стенах, богемский хрусталь, шкаф с золочеными корешками книг, письменный стол — всю видимость сложной и красочной жизни. Бывший колхозник из Смоленщины, ныне гвардии рядовой осматривает дом, а потом обращается к портрету владельца, благообразному немцу, и с нескрываемым презрением говорит: "Эх, фриц!.." Ибо не только ненависть мы испытываем к немцам, но и глубочайшее презрение. Это чувство было вначале смутным, и не умея его определить, фронтовые сатирики потешались над пленным, повязанным платком, над сосулькой под

носом зимнего фрица, как будто внешняя убогость или запущенность — отличительные черты немцев, вызывающие в нас презрение. Теперь мы увидели благоустроенную страну, хорошие дороги, опрятные дома, и все это не возвышает в наших глазах немцев. Наше презрение к ним давно перестало быть неясным чувством, оно продумано и осознано. Мы идем не только по земле врага, которого мы ненавидим, мы идем по земле, на которой живут существа, вызывающие в нас холодное, суровое презрение.

Почему мы презираем немцев? Может быть, мы заразились от них дурацкой расовой теорией? Может быть, мы считаем, что наша кровь благороднее, что наши нравы и даже наши недостатки стоят вне критики именно потому что они — наши? Или, быть может, мы опьянены победами и стали заносчивыми? Нет, не похоже это на наших людей. Разумеется, в семье не без урода: бывали среди нас, да и теперь есть зазнайки; но мы смеемся над ними. Мы не верим, что одна "кровь" выше другой. В нашей стране живут люди разных языков, и ни одному сумасшедшему не придет в голову обсуждать, какая кровь выше: белорусская или армянская. О превосходстве одной расы над другой в некоторых странах говорят философы и сенаторы; а у нас об этом говорят только два пьяных дурака, когда у них заплетаются языки. Нас не смущает, что прадед Пушкина был эфиопом, что в жилах Лермонтова текла шотландская кровь, что один из лучших русских пейзажистов Левитан был евреем и что фамилия автора "Недоросля" при жизни писалась в два слова — фон Визин. Русские из всех свойств русской культуры больше всего гордились ее универсальностью, всечеловечностью. Даже самый обособленный из русских писателей Достоевский не раз подчеркивал, что русские дорожат всеми проявлениями чужеземного гения. Не было в нашей истории периода, омраченного националистической спесью. Мы всегда были рады признать и чужие достижения, поучиться и у других. Если мы говорим, что во многом опередили другие народы, то говорим это не от бахвальства, а потому, что выше формы ставим содержание и гордимся не материальными богатствами, но нашим трудным и достойным путем. Однако мы знаем, что есть и форма, что идею нужно облечь в плоть, что важны выполнение, качество, матерство, культура. Мы готовы и теперь учиться у других народов той или иной добродетели. Разве мало замечательного в Америке? Разве наши инженеры равнодушно пройдут мимо заатлантических методов производства? Разве наши кинорежиссеры и архитекторы не возьмут у своих американских собратьев чувство ритма или размах строительства? Мы были бы рады, если бы у нас в трамвае люди вели себя по-английски, а для этого можно многому поучиться и у англичан. Слеп будет тот художник, который не признает, что многое можно взять у мастеров французской живописи. Мы поразили мир не только нашей отвагой или силой, но и нашим устройением. Время сказать, что победы Красной Армии — это победы советского строя, ибо нельзя отделить танки за Одером от уральских заводов, а уральские заводы от Октябрьской революции, ибо нельзя отделить биографию Жукова, Рокоссовского или Черняховского от величайшего сдвига социальных пластов, от концепции новой демократии. Чем сильнее мы, тем легче нам признать достоинства других: мы не завистливы да и не ревнивы. Мы радуемся не только победам генералов Паттона и Монтоммери, но всем боевым делам наших больших и малых союзников. Мы далеки от победного угара; и если мы напоминаем, что наш народ спас Европу и мир от фашизма, то не потому, что ищем лавров, а потому, что не хотим терний, не потому, что честолюбие жаждет почета, а потому, что пролитая кровь требует уважения. Подчеркивая нашу роль в деле разгрома фашизма, мы хотим обеспечить мир наших детей; предотвратить возврат расового или националистического бешенства. С уважением и любовью мы подходим к другим народам: мы знаем, что есть у них недостатки, как есть недостатки у нас; многое придется другим взять у нас, поучимся и мы у других: всем найдется место под солнцем. Если мы презираем немцев, то не потому что они — чужеземцы. Мы презираем немцев за их дела, за их мысли и чувства, за те язвы, которые в глазах всего человечества обезобразили Германию.

Мы презираем немцев за их чванство. Почему они возомнили себя выше других? Были у них на это резоны? Нет. Некогда они были в одном лучше своих соседей, в другом хуже; а возомнили себя первыми, стали хуже во всем. Малоразвитая и душевно ничтожная немка издевается над студенткой из Харькова. Почему? Потому, что русская девушка не знает немецких обычаев. Как же не презирать спесивую дуру, которая думает, что ее Хайгленнбайлем ограничивается мир? Полтора года тому назад французский Конвент присвоил немецкому поэту Шиллеру почетное звание "гражданина мира", — люди и тогда понимали, что мир больше государства. Весь девятнадцатый век передовые умы жили идеалами братства народов: и Маркс этим жил, и Чернышевский, и Гейне, и Гюго, и Тургенев. В 1917 году Россия открыла новую эру. И вот приходит тупой маниак, озлобленный

неудачник, человек с темной биографией, лишенный минимального количества познаний, и провозглашает, что немецкая кровь выше всего. И восемьдесят миллионов охотно отзываются на его слова; и в Европе в тридцатых годах двадцатого века – после энциклопедистов, после научного социализма, после торжества Октябрьской революции – подымают голову суеверие, невежество, колеечная спесь. И во имя того, что немецкая кровь выше другой, немцы заливают всю Европу кровью. Можно ли их за это не презирать? Можно ли их не презирать, глядя на ничтожную физиономию Гитлера, который снимается с трагическим "выражением на лице"; пошлого приказчика, у которого колика (он и руки держит на животе, а глаза закатывает). Можно ли не презирать немцев, зная, что они воевали и воюют без идеалов, без благородного стремления к счастью, как грабители, как профессиональные убийцы?

Мы презираем немцев за их жестокость: это жестокость хорька, который душит беззащитных. Мы презираем их за "душегубки", за "газовые бани", за кровожадность, связанную с сексуальными извращениями, за все эти фотографии повешенных в альбомах немецких барышень, за макеты виселиц в немецких школах. Жестокость первобытного человек может вызвать возмущение, ужас, гнев. Жестокость немецкого коммивояжера, аккуратно раскалывающего детские черепа, вызывает, кроме лютой ненависти, презрение, брезгливость. Кто согласится надеть на себя рубашку Гимmlера или коснуться немки, которая обнимала гестаповца?

Мы презираем немцев за их жадность. Когда голодный крадет буханку хлеба, его должно пожалеть. Немец, у которого были шкапы, набитые барахлом, забирался в хаты Белоруссии и забирал какое-нибудь латаное детское платьице. Они жадны и мелочны. Даже близость смерти не может их приподнять, они умирают, как жили. На трупе немецкого солдата в "котле" было найдено письмо: "Пишу тебе второпях, ибо чувствую, что отсюда не выберусь. Позаботься о вещах. Если в воздухе будет пахнуть тем, что они неизбежно придут, то ты закопай наиболее ценные вещи и удирай с Гансом к бабушке. Все мои рыболовные снасти можешь продать Максу Кантору за 50 марок..." Я много раз видел в записных книжках убитых немцев предсмертные записи: их мучало, что Мюллер не уплатил 3 марок 15 пфеннигов или что жена невыгодно продала "трофейный" платок. В этих больших грабителях мы презираем и мелких торговцев.

Мы презираем немцев за их культ внешнего, за пристрастие к видимости, к бутафории. Немец покупал книги ради переплетов. Выбирая между мясорубкой и мясом, немец покупал мясорубку и не ел мяса. Немец в годы войны покупал кофейную мельницу, привинчивал ее к стене и этим удовлетворялся, ибо кофе в Германии не было. Культуру немец понимает только как технику. Он увлекается усовершенствованными предметами обихода, но он не способен спросить себя: в чем же счастье? Он душевно груб, не способен на тонкие чувства, не старается приобщить своих детей к азам нравственности. Его привлекает другое: усовершенствованная мухоловка или машинка для гофрировки морковки. Все у них внешнее, все показное. Письменный стол, чернила, перо, и сидит немец, знающий все правила немецкой орфографии, но писать ему нечего: у него пусто в голове. Техника для него не средство, а цель; мебель для него не обстановка, а сущность, – он сам деталь обстановки, может быть, меньшая, чем шкаф или диван.

Мы презираем немцев за их культ "колоссального". Они признают одно: силу. Когда они любуются статуей, им хочется, чтобы эта статуя была выше пятиэтажного дома. Их художники изображают женщин, которые больше слоних. В их домах имеются пивные кружки, вмещающие по три литра пива. Их карманные или настольные календари изобилуют статистикой: сколько у них свиней, сколько битв они выиграли, сколько калорий полагается есть, и – всюду упоение многозначными цифрами. Перед тем, как напасть на нас, они подсчитали, сколько у них танков, сколько "мессеров", сколько саперных лопат, сколько походных кухонь, сколько тупиц, закончивших курсы для "зондерфюреров". Подсчитали и двинулись. И не могут теперь понять, как случилось, что мы у Штеттина.

Мы презираем немцев за то, что они морально и физически бесстыдны. Они фотографируют друг друга, когда совершают естественные отправления. Их юмор взят из свинарни; кажется, собаки, и те постыдятся таких "шуток". У одного немецкого "философа" на стене я видел изречение: "Для мужчины мир – это дом, а для женщины дом – это мир". Немцы воспитывали своих дочерей как будущих наложниц; женщина по-немецки – это нечто среднее между экономкой и тюфяком. Немецкие моралисты говорили немкам: "Ваша роль услаждать победителей". Немки это запомнили, и теперь, когда все произошло не вполне по немецкому расписанию – победители не те, – немки, как болонки, юлят и вздыхают перед бойцами, которые не могут скрыть своего презрения. Мужья этих немок обошли все публичные дома Европы, заражались и заражали, пакостили, привозили домой непристойные открытки. Проходя мимо клеток, в которых сидят павианы, мы можем оста-

новиться: это ведь зоология, павианы не носят штанов и не разговаривают о своем расовом превосходстве. А вот при виде немцев и немок подступает к горлу тошнота.

Мы презираем немцев за гупость. Они не способны к критической мысли. Десять лет они верили idiotским выдумкам Геббельса. Да и теперь верят — пока не попадают в плен. Они верят в самое глупое, в самое неправдоподобное, хотя бы в то, что у Гитлера под кроватью спрятан какой-то новый "фау". Два года они верили, что все "непреодолимо": и Днепр, и Буг, и Висла, и Неман. Теперь уже перейдены и Одер, и Рейн, что же, теперь они верят, что непереходима жалкая речонка Шпрее. Они верят, что можно залезть в Баварию или в Тироль и там спастись за горами. Они верят всему, что им говорят. Мозг немца — эта пластинка для звукозаписи. А сам немец — заводная кукла с кишками и с температурой в 37 градусов.

Мы презираем немцев за отсутствие в них минимального достоинства. Они неспособны восстать против насилия. Они неспособны возмутиться. Они неспособны и раскаяться. Геббельс грозит: в случае чего он застрелится. Фриц тоже вопит: "Умру, а не сдамся". Но вот пошел по земле немецкой слух, что в американских лагерях для военнопленных чудесная тушонка; и немцы, которые клялись, что они скорее застрелятся, как Геббельс, эти самые немцы поднимают руки оптом, тысячами, десятками тысяч. В плену они кричат, что всегда ненавидели Гитлера. О том же говорит и гражданское население в городах, занятых нами или союзниками. Немцы уверяют, будто не могли восстать, ибо что может сделать мирный человек против гестаповца. Но ведь фольксштурм — это вчерашние мирные немцы, и у фольксштурмистов оружие. А гестаповцев теперь мало: разбежались. Почему же немцы не восстают? Спросите, почему бараны — это бараны и почему баранам нужен козел. Когда люди ждали, что какие-то немцы восстанут, что есть немцы вольнодумцы, это означало одно: люди еще не знали немцев. Теперь узнали, и теперь они презирают немцев. Я не знаю, когда немцы были противнее и ничтожнее: когда жгли наши села или теперь, когда они хнычут. Как низко они кончаются, как жалко издыхает Германия — без бунта, без взрыва страстей, даже без ропота! Одна немецкая газета так описывает агонию Германии: "Сейчас у нас не занимаются разговорами о том, каково общее положение, люди говорят о том, удалось ли хорошо разместить детей, следует ли предоставить свое помещение беженцам..." Прежде они рассуждали о Кубани, об Египте. А теперь сверхчеловеки, сжатые со всех сторон, кудахчут: "Где Кетхен? Где моя перина? Где мои драгоценности? Хальт, это еще моя квартира, герр Мюллер, а не ваша."

Ни следа раскаяния. Если немец разговорится, если он признает, что война ими проиграна, то в лучшем случае добавит: "Нужно было, прежде чем итти на русских, покончить с англичанами", или: "Мы начали слишком рано", или: "Мы начали слишком поздно". Но в его мир, похожий на черные воды, где барахтаются осьминоги, не проникает ни один луч сознания, туда не доходят ни вопли замученных детей, ни голос совести. Глухи, слепы, бесчеловечны. Вот почему не соблазняют нас ни книги в немецких шкапах, ни чистота немецкого хлева, ни вежливость немки. Мы их презираем, презираем, как люди, к тому же советские.

Знаю — придется после войны начать воспитание этих человекоподобных, придется их поднять до уровня хотя бы отсталых людей. Этим займутся политики, педагоги, психологи. Я об этом не могу, да и не хочу думать. Не мое это дело, это и не наше солдатское дело: наше дело — добить Германию, добить так, чтобы для нее стал невозможным возврат к прошлому. А потом мы будем залечивать наши раны, вернемся к любимым людям, к любимому труду. Мы не станем националистами, нет, еще сильнее в нас будет дух братства, интернациональной солидарности, стремление к общечеловеческой культуре. Мы дорожим дружбой между нами и нашими союзниками: спорить, конечно, будем, но будем и учиться друг у друга. А немцев пусть учат специалисты, чтобы они стали людьми или по меньшей мере походили на людей. Я их учить не буду; не будут их учить и те, кто своими глазами видел Тростянец или Майданек. Пройдут годы, ненависть остынет, но останется большое и справедливое презрение.

”ТАЙНА СПАСЕНИЯ ИМЕНУЕТСЯ ПАМЯТЬЮ”

Речь федерального президента ФРГ
в бундестаге 8 мая 1985 года

I.

Многие народы вспоминают сегодня день, когда в Европе окончилась Вторая мировая война. В каждом народе, в зависимости от его судьбы, эта дата вызывает свои особые чувства. Победа, поражение, освобождение от иностранного господства и насилия или установление новой зависимости, расчленение, новые союзы, грандиозные сдвиги власти, — день 8 мая 1945 года связан с решающим поворотом в истории Европы.¹

Мы, немцы, отмечаем этот день по-своему, и тут уж ничего не поделаешь. Бесполезно щадить свои чувства или требовать это от других. Нужно найти в себе силу, и она у нас есть, взглянуть в глаза правде, ничего не приукрашивая и не впадая в односторонность.

Восьмое мая для нас — это прежде всего день памяти о том, что пришлось вынести людям. Вместе с тем это день памяти о том, какими путями шла наша история. Чем честнее мы отнесемся к ней, тем с большей свободой мы примем на себя ответственность за ее последствия.

Этот день для нас, немцев, — не день торжества. Люди, пережившие его в сознательном возрасте, думают каждый о своем: этот опыт отнюдь не у всех одинаков. Один вернулся домой, у другого никакого дома не оказалось. Этого освободили, а того посадили. Многие благодарили судьбу уже за то, что прекратились бомбежки, кончился страх, за то, что они остались в живых. Иные тяжело страдали при виде полного поражения, какое понесла их родина. В отчаянии стояли немцы перед обломками своих разбитых вдребезги иллюзий; другие — тоже немцы — были благодарны за дарованное им право начать жизнь заново.

Понять сразу, что к чему, было не так просто. Смятение и неясность царили во всей стране. Капитуляция была безоговорочной. В руках противника находилась вся наша судьба. Прошлое было ужасно, и таким же оно было для многих из наших противников. Потребуют ли они от нас стократной расплаты за то, что мы им причинили?

Большинство немцев верило, что они сражаются и терпят муки во имя блага своей страны. А теперь им пришлось убедиться, что все это было не только напрасно и бессмысленно, но и служило бесчеловечным целям преступного руководства. Изнеможение, растерянность, новые заботы стали уделом большинства людей. Удастся ли разыскать родных? Стоит ли строить новую жизнь на развалинах?

Взгляд возвращался назад, в темную пучину прошлого, и устремлялся вперед, в неведомое темное будущее.

Перевод Б. Хазанова

¹ Восьмое мая отмечается в Западной Европе и США как день окончания Второй мировой войны в Европе. — Ред.

И все же день ото дня все яснее становилось то, с чем мы все сейчас согласны: Восьмое мая было днем освобождения. Этот день избавил всех нас от человеконенавистнического режима национал-социалистической тирании.

Никого освобождение не заставит забыть о тяжелых страданиях, которые для многих людей начались 8 мая и продолжались далее. Однако нам следует искать причину бегства, изгнания и несвободы не в исходе войны. Она находится в ее начале, в установлении того режима насилия, который привел к войне.

Мы не можем отделять 8 мая 1945 года от 30 января 1933.

Да, у нас нет оснований принять сегодня участие в празднествах в честь победы. Но у нас есть все основания считать Восьмое мая 1945 года концом ложного пути немецкой истории, концом, который таил в себе зерно надежды на лучшее будущее.

II.

Восьмое мая — это день памяти. Вспомнить значит восстановить в памяти случившееся с честностью и прямотой, какие необходимы, чтобы оно сделалось частью твоего сознания. Это предъявляет нашей искренности немалые требования.

Мы вспоминаем сегодня со скорбью о всех погубленных войной и режимом насилия.

Мы особенно помним шесть миллионов евреев, убитых в немецких концентрационных лагерях.

Мы вспоминаем все народы, пострадавшие в войне, прежде всего — несказанно многих граждан Советского Союза и поляков, потерявших жизнь.

Как немцы мы вспоминаем со скорбью о наших соотечественниках, погибших, будучи солдатами, на фронтах, во время воздушных налетов на родине, в плену и при изгнании.

Мы вспоминаем об убитых цыганах синти и рома, об истребленных гомосексуалистах, об умерщвленных душевнобольных, о людях, которым пришлось умереть за свои религиозные или политические убеждения.

Мы вспоминаем о расстрелянных заложниках.

Мы думаем о жертвах Сопротивления во всех оккупированных нами государствах.

Как немцы мы чтим память жертв немецкого Сопротивления — гражданского, военного, религиозного, Сопротивления в среде рабочего класса и в профсоюзах, Сопротивления коммунистов.

Мы помним тех, кто хотя и не участвовал активно в Сопротивлении, но предпочел принять смерть, чем поступить против совести.

Рядом с неисчислимой армией мертвых встает, как гора, человеческое страдание, страдание о погибших, страдание раненых и изувеченных, страдание о бесчеловечной принудительной стерилизации, страдание под ночными бомбежками, страдание беженцев и изгнанников, страдание ограбленных и изнасилованных, угнанных на принудительные работы, страдание от бесправия и пыток, от голода и нужды, от страха перед арестом и смертью, страдание от утраты всего того, во что слепо верили, ради чего трудились.

Сегодня мы вспоминаем об этом человеческом страдании и в скорби храним о нем память.

Быть может, самое тяжелое бремя вынесли на себе женщины всех народов.

Их муки, их самопожертвование, их безмолвную силу слишком легко забывает мировая история. Они терзались и работали, вынашивали и хранили человеческую жизнь, и оплакивали павших отцов и сыновей, мужей, братьев и друзей.

В самые беспросветные годы они не давали угаснуть свету гуманности.

Когда же кончилась война, они первыми, без всяких видов на будущее, взялись за восстановление, женщины-каменщицы, женщины развалин, в Берлине и повсюду.

Когда уцелевшие мужчины вернулись домой, женщинам нередко приходилось вновь уступать им дорогу. Многие женщины остались после войны без поддержки и прожили свою жизнь в одиночестве.

Но если под бременем разрушений, опустошений, жестокостей и зверств народы внутренне не сломались, если после войны они мало-помалу пришли в себя, то этим мы обязаны более всего нашим женщинам.

III.

У истоков тирании стояла бездонная ненависть Гитлера к нашим еврейским согражданам. Гитлер не только никогда не скрывал ее от общественности, но сделал весь народ орудием этой ненависти. Даже накануне своего конца 30 апреля 1945 года он заключил свое так называемое завещание словами: "Прежде всего, как самое важное, я обязываю руководство нации и подчиненных неукоснительно соблюдать расовые законы и продолжать неуклонное сопротивление мировому отравителю всех народов — международному еврейству".

Конечно, едва ли найдется государство, которое ни разу на протяжении всей своей истории не запятнало бы себя военными преступлениями и актами насилия. Однако убийство еврейского народа есть нечто беспримерное в истории.

Выполнение преступления было поручено немногим. Преступление было скрыто от глаз общественности. Но каждый немец мог сопереживать тому, что пришлось претерпеть его согражданам евреям на глазах у всех — от холодного равнодушия, от скрытой нетерпимости до открытой ненависти.

Кто мог спокойно наблюдать, как горели синагоги, как происходили грабежи, как евреев заставили ходить со звездой, лишили их прав, как совершалось неслыханное издевательство над достоинством человека?

От тех, кто не закрывал глаза и не затыкал уши, кто хотел знать правду, не могло укрыться, что поезда увозили евреев. Возможно, характер и масштаб уничтожения превосходили человеческую фантазию. На самом деле, однако, готовность слишком многих, в том числе и людей моего поколения, кто был молод и не участвовал в подготовке и выполнении содеянного, игнорировать то, что происходило, — сама по себе граничит с преступлением.

Много было способов усыпить совесть, остаться в стороне, отвести взор, промолчать. И когда на исходе войны несказанная правда Катастрофы вышла на поверхность, слишком многие из нас поспешили заявить, что они ничего не знали, ни о чем не подозревали.

Не существует вины или ненависти целого народа. Вина, как и ненависть, — понятие не коллективное, а личное.

Есть вина человека, который уличен, и есть вина, оставшаяся неразоблаченной. Есть вина, в которой сознались, и вина, которую постарались отвергнуть. Каждый, кто в сознательном возрасте пережил то время, пусть спросит сегодня себя самого, какова мера его соучастия.

Огромное большинство нашего нынешнего населения находилось в то время в детском возрасте либо вовсе не успело родиться. За дела, которые они не совершили, эти люди не несут никакой вины.

Ни один разумный человек не вправе требовать, чтобы они надели на себя покаянную рубище только потому, что они немцы. Но отцы оставили им тяжелое наследство.

Все мы, виновны мы или нет, все мы, старые и молодые, обязаны принять это прошлое. Его последствия касаются всех нас, и мы отвечаем за него.

Люди старшего и младшего поколения должны и могут помочь друг другу понять, почему жизненно важно не дать заснуть нашей памяти.

Речь идет не о преодолении прошлого. Это сделать невозможно. Нельзя задним числом изменить прошлое, нельзя его отменить. Но всякий, кто закрывает глаза на прошлое, становится слепым и к настоящему. Кто не желает помнить о бесчеловечности, тот становится восприимчив к новому заражению.

Еврейский народ помнит и будет помнить всегда. Мы по-человечески ищем примирения.

Именно потому мы должны понять, что не может быть примирения без сохранения памяти. Опыт миллионнократной смерти есть часть сознания каждого еврея в мире, и не только оттого, что люди не могут забыть этот ужас. Но и потому, что память — принадлежность еврейской веры.

”Кто хочет забыть, продлевает изгнание, и тайна спасения именуется памятью”.

Эта часто цитируемая еврейская мудрость означает, что вера в Бога есть вера в то, что он действует в истории.

Воспоминание есть опыт действия Бога в истории. Оно — источник веры в спасение. Этот опыт творит надежду, творит веру в спасение, в воссоединение разъединенного, в примирение. Кто забудет о нем, утратит веру.

Если бы мы, со своей стороны, захотели забыть о том, что произошло, вместо того чтобы помнить о нем, это было бы не просто бесчеловечно. Мы посягнули бы на веру оставшихся в живых евреев и отрезали бы путь к примирению.

Пусть это будет вечным напоминанием нашей мысли и чувству в нашей собственной душе.

IV.

Восьмое мая — исторический водораздел, рубеж не только немецкой, но и европейской истории.

Закончилась европейская гражданская война, старый европейский мир рухнул. ”Все, — Европа отвоевалась” (М.Штюрмер). Встреча американских и советских солдат на Эльбе стала символом конца европейской эры.

Разумеется, все это имело старые исторические корни. Европейцы пользовались огромным, определяющим влиянием в мире. Куда хуже, однако, удавалось им привести в порядок их собственную совместную жизнь на своем континенте. Больше ста лет Европа страдала от столкновения националистических амбиций. В итоге Первой мировой войны были заключены мирные соглашения. Но обеспечить мир они оказались не в силах. Вновь разгорелись националистические страсти и сплелись в один узел с социальной нуждой.

На пути к пропасти Гитлер стал движущей силой. Он спровоцировал массовое безумие и воспользовался им. Слабая демократия была не в состоянии его остановить. Да и западноевропейские державы, по выражению Черчилля, ”с равнодушием, равнозначным вине”, проявив слабость, внесли свой вклад в губительное развитие событий. Америка после Первой мировой войны вновь отступила в тень и в тридцатые годы не имела влияния в Европе.

Гитлер хотел господства над Европой — путем войны. Он искал подходящего повода и нашел его в Польше.

23 мая 1939 года, за несколько месяцев, он заявил немецкому генералитету:

”Без пролития крови дальнейших успехов достичь уже невозможно... Дело не в Данциге. Речь идет для нас о расширении жизненного пространства и обеспечении продовольствием... Вопрос о том, чтобы пощадить Польшу, таким образом, отпадает, остается решение напасть на нее при первом удобном случае... При этом справедливость и несправедливость, договоры и прочее не играют роли”.

23 августа 1939 года был заключен германо-советский пакт о ненападении. Дополнительный секретный протокол предусматривал предстоящий раздел Польши.

Договор был заключен с целью обеспечить Гитлеру возможность вторжения в Польшу. Тогдашнее руководство Советского Союза это отлично знало. Для всех политически мыслящих людей того времени было ясно, что германо-советский пакт означал нападение на Польшу и тем самым — начало Второй мировой войны.

Это отнюдь не ослабляет немецкую вину в развязывании Второй мировой войны. Советский Союз смирился с перспективой войны других народов, чтобы участвовать в дележе добычи. Но инициатива войны исходила от Германии, а не от Советского Союза.

За оружие насилия схватился Гитлер. Почин Второй мировой войны остается связанным с немецким именем.

В ходе этой войны национал-социалистический режим принес муки и унижения многим народам. В конце войны остался только один народ, ставший объектом мучений, покорения и унижения: свой собственный немецкий народ. Гитлер не раз говорил: если германский народ неспособен победить, то пусть он погибнет. Другие народы были сначала жертвой войны, исходившей от Германии, — под конец жертвой нашей собственной войны стали мы сами.

Последовало обусловленное договорами держав-победительниц расчленение Германии на несколько зон. Тем временем войска Советского Союза вошли во все государства Восточной и Юго-Восточной Европы, которые во время войны были оккупированы Германией. Все они, за исключением Австрии, стали социалистическими государствами.

Произошел раздел Европы на две различных политических системы. Этот раздел закрепило послевоенное развитие событий. Но не будь войны, начатой Гитлером, его никогда бы не было. Об этом в первую очередь думают пострадавшие народы, вспоминая войну, развязанную немецким руководством.

Видя разделение нашей собственной страны и потерю больших частей немецкой государственной территории, мы думаем о том же. Кардинал Мейснер в своей проповеди ко дню 8 мая в Восточном Берлине сказал: ”Печальный итог греха есть всегда разделение”.

V.

Произвол разрушения привел к произвольному разделению брени. Были невинные, которых преследовали, и виновные, которые ускользнули. Одним повезло, они могли у себя дома, в окружении близких, начать строить новую жизнь. Других изгнали с родной земли.

Мы в возникшей позднее Федеративной республике обрели драгоценный шанс свободы. Многим миллионам соотечественников в ней до сих пор отказано.

Научиться переносить произвол неправомерного распределения судеб было первой задачей в духовном плане, вставшей наряду с задачей материального восстановления. Ей предстояло стать пробой человеческих сил, испытанием способности понять бремя других, помочь им нести это бремя, не забывая о них. От того, насколько мы справимся с этой задачей, зависела наша способность к миру, готовность к примирению с самими собой и с окружающим миром, та способность, которую не только требовали от нас другие, но в которой больше всего нуждались мы сами.

Мы не можем вспоминать день 8 мая, не осознав в полной мере, какие усилия требовались от наших бывших врагов, чтобы в свою очередь найти в себе готовность помириться с нами. Способны ли мы поставить себя на место родственников тех, кто погиб в варшавском гетто или был убит в Лидице?

Как, должно быть, трудно было гражданину Роттердама или Лондона поддерживать восстановление нашей страны, той страны, откуда еще совсем недавно прилетели бомбы, упавшие на их город! Для этого требовалось взрастить уверенность, что немцы никогда больше не станут пытаться исправить свое поражение, прибегнув к насилию.

У нас самих тяжелейшие требования были предъявлены изгнанным с родных земель. Им пришлось терпеть горькие беды и злую несправедливость долгое время после 8 мая. Нам, уроженцам западных районов, часто не хватает воображения и великодушия, чтобы отнестись с пониманием к их трудной участи.

Но были немедленно проявлены и знаки замечательной готовности прийти на помощь. Многие миллионы беженцев и изгнанников нашли кров и приют. Шли годы, и они пустили новые корни. Их дети и внуки сохранили многообразные формы связи с культурой предков и любовь к их земле. И это хорошо — это остается драгоценным достоянием их жизни.

Сами они, однако, нашли новую родину, выросли и породнились с местными уроженцами, говорят на их диалектах, усвоили их обычаи. Их молодая жизнь — доказательство того, что всем можно жить в мире и согласии. Их деды или отцы были изгнанниками, но сами они — у себя дома.

Изгнанные с родных земель рано осознали необходимость отказа от насилия и тем подали пример другим. Это было не временной уступкой, следствием тогдашней беспомощности, но убеждением, которое сохраняет свою силу. Отказаться от насилия — это значит внушить всем нашим соседям уверенность, что и поднявшаяся на ноги Германия остается верной этому принципу.

Между тем родина изгнанников стала родиной для других. На многих старых кладбищах на Востоке сейчас больше польских могил, чем немецких.

Вслед за вынужденным исходом миллионов немцев на Запад переместились миллионы поляков, а за ними, в свою очередь, — миллионы русских. Все это люди, которых не спрашивали, люди, с которыми поступили несправедливо, люди, оказавшиеся жертвой политических событий и от которых нельзя требовать ответа за то, что им причинили.

Отказаться от насилия — это значит гарантировать людям, там, куда их забросила судьба после 8 мая и где они живут уже несколько десятилетий, прочное и в политическом отношении спокойное будущее. Это значит подчинить противоборствующие правовые притязания принципу взаимопонимания.

В этом, собственно, и состоит человеческий вклад в мирное устройство Европы, который может исходить от нас.

Идее свободы и самоопределения обновление Европы после 1945 года принесло и победы, и поражения. Под длительным периодом европейской истории, когда для каждого государства мир казался мыслимым и прочным лишь при условии собственного превосходства и когда он означал время для подготовки к следующей войне, — подведена черта. Мы обязаны использовать этот исторический шанс.

Народы Европы любят свою родину. Немцы — не исключение. Кто поверит в то, что народ любит мир, если он, этот народ, был способен забыть о своей родине?

Нет, любовь к миру проявляется именно в том, что родину не забывают и потому именно обретают решимость сделать все для того, чтобы всегда жить друг с другом в мире. Любовь изгнанника к своей родине — это не реваншизм.

VI.

Сильней, чем прежде, последняя война пробудила в сердцах людей жажду мира. Работа церквей, направленная на примирение, получила широкий резонанс. Есть много примеров того, как молодые люди работают для взаимопонимания. Я думаю об Акции "Знак покаяния", о том, как она проходила в Освенциме и в Израиле. Община города Клеве на Нижнем Рейне недавно получила хлебы от польских общин как знак примирения и общности. Один из этих хлебов город Клеве послал в Англию одному учителю. Дело в том, что этот английский учитель отказался от анонимности и написал о том, что во время войны, будучи летчиком, он разрушил церковь и жилые дома в Клеве. Он написал, что хочет получить знак примирения.

Бесконечно велика будет помощь миру, если мы не будем ждать, когда к нам придут другие, но сами выйдем им навстречу, как сделал этот человек.

VII.

Следствием войны стало то, что бывшие противники сблизились — человечески, да и политически. Уже в 1946 году государственный секретарь США Бирнс в своей памятной штутгартской речи призвал к взаимопониманию в Европе и к тому, чтобы оказать помощь немецкому народу на его пути к свободному и миролюбивому будущему. Граждане Америки, их было огромное множество, помогали тогда своими личными средствами нам, немцам, побежденным, залечить раны войны. Благодаря дальновидности таких французов, как Жан Монне и Робер Шуман, таких немцев, как Конрад Аденауэр, кончилась навсегда старинная вражда между немцами и французами.

Волна новой энергии, воли к строительству прокатилась по стране. Иные старые могилы были засыпаны, религиозные и социальные противоречия утратили остроту. Люди принялись за работу на началах товарищества.

Не было нулевого пункта, "Часа Нуль", но был шанс начать все сначала. Мы использовали его как могли. Взамен неволи мы утвердили демократическую свободу. Через четыре года после окончания войны, в 1949 году, 8 мая, Парламентский совет принял наш Основной закон. Минувя партийные расхождения, демократы дали ответ войне и тирании в первой статье нашей конституции:

"Германский народ объявляет себя носителем неприкосновенных и неотчуждаемых прав человека как основы всякой человеческой общности, мира и справедливости на земле".

Сегодня надо напомнить и об этом значении дня 8 мая.

Федеративная республика Германия стала государством, которое пользуется уважением во всем мире. Она принадлежит к числу высокоразвитых индустриальных стран мира. Ее экономическая мощь дает ей сознание того, что и она несет свою долю ответственности в борьбе с голодом и нуждой в мире, за устранение социального неравенства между народами.

Вот уже сорок лет мы живем в мире и свободе, и наша политика в кругу свободных наций Атлантического союза и Европейского сообщества внесла в это немалый вклад.

Никогда еще не существовало на немецкой земле лучшей защиты прав и свобод гражданина, чем теперь. Густая сеть социальных гарантий, способная выдержать сравнение с любым другим обществом, охраняет основы жизни людей.

Если в конце войны многие немцы прятали свои паспорта или готовы были обменять их на чужеземные, то сегодня наше государственное гражданство — высоко ценимое право.

У нас нет оснований зазнаваться, это верно. Но мы будем вправе вспоминать о нашем пути за эти сорок лет с благодарностью, если воспользуемся памятью о нашей соб-

ственной истории как руководством для нашего поведения в настоящем и будущем.

Если мы будем помнить о том, что в Третьей империи уничтожали душевнобольных, мы будем рассматривать выделение средств на помощь психически больным гражданам как нашу личную задачу.

Если мы будем помнить о том, как люди, преследуемые по расовым, религиозным и политическим мотивам, люди, которым грозила смерть, нередко стояли перед закрытыми границами, мы не станем захлопывать дверь перед теми, кого сегодня на самом деле преследуют, кто ищет у нас защиты.

Если мы вспомним, что представляет собой преследование свободы духа в условиях диктатуры, мы будем охранять свободу всякой мысли и любой критики, даже если они направлены против нас самих.

Тот, кто обсуждает положение на Ближнем Востоке, пусть вспомнит о судьбе, которую немцы готовили еврейским братьям и которая вызвала образование государства Израиль в условиях, все еще отягчающих жизнь людей в этом регионе и грозящих им гибелью.

Если мы подумаем о том, что пришлось вынести нашим восточным соседям во время войны, нам будет легче осознать, что равновесие, разрядка и добрососедство с этими странами остаются центральной задачей немецкой внешней политики. Важно, чтобы обе стороны помнили о прошлом и уважали друг друга. Для этого у них есть достаточно оснований, и чисто человеческих, и культурных, для этого в конце концов достаточно исторических причин. Генеральный секретарь коммунистической партии Советского Союза Михаил Горбачев заявил, что советское руководство не намеревается в связи с сорокалетием окончания войны подогревать антинемецкие настроения. Советский Союз, сказал он, выступает за дружбу между народами. Если мы питаем некоторые сомнения относительно готовности СССР достичь взаимопонимания между Востоком и Западом и уважать права человека во всех частях Европы, то именно поэтому нам не следует пропускать мимо ушей этот сигнал из Москвы. Мы хотим дружбы с народами Советского Союза.

VIII.

Через сорок лет после войны немецкий народ по-прежнему разделен.

В феврале этого года на богослужении в Крейцкирхе в Дрездене епископ Гемпель сказал:

”Гнетущим бременем, незаживающей раной остается существование двух германских государств, разгороженных глухой границей. Гнетет и кровоточит факт существования множества границ вообще. Мир согнулся под бременем оружия.”

Недавно в городе Балтиморе в Соединенных Штатах открылась выставка ”Евреи в Германии”. Были приглашены послы обоих германских государств. С приветствием к послам обратился, в качестве хозяина выставки, ректор университета Джона Хопкинса. Он подчеркнул, что у всех немцев — единая почва исторического развития. Общее прошлое соединяет их узлами братства. Эти узлы, сказал ректор, могут быть радостью, могут стать и сложной проблемой, — но в любом случае они источник надежды.

Мы, немцы, — один народ и одна нация. Мы ощущаем свою общность, так как позади нас — одна и та же история.

Мы и Восьмое мая пережили как событие нашей общей судьбы, судьбы народа, к которому мы все принадлежим. Мы ощущаем свою общность в воле к миру. Мир и дух добрососедства со всеми странами должны исходить от немецкой земли в обоих государствах. Но и другие пусть не делают эту землю очагом войны.

Люди в обеих частях Германии хотят мира, основанного на справедливости и человеческих правах для всех народов, в том числе и для немецкого. Примирение поверх

границ возможно не в такой Европе, которую перегораживает стена, но на континенте, где границы перестанут разделять людей. Вот о чем напоминает нам конец Второй мировой войны.

Мы питаем уверенность, что Восьмое мая будет не последней датой нашей общей истории.

IX.

Некоторые молодые люди спрашивали в последние месяцы себя и нас, почему спустя 40 лет после окончания войны разгорелись споры о прошлом. Отчего они не были такими жаркими 25 или 30 лет назад? Есть ли в этом внутренняя необходимость?

Ответить на эти вопросы не так легко. Однако мы не должны искать основания для этого преимущественно во внешних влияниях, хотя и они сыграли свою роль.

Сорок лет — важный срок в человеческой жизни и в судьбах народов.

Позвольте мне снова обратиться к Ветхому Завету, хранилищу глубоких истин для каждого человека независимо от его веры. Сорок лет упомянуты в нем не раз и с особым значением.

Сорок лет Израиль оставался в пустыне, прежде чем войти в обетованную землю и начать новую эпоху истории.

Сорок лет понадобилось для того, чтобы полностью перешло в прошлое ответственное за него поколение отцов.

А в другом месте (в Книге Судей) говорится, что часто память о пережитом, о помощи и спасении длится лишь 40 лет. Когда память прервалась, настал конец спокойствию.

Сорок лет всегда означают большой отрезок времени. В сознании человека это либо конец мрачного времени с надеждой на новое и благое будущее, либо риск забвения и предзнаменование вытекающих отсюда последствий. И над тем, и над этим стоит задуматься.

У нас выросло новое поколение, — ныне политическая ответственность лежит на нем. Молодежь не отвечает за то, что было когда-то. Но она отвечает за исторические последствия прошлого.

Наш долг, долг старших перед молодыми — не в том, чтобы осуществить их мечты, но в искренности. Мы должны помочь им понять, почему жизненно необходимо не дать угаснуть памяти. Мы хотим им помочь смотреть в лицо правде истории трезво и без односторонности, не пытаясь укрыться от действительности в утопических учениях о спасении, но и без моральной заносчивости.

Наша собственная история демонстрирует нам, на что способен человек. И потому не стоит воображать, что мы стали другой, лучшей породой людей. Высшего морального совершенства не существует — ни у кого и ни в какой стране. Как люди мы кое-чему научились; как люди мы постоянно подвержены опасности. Но мы в силах вновь и вновь преодолевать то, что нам угрожает.

Гитлер изо всех сил старался сеять предрассудки, разжигать вражду и ненависть. Молодых людей мы просим: не давайте себя втянуть во вражду и ненависть к другим людям, к русским или американцам, к евреям или туркам, к левым или правым, к черным или белым.

Будем чтить свободу.

Будем работать для мира.

Будем держаться закона и права.

Будем поступать как нам велит совесть.

Будем стараться, насколько это в наших силах, смотреть правде в глаза. ●

Борис ХАЗАНОВ

ПО КОМ ЗВОНИТ ПОТОНУВШИЙ КОЛОКОЛ

I.

Если когда-нибудь голос свыше спросит меня, как он спрашивает, вероятно, каждого человека: "Где ты был, Адам?" — я отвечу: собирал малину. Вел за рога по лесным тропинкам двухколесного друга. Медленно крутил педали мимо опятных городков, церквей, бензоколонок под развевающимися флагами, мимо кукольной богородицы в золотой короне, с ребенком на руках, — и думал о странной судьбе, которая привела меня в эту страну.

Сорок пять лет назад началась война; по меньшей мере дважды, осенью 1941 и осенью 1942 года, судьба России висела на волоске. Не нужно было располагать особо секретной информацией, чтобы видеть и понимать, что мощь германского рейха, боеспособность вермахта, колоссальная энергия, спрессованная в этой стране и ее армии, превосходят все известное о всех прежних войнах. Что было бы, если бы она победила?

Наше поколение не нуждалось в разъяснениях, что означает слово немецкий. Все формы ненависти сошлись в одной: биологической, эндокринной. *Так убей же хоть одного, так убей же его скорей. Сколько раз ты увидишь его, столько раз его и убей! В Германии, в Германии, в проклятой стороне...* День начала войны незабываем. Это был счастливый день моей жизни. С утра радио передавало бодрые марши, музыка гремела на улицах. Солнце играло в стеклах домов. Вся старая и скучная жизнь была разом отменена. В полдень передавалась речь Молотова. Меньше двух лет назад был подписан пакт о дружбе, башмаков не успели стоптать. Был успешно осуществлен раздел Польши. Тогда Молотов говорил о справедливой борьбе германского народа против англо-американских империалистов. Теперь он сказал, что ответственность за развязанную войну несут германские фашистские правители, и слово "фашистский" резануло слух. Перемена терминологии была столь же внезапной, как и то, что за ней скрывалось. В те дни трубный глас близкой победы с утра до вечера раздавался из репродукторов, разнося слух о том, что наши войска взяли Варшаву, Будапешт, Бухарест; потом вдруг все поняли из невнятных и противоречивых сводок, из глухих и зловещих намеков, что немцы окружили Ленинград, подошли к Смоленску и, может быть, через неделю-другую будут в Москве. Ах, нужно было жить в те времена.

Нужно было жить в те омерзительные времена, много лет изо дня в день слышать оды о непобедимости Красной Армии, видеть фильмы о парадах на Красной площади, шеренги марширующих сапог, с частоколом штыков, с эскадрильями и парашютистами, и нужно было каждый день читать и слышать о том, что мы живем в самой счастливой, самой справедливой, единственной справедливой и единственной счастливой стране. И потому при малейшей угрозе, при первой попытке врага посягнуть на наши границы народы мира, трудящиеся всех стран и раньше всех пролетариат Германии поднимутся на защиту первого в мире государства рабочих и крестьян. Нужно было это слышать, — ведь и сейчас, на другом конце жизни, стоит лишь вспомнить, закрыть глаза, и в ушах начинает звучать эта музыка: если завтра война.. малой кровью, могучим ударом... ни одной пяди своей земли... артиллеристы, точнее прицел... но если враг нашу радость живую... на его же территории... ведь от тайги до британских морей... эй, вратарь, готовься к бою! Нужно было этим жить и всему этому верить, чтобы почувствовать, как

велико было изумление, смятение, ужас, охвативший миллионы людей, когда они догадались, что происходит на самом деле. Невиданное по размерам и организованности полчище не шло, а маршировало, не ехало, а катилось, не наступало, а несло на нас, давя и сметая все на своем пути, немецкий пролетариат и пальцем не подумал пошевелить ради нашего спасения, народы мира помалкивали, и единственным, да и то далеким и полуреальным союзником, словно в насмешку над всеми пророчествами и обещаниями, над революцией, над самим великим учением, оказались империалисты: тучный Черчилль и загадочный дядя Сэм.

В последних числах июня мой отец вступил в московское народное ополчение, некое подобие войска, в спешке и панике сформированное из мелких служащих, молодых рабочих второстепенных предприятий, учителей, музыкантов, парикмахеров и других бесполезных людей. Ополчение выступило в поход в составе 32-й армии, вместе с ней попало в гигантский котел между Смоленском и Вязьмой и в короткий срок было истреблено, за немногими исключениями. Кучки уцелевших полузамерзших людей разбрелись по лесам. Грянули необычайно ранние и жестокие морозы, сто лет не было такой температуры, — русский Бог спохватился и принялся вызволять как мог свою несчастную страну. Однажды отец мой ночевал в какой-то деревне, поздно вечером в избу вошли немцы, и молоденький офицер спросил, кто это: партизан, еврей? Хозяйка ответила: "Он из нашей деревни".

Интересно было бы узнать, что стало с этим офицером. Может быть, и теперь еще в какой-нибудь немецкой семье стоит на комодe его портрет в черной рамке. Люди, промелькнувшие в жизни, живут в нашей памяти, а на самом деле их давно уже нет. Но если считать, что вероятность быть убитым на Восточном фронте составляла, к примеру, одну десятую, умереть в русском плену — тоже одну десятую, вероятность вернуться калекой и окончить дни в разрушенной и голодной Германии — половину, то остается все же некоторая возможность, что он жив до сих пор. Тогда почему бы ему не оказаться в Федеративной республике? Может быть, мы живем в одном городе, в одном районе, встречаемся в переулке. А если бы крестьянка сказала правду? Если бы я сам в сорок первом году оказался с матерью и братом на оккупированной территории? В конце концов, у меня было не меньше шансов сыграть в ящик, чем у этого офицера, — хотя бы потому, что я принадлежу к тому восточноевропейскому племени, две трети которого сгорели в печах.

II.

Больше, чем какие-нибудь другие иностранные авторы, немецкие писатели XX века заставляют задуматься о нашей ситуации в России.

Прочитав когда-то стихи Берта Брехта "An die Nachgeborenen" ("К потомкам"), я не мог отделаться от чувства, что они написаны обо мне, о таких, как я, — их было много, — о тех, для кого недоверие к более или менее устоявшейся действительности стало привычкой, кто знал: если он жив и ходит на воле, то лишь по недосмотру каких-то тайных инстанций.

"Право, я живу в мрачные времена! Беззаботное слово глупо. Гладкий лоб говорит о бесчувственности. Тот, кто смеется, еще не услышал страшную весть.

Что это за времена, когда разговор о деревьях становится почти преступлением, ибо он заключает в себе молчание о погибших...

Правда, я все еще зарабатываю себе на хлеб. Но верьте мне: это случайность. Ничто из того, что я делаю, не дает мне права есть досыта. Я уцелел случайно. Если мою удачу заметят, я пропал."

Теперь все стало воспоминанием: и Брехт, и немецкая музыка, напоминающая жизнь в России, и "Книга Ле-Гран", которую я читал поздним вечером, зимой сорок четверто-

го года, катаясь в метро, потому что дома не горел свет, и какая-нибудь часовня, которая украшала подаренный мне ко дню рождения толстый том сочинений Людвиг Уланда и которая существует на самом деле, стоит на холме в Тюбингене — как бы для того, чтобы тоже напоминать о России.

Однако стихотворение Брехта приобрело другой смысл: тот, который оно имело первоначально. Теперь это уже не стихи о человеке, который ждет, что его снова арестуют, не о советской власти. Это стихи о Германии. Огромность темы фашизма снова обрушилась на нас, но уже не на родине, а з д е с ь. Все что мы можем сказать о волшебстве немецкой поэзии, о могуществе немецкой мысли, о красоте немецких ландшафтов, все это будет ложью, если оно заключает в себе молчание о погибших.

Попробуем ответить на вопрос, который нам задают друзья, живущие в других странах или оставшиеся в СССР. Почему мы здесь? Почему мы, пусть немногочисленная, но все же имеющая право голоса часть русской, точнее русско-еврейской политической эмиграции из Советского Союза, оказались в Германии? Как можно было, после всего, что случилось, что происходило еще на нашей памяти, приехать сюда и раскинуть шатры на этой земле?

Дело усугубляется тем, что здесь же, подле нас, доживают свои дни немногочисленные соотечественники, бежавшие из России с отступавшими немецкими войсками, с частями СС и эйнзацгруппами, полицией и жандармерией. Как заставить нашу память смириться с этим?.. Вот еще один пример того, как болезненно разрастается тема Германии и нашего отношения к ней, стоит лишь коснуться старых и как будто зарубцевавшихся ран. Вместе с тем он по-своему предостерегает против искушения заикнуться на прошлом, заблудиться в истории или в том, что заменяет нам историю, остаться там навсегда. Против опасности заключить себя на всю жизнь в круг представлений и чувств, которые выразил, наполовину искренне, наполовину кривя душой, наш современник Илья Эренбург в давно забытой статье "Оправдание презрения", воспроизведенной в этом номере журнала.

Было бы странно вступать сейчас в спор с автором этой статьи. Оставим без комментариев то, что понятно само собой: старую неприязнь к немцам, почти естественную для франкофила, чувства, раскаленные войной, всем увиденным и пережитым, и, наконец, расчетливую ложь и готовность выполнить задание фронтовой газеты — разжечь ненависть к немецкому населению в момент, когда Красная Армия пересекла границы Восточной Пруссии. Но не только с государственным публицистом, невозможно спорить и с гораздо более прямодушной, никогда никому не служившей Сельмой Лагерлеф, которая опубликовала вскоре после войны свое нашумевшее письмо с выражением сходных чувств. Как и в случае с Эренбургом, то была ненависть уже не к Гитлеру, от которого в буквальном смысле ничего не осталось, не к фашизму — это подразумевалось само собой, — но ко всему немецкому народу, к немцам.

III.

Крылатая фраза Гегеля о том, что история есть пророчество, обращенное вспять, выражает загадку прошлого, подобную загадке нашей собственной жизни. Как и жизнь отдельного человека, история представляется и осуществлением некоторого проекта (разгадав его, можно предсказать будущее), и хаосом случайностей. Как и жизнь человека, история непоправима. Тем сильнее искушение отыскивать кочки, на которых она споткнулась. Мат уже поставлен, но можно, расставив фигуры заново, переиграть партию. Что было бы, если бы в немногие месяцы и недели, оставшиеся до злосчастного понедельника 30 января 1933 года, когда престарелый фельдмаршал Гинденбург назначил канцлером некоего Гитлера, что было бы, если бы слон Шлейхер и ладья Папен не дали пешке Гитлеру пройти в ферзи? История выглядела бы иначе. Что было бы, если бы бомба, оставленная графом Шенком фон Штауфенбергом под столом в "волчьей норе" в Растенбурге 20 июля 1944 года, взорвалась за минуту до того, как Гитлер, следивший

по карте за докладом, перешел на другую сторону стола, и вместо того, чтобы порвать фюреру штаны, разорвала бы самого фюрера? Если бы планы заговорщиков осуществились? Было бы заключено перемирие, колоссальные жертвы и разрушения были бы предотвращены, быть может, даже не произошло бы расчленения Германии. Государственный строй, который установили бы герои 20 июля, был бы нетоталитарным, но скорей всего и не демократическим, расстановка сил в Европе была бы иной, третья мировая война началась бы раньше, чем ей, по-видимому, предстоит начаться. Что было бы, если бы в сорок первом году рейх одержал победу? Коммунизм бы рухнул, Сталин был бы казнен; в Москве сидело бы национальное правительство под идейным руководством д-ра Альфреда Розенберга, трехцветный русский флаг с белым кругом и свастикой развевался бы над Большим Кремлевским дворцом, а на месте взорванного Мавзолея был бы воздвигнут тридцатиметровый столп с монументом Гитлера в рыцарском шлеме и баварских штанах. Автора этой статьи не было бы в живых, некому было бы рассуждать о русской эмиграции в Германии, не было бы и самой эмиграции, и вообще все было бы по-другому.

Можно согласиться с Себастьяном Гафнером, что на вопрос, действительно ли все должно было случиться так, как случилось, история отвечает молчанием. Она лишь подсовывает нам материал для сравнений. Как ни поразительно послевоенное преобразование Германии, это не первый зигзаг в ее истории. Эту страну называют Протеем. Достаточно сопоставить Германию в год смерти Гете с Германией 1871 года, а ведь между ними менее сорока лет. За всеми переменами, однако, остается нечто неколебимое: уклад жизни, быт, то, что и сегодня можно увидеть, странствуя "по Саксонии сосновой, по Баварии хмельной". Чинная жизнь небольших опрятных городков, музыка из окон, часовня на холме. Трудолюбие, добросовестность, серьезность. Ничто не возникает из ничего, настоящее произрастает на грунте прошлого и выбрасывает почки будущего. Три эпохи новейшей истории страны, война Четырнадцатого года, Веймарская республика и национал-социализм, вызрели, если верить Голо Манну, живому классику немецкой историографии, в недрах кайзеровской Германии. И вот возникает искушение — в иные минуты оно становится потребностью — вывести то страшное и демоническое, чему мы были свидетелями, из самих добродетелей этого народа, злую Германию — из доброй; потребность прочесть в книге прошлого пророчество о грядущем и обосновать так называемую историческую необходимость ссылками на нечто глубоко укорененное, неистребимое, роковое, то, что одни называют в широком смысле национальным характером, другие — политической традицией, а третьи — проклятьем немецкой истории.

IV.

Страны подобны художественным или мифологическим образам, в которых всегда таится нечто недоговоренное и к которым нельзя относиться как к отражениям действительности; каждая страна, по крайней мере страна, где мы не были, присутствует в сознании в виде некоторого фантома, который возникает Бог знает из чего, из преданий и предрассудков, из школьного мусора, из картинок в позабытых книжках, из ключев тумана, плывущих из незапамятного детства, из звучания самого имени: ведь русское слово "Германия" воспринимается совсем по-другому, чем немецкое Deutschland. Иначе и волшебнее звучат названия земель и городов, в них, в этих названиях, слышится нечто, быть может, неведомое немецкому уху. Потому что тайна переживания чужой страны не менее интимна, чем тайна патриотизма. "Нам внятно все — и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений..." (Блок). "Колыбель моей души..." (Цветаева). "Он из Германии туманной..." (о Ленском). За этими строчками стоит целый комплекс представлений, в них закодирован колоссальный миф, вросший навсегда в наше сознание. Но было бы половиной правды, если бы мы сказали, что лунно-

серебристая, призрачная, лесная, звенящая птичьими голосами родина европейского и русского романтизма, мерцающий взгляд и локоны Новалиса — были единственным изображением этого мифа. Рядом с ним и почти из него вырос и едва ли не заслонил его другой миф, другой образ Германии, наделенный такою же гипнотической силой. Беспорочно было швырять в него чернильницей. Изгнать его не так просто.

Где-то между шестнадцатю и семнадцатю годами я поднес к губам запретную чашу с ядовитым наркотическим отваром и отхлебнул со смешанным чувством отваги, дурноты и наслаждения. Я говорю о философии Артура Шопенгауэра. Может быть, следовало назвать какое-нибудь другое имя, но в конце концов почему бы не это? Мне приятно вспомнить о нем. Во втором томе его главной книги, "четырёхчастной симфонии", как величает ее Голо Манн, в знаменитой главе о любви, есть место, где говорится, что взаимное влечение влюбленных есть не что иное, как воля к жизни еще не родившегося существа. Новая жизнь зачинается уже в тот момент, когда будущие отец и мать впервые видят друг друга. Какая странная, хоть и подсказанная греками, но все же чисто немецкая идея. Есть нечто стремящееся стать действительностью, еще не существующее, но уже сущее, — томящееся небытие, которое стучится в мир, словно в запертую дверь; есть в о л я, которая предшествует всякому индивидуальному бытию. Существует текст, который ждет, чтобы его написали на бумаге. И я помню, как очаровал и озадачил меня этот спиритуалистический романтизм писателя, некогда любимого в России, но в наше время уже бесследно исчезнувшего с горизонта: раскулаченный самим Лениным, который применил к нему, если не ошибаюсь, свое прославленное, без промаха бьющее оружие, приставку "архи": архитакой, архисякой, — он возглавил индекс особо зловредных авторов, рядом с Ницше, Шпенглером и другими, самый интерес к которым квалифицировался как политическое преступление. Думаю, что это обстоятельство оказало им немалую услугу. Запрет необычайно повышает акции писателя. Напротив, очарование крамольного автора исчезает, лишь только он перестает быть крамольным.

Ничто не угрожало в этом смысле автору "Мира как воли и представления", не грозит, кажется, и теперь; однако криминальный философ заключал в самом себе некоторое противоречие. Насколько гипнотизирующей, дурманящей была его проза, насколько поработал и затягивал волшебным ритмом старинный слог и манил мистической красотой благородный готический шрифт, — настолько непривлекательным выглядел сам автор. Прочсть его характер на известных дагерротипах угадать его образ мыслей не составляло труда. Два-три эпизода его биографии аттестовали его достаточно ярко. Скверный самовлюбленный старец, капризный и мстительный, семидесятилетний Нарцисс, заглядевшийся на свое отражение в чернильнице. И, кажется, уже тогда я знал о его антисемитских высказываниях, — они не имели ни малейшего отношения к его мрачной и возвышенной философии, и все-таки это был в своем роде безошибочный тест, выдающий глубоко укорененную в душе бесчеловечность. Этот контраст между человеком и его творением, сосуществование гениальности и мещанства прорастали каким-то зловещим смыслом. Быть может, то было предчувствие великого антигуманистического искусства, который таила в себе германская мысль.

V.

Я убежден, что все попытки "разобраться" или, если хотите, разделаться с Германией останутся неполными и в конечном счете негодными, если мы не произведем расчет на уровне ее культуры, той культуры, аналогии которой можно искать лишь в классической древности. "Гетевский лоб над тысячелетиями", сказала Марина Цветаева... Только тот, кто рассчитался с Германией на высокогорных равнинах духа, может сказать: да, я пересилил ее, переболел ею и могу теперь спуститься в долины, жить в ней и дышать ее воздухом. Культура и демократия состоят между собой в сложных отноше-

ниях. В культуре есть нечто сопротивляющееся демократии, почти презирающее ее. Слишком сильно дает себя знать происхождение демократии, которую выковал не "народ", а буржуазия: демократия — это завещание, оставленное уходящей в прошлое буржуазной цивилизацией, а все буржуазное содержит привкус пошлости; там, где буржуазия не подражала знати, где не было аристократии, как например, в Америке, там этот привкус ощущается еще сильнее. Культура, если подразумевать под ней жизнь духа, и демократия говорят на разных языках. Но расставаясь с демократией, культура изменяет гуманизму. Этот немецкий комплекс, комплекс высокомерия, есть одновременно и великий урок немецкой культуры, преподанный в нашем веке с убийственной наглядностью.

За отречением от гуманизма следует провинциализация. И это ее второй урок. Мощество и мятежность великих культур состоит в том, что вырастая на национальной основе, в национальном языке и национальной истории, они рвутся вон из дома и в конце концов преобразуют диалект своего народа в язык человечества. Каждому великому писателю рано или поздно становится тесно в своем отечестве. Так Шиллеру когда-то стало невмоготу в затхлом Вюртембергском герцогстве, так Достоевскому было тесно в своем русском национализме. И наоборот: культура совершает измену самой себе, когда служитель духа становится оруженосцем национальной идеи. Когда охватывает тоска по уютному провинциальному существованию, когда некоему условному городу противопоставляется идеализированная деревня, духу — "почва", а демократии и гуманизму — народность, когда культура озабочена возвращением к "национальным корням" и обретением "национального самосознания", когда родина оказывается в конечном счете выше и важнее свободы.

И тогда наступает грехопадение. Букет идей и представлений, о которых только что сказано, еще не принадлежит фашизму. Но он в большой мере подготавливает то, что было самым постыдным в истории немецкой культуры, — приятие национал-социалистической революции значительной частью духовной элиты. Не будучи собственно причиной "национального возрождения", но скорее его условием, он, этот букет, венчает фашизм, декорирует его и дает ему некую духовную и эстетическую санкцию. В этом смысле можно сказать, что культура ответственна за фашизм и все его преступления наравне с политиками и "народом". Таков ее третий урок.

Существует любопытный документ, принадлежащий Готфриду Бенну и русскому читателю неизвестный, как, впрочем, и все его творчество. Бенн, один из крупнейших европейских поэтов нашего века, в мае 1933 года опубликовал "Ответ литературным эмигрантам" (фактически — Клаусу Манну), где говорилось: "Вы пишете мне, находясь неподалеку от Марселя. Вы, молодые немцы, мои бывшие почитатели, а ныне беженцы, сидите на побережье Лионского залива, в гостиницах Цюриха, Праги, Парижа. Вы слышали, что я заявил о своих симпатиях к новому государству, предоставил себя в его распоряжение, как член Академии искусств готов принять участие в его новой культурной политике. Вы пишете: как я мог, и прочее... Итак, выслушайте, пожалуйста, мой ответ.

Я должен прежде всего сказать, что о процессах, идущих сейчас в Германии, можно говорить только с теми, кто пережил их вместе со своей страной, кто жил этими событиями ежечасно изо дня в день, от газеты к газете, от одной радиопередачи до другой... С беглецами, удравшими за границу, разговаривать невозможно. Ибо они упустили возможность прочувствовать столь чуждое им понятие народа — не абстрактно, не умственно, а в живом и непосредственном восприятии, ощутить, как оно растет в них; упустили возможность постичь смысл понятия национального во всей его полноте, того понятия, которое вы так высокомерно третируете, упустили случай узреть воочию формообразующую, порой трагическую, но всегда судьбоносную поступь истории... Но это непонимание связано и с другой проблемой, ныне столь актуальной, что она заставляет буквально

тей. Ведь это были немцы, чего с ними церемониться! Жажда мести, уже не отличавшей вооруженного солдата от слабой старухи, нациста от крестьянина, взрослого от подростка, сочеталась с плановыми мероприятиями в занятых районах, с акциями НКВД и операциями частей особого назначения. Ибо режим, который правил страной и армией победителей, его политическая структура и партия во главе с вождем были во многом подобны, если не тождественны, гибнущему режиму побежденных. Армия рвалась вперед, генералы не жалели солдат, впереди маячил Берлин — а по дорогам, наступаемые танками, бежали, тащились, везли ручные тележки с кладью и несли на руках детей объятые ужасом беженцы. Вместе с изгнанными после войны жителями Силезии, Померании, Познани, Восточного Бранденбурга, Судетской области их было двенадцать миллионов человек.

Меряться страданиями — безнадежное дело. Еще хуже было бы заявить: мы квиты. Казнь, которой подверглась Германия, потерявшая в общей сложности около одной десятой своего довоенного населения, не отменяет страданий, которые нацизм причинил другим странам, включая СССР, где 20 или 25 миллионов погибших превысили десятую часть, и Польшу, потери которой по отношению к общей численности народа были еще больше. Но и жертвами нацистской Германии непозволительно загораживаться от воспоминаний о том, что обрушилось на эту страну.

VII.

Очистилась ли она от скверны, теперь, спустя сорок с лишним лет? Я думаю, что на этот вопрос не колеблясь можно ответить утвердительно, каким бы сложным он ни казался, с какой жестокой неумолимостью ни возражала бы нам наша память. С первых дней жизни в Германии бросается в глаза радикализм, с которым здесь разделились с прошлым. Радио, телевидение, печать не устают напоминать о нем. Историки безжалостно расковыряли это прошлое, художники выставили его напоказ. Лучшие книги о фашизме написаны на немецком языке; все упреки, какие нация могла бросить самой себе, брошены. Это не значит, что старшее поколение приняло их целиком, окончательно и бесповоротно смирилось с ними в своей душе, что травма, оставленная национал-социализмом, двенадцатью годами постыдного опьянения и самообмана, сознанием массовых преступлений, проигранной войной, тотальным крушением, потерей целых областей, наконец, разделением страны, — залечилась, не оставив рубцов. Но трудно сейчас представить себе в западном мире государство, где опасность реставрации фашизма была бы менее реальной, — опасность сколько-нибудь заметного возрождения фашистских или родственных им настроений, воинственного национализма, тоталитарных грез, агрессивной "народности", опасность реваншизма, о котором нам прожужжали все уши в СССР. Тому, кто здесь живет, все это кажется смехотворным. Повторил бы теперь Томас Манн то, о чем он писал когда-то Вальтеру фон Моло, — что ему странно возвращаться в Германию? Вернулись бы мы в Россию, если бы она тоже стала обществом свободы и уважения к человеку? Я бы побоялся. Ибо это кажется невозможным. Однако точно так же полвека назад это казалось немыслимым и невероятным в Германии. Как на безумца посмотрели бы на того, кто сказал бы, что во второй половине века эта страна станет самой мощной демократией Европы.

Урок грехопадения влечет за собой урок очищения от греха. Мы не сумеем его усвоить, опираясь на привычные представления о национальном характере народа, ибо это означало бы остаться в плену у того самого образа мыслей, от которого нужно дистанцироваться. Ведь он объявил нацизм национальным достоянием немцев. Если же мы готовы списать нацизм на счет имманентных особенностей "национального характера", то почему мы не можем объяснить очищение от нацистской скверны тем же национальным характером? Если приписывать заслугу освобождения от зла всецело внешним силам, почему бы не обвинить чужеродные силы и в победе зла? Все это философство-

но каждого принять жизненное решение. Вы изображаете дело так, как будто то, что происходит сейчас в Германии, грозит культуре, грозит цивилизации, как будто орда дикарей покушается на идеалы человечества. Но скажите на милость, как вы себе вообще представляете ход истории?.. Думается мне, вы лучше поняли бы происходящее, если бы не смотрели больше на историю как на банковский счет, предъявляемый творению вашими буржуазными мозгами, вашим либеральным девятнадцатым веком... Вы пишете: "Сначала расписываются в любви к иррационализму, затем к варварству — и вот уже мы в объятиях Адольфа Гитлера." Вы это пишете в тот самый момент, когда у всех на глазах ваша оппортунистическая идея прогресса человечества обанкротилась на обширных пространствах земли... Поймите же, вы, сидящие на берегах теплого латинского моря: то, что совершается сейчас в Германии, — не политические махинации, которые можно перетолковывать так и эдак, но речь идет о появлении нового биологического типа, история мутирует, народ хочет воспитать в себе новую дисциплину..."

Переписать все письмо невозможно, но не правда ли, на минуту кажется, что это какой-то национальный мыслитель из России гневно выговаривает нам, беглецам и изменникам.

Незадолго до этого Готфрид Бенн был назначен комиссаром секции поэзии Прусской Академии искусств, а в июне того же года отставлен. В следующем, 1934 году опьянение судьбоносной поступью истории прошло окончательно. Бенн очнулся, а с Германией, с большинством немцев это произошло десять лет спустя.

VI.

Цена, которую они заплатили за это, была невероятной. Мы никогда не забываем о том, что наша страна вышла из войны полуживой; но, может быть, не все представляют себе, во что она обошлась Германии. Масштабы и степень кары, если искать для них аналогии в немецком прошлом, можно отчасти сравнить с катастрофой Тридцатилетней войны, которая унесла в первой половине XVII века почти две трети населения тогдашней Германии и тоже происходила на ее территории, и все же никогда никакая страна не была так разгромлена, разнесена в щепы в буквальном смысле слова. Уже под Сталинградом людские потери вермахта превзошли потери великой армии Наполеона за время всей кампании 1812 года. А далее провозглашенный еще до войны лозунг национал-социалистического движения "Германия — это Гитлер, а Гитлер — это Германия" был в прямом смысле принят к сведению союзниками, став лозунгом истребительной войны. В конечном итоге возмездие превысило чью бы то ни было планомерную волю. Возмездие настигло этот народ, всех без исключения, устранив разницу между виноватыми и невиноватыми: виноваты были все — уже потому, что они были немцы. Возмездие затмило военные, государственные, идейные и моральные соображения; военные действия шли своим чередом, — оно стояло над ними. Поднявшись со дна человеческих душ, как цунами со дна океана, оно перекатилось через головы наступавших и обрушилось на бегущих. Тех, кто спасся, ждало второе возмездие — во внутренних областях страны, в ее центрах. Ни одного крупного города не уцелело. Ничего или почти ничего не осталось от Берлина, Гамбурга, Кельна, Бремена, Франкфурта, Майнца, Вюрцбурга, Дортмунда, Эссена, Нюрнберга, Ахена. Дрезден был уничтожен в одну ночь. Кольцо огня окружило город, и шестьдесят тысяч жителей и беженцев, запертых в центральных районах, задохнулись в дыму и погибли под обломками зданий. Тысяча двести гектаров руин лежали на месте, где была изумительная столица Августа Сильного.

Когда в январе сорок пятого года войска 3-го Белорусского фронта, а за ними и другие соединения пересекли бывшую советско-германскую границу, началось то, что именуется освобождением немецкого народа от гитлеровского ига. Увы, это выглядело совсем не так. Армия, совершившая чудеса во имя защиты родины, запятнала себя низкими злодеяниями, грабежами, дикими насилиями над женщинами, убийством де-

вание нужно просто выкинуть вон. Урок самоочищения останется непонятным без понимания природы тоталитаризма, сущности тоталитарного строя и тоталитарного образа жизни. Думая о Германии, мы не можем не думать о нашей собственной стране.

VIII.

Перед нами нечто удивительное, крушение тоталитарного режима и победа демократии, купленная дорогой ценой. Перед нами самый большой народ Западной Европы, если не сопоставимый с населением СССР, то по крайней мере почти такой же многочисленный, как и русские; государство, хозяйственная мощь которого превосходит уровень экономического развития вчерашних победителей, а политическая система ничем не напоминает разгромленный национал-социалистический рейх. Можем ли мы, выросшие в государстве, которое во многих отношениях было братом-близнецом этого рейха, желать себе такой судьбы? Не означает ли это желать войны, катастрофы, кровавого хаоса? Германский тоталитаризм рухнул. Российский (или советский) жив и более или менее здоров. Правда, он заметно обветшал. И все же о том, чтобы рухнуть, не может быть и речи.

На что же надеяться? На то, что тоталитарная бюрократия, устав от самой себя, постепенно преобразуется в правовую, что в одно прекрасное утро на вершине появится прагматичный человек в современном костюме, который ограничит тотальное планирование, даст свободу действий директорам предприятий, восстановит местное самоуправление, умерит власть цензуры, усмирит КГБ, отменит преследования интеллигентов, разрешит свободный культурный обмен с другими странами и договорится с Америкой о разоружении? Отложим эти мечтания до каких-нибудь неопределенных времен. Единственное, на что можно возлагать более или менее осторожные надежды, это постепенное, медленное, но необратимое преодоление тоталитарной психологии, "выдавливание из себя по капле раба", освобождение от образа мыслей, навязываемого тоталитарно-социалистическим государством и, в свою очередь, предполагающего естественным и легитимным существование такого государства.

Есть нечто общее между тем, что происходило в Германии в умах участников Сопротивления, а затем после войны, посреди обломков немецкой истории, — и тем, что вынашивает независимая русская мысль, эмигрантская на Западе, оппозиционная внутри страны. И она бродит среди развалин. Во что верить? Чему поклониться? Эта мысль ищет причала.

И вот, она как будто нашла ответ. Под толщей стоячих вод, в зеленоватой тьме она наткнулась на потонувший колокол. Нет, не потонувший, а злодейски сброшенный, поруганный и утопленный, и чудесно сохранившийся на дне. Заветное слово произнесено: **национальные ценности**.

Преимущество этой находки в том, что она представляет собой готовое изделие, не требующее дополнительных затрат. Слегка почистить и пустить в дело. Национализм есть совокупность готовых ответов. Его отправной пункт — оскорбленное чувство, больное и беспокоящее сознание чего-то отвратительного, что произошло с родиной, и для этой боли он тотчас находит универсальное врачующее средство. Национализм одновременно и мысль, и чувство, точнее, мысль, поставленная на службу чувству; он подкупает умы легкостью, с которой элементарные житейские факты обобщаются до уровня мировоззрения, примитивные эмоции облагораживаются до праведного и пророческого пафоса, мещанская психология возвышается до историософии. Вдруг все становится ясным, секрет истории — на ладони. Каждому из своих адептов национализм выдает почетную грамоту, знатную родословную, он делает каждого сопричастным великой сверхисторической общности и снабжает его индульгенцией; хочется вместе петь и вместе молиться, — признать себя соотрапезником преступления не хочется. Да и нет в этом никакой нужды. Раскапывать корни зла, искать его зачатки в собственном про-

шлом — зачем? Национализм привлекает простотой оппозиций. Существует хрустальное ядро, незапятнанная первозданность — “здоровый национальный организм”, по некоторым сведениям доживший до первых десятилетий нашего века. Все мрачное, осевшее на нем, чужеродно по своему происхождению и сути; все светлое — это он сам. В конечном счете граница, отделяющая наше от ненашего, граница, в существовании и нерушимости которой национальная мысль не сомневается, — и есть собственно граница между добром и злом. Нет, мы не уподобимся немцам. Пускай они казнятся и бьют себя в грудь. Они сами виноваты в том, что с ними случилось. Немецкий фашизм был немецким. Советский коммунизм, тоталитарный близнец фашизма, не был русским. Мы в нем неповинны. Никто не испытывает ни малейших сомнений, называя концентрационные лагеря в Германии немецкими. Но всякий, кто осмелится применить слово русский к лагерям в России, к партийному и полицейскому аппарату, к государственному строю в России, — будет заклеймен как ненавистник русского народа. Ибо русский народ не имеет с коммунизмом, этой заразой, делом бесов, — ничего общего.

IX.

Все националистические идеологии повторяют друг друга, как религии, говорящие на разных языках об одном и том же Боге, но этот бог — в каждом случае свой, а свой бог естественным образом исключает чужого. Внутренняя теплота и интимность национализма, его тяготение к материнскому лону, назад, в мифическое прошлое, изначальная ориентация на глубинку, провинцию, на какой-нибудь Северо-Восток, незаметно для него самого переходит в отвращение и ненависть к чужому, которое всегда воспринимается как губительное, неотделимо от этой ненависти, не существует без нее. Вслед за простым чувством справедливости национализм ставит вопрос: кто виноват? Ответ, который он дает, — ответ национально мыслящих кружков русской интеллигенции в столицах, ответ земляных писателей, ответ свободной русской журналистики и литературы за рубежом во главе со знаменитейшим ее представителем, — показывает, что национальная мысль ничему не научилась, ничего не поняла, не извлекла урока из опыта двух тоталитарных режимов нашего времени: в Германии и в Советском Союзе.

Кто виноват?.. Но между виновниками и праведниками, между палачами и жертвами, между Берией и Солженицыным находится огромная масса обыкновенных людей, “граждан”, о которых нельзя сказать, что они все — преступники, однако вовсе незапятнанными их тоже не назовешь. Потому что секрет тоталитаризма, его ужас, состоит в его тривиальности: в одно и то же время он является и политическим режимом, закабалившим людей так, как никакой режим и никакое государство, по крайней мере в Новое время, не могли их закабалить, — и повседневным образом жизни этих людей. Тоталитарная бюрократия пропитывает все тело страны, стремится уничтожить грань между собой и народом, “народ и партия едины”, и при этом оказывается, что партия — отнюдь не партия в обычном смысле слова, а народ — не народ; тоталитарная действительность обесценивает патриотическую идею и лишает смысла самую терминологию, которой оперирует русский национализм.

Нет, я не пытаюсь снять вину с тех, кто стоит на трибунах; но как быть с теми, кто шагает мимо трибун? С этими людьми, которых мы видим по сей день на экранах с детьми на плечах, с флажками? Кто приветствовал фюрера, когда он проезжал по улицам Мюнхена или Вены? Я хотел бы повторить то, о чем писал в другом месте: тоталитаризм дезавуирует идею вины. Это и есть страшная проблема, с которой столкнулось правосудие в Германии. Ведь нельзя посадить на скамью подсудимых весь народ.

Легко заметить закономерность, с которой этот режим плодит преступников, точнее, порождает преступный тип человека. Но это человек, с которого нечего взять: государство лишило его ответственности. Другими словами, оно размыло понятие о преступлении как о некотором исключении из общего правила. Напротив, совесть и честь —

в той области поведения, которая называется общественной или гражданской позицией, — становятся в этой стране странным исключением, если не социальной патологией, и советское государство по-своему право, заключая инакомыслящих и инакодействующих в психиатрические больницы. Провозгласив общественный труд почетной обязанностью граждан, оно превратило его в позор и проклятье. Учредив тотальный надзор над людьми, оно лишило общество последних остатков солидарности и уничтожило самое общество. Объявив родину высшей ценностью, оно превратило ее в тюрьму, в гигантское подобие лагеря, окруженного сторожевыми вышками и рядами колючей проволоки. Объявив себя надеждой и светочем мира, оно вооружилось до зубов и убедило свой народ, что так оно и должно быть. В конце концов, верный своей сущности, тоталитаризм сам сделался обществом, родиной и государством. Каждый, кто жил в СССР, знает, что провести границу между этими понятиями невозможно. Число людей, умерщвленных этим режимом, окончательно не подсчитано; во всяком случае оно очень велико. Каково же должно быть число убийц? В этой стране было несколько десятков миллионов заключенных, каждый угодил в лагерь по доносу. Сколько же в ней было доносчиков? Мы въезжаем в тему, страшную своей безвыходностью. Очевидец рассказывает о бунте арестантов на барже в Охотском море: охрана залила трюм, где сидели в полутьме и тесноте заключенные, водой из пожарных шлангов. Вода замерзла, вмерзших до пояса, но все еще живых людей вырубали из льда. Как бы ни был страшен этот эпизод, он был каплей в море страданий и жестокости. Но если представить себе, что каратели и жертвы поменялись бы местами, можно ли быть уверенным, что приказ пустить в ход брандспойты не был бы отдан, что он не был бы выполнен? В моей жизни — и, вероятно, не только в моей — было время, когда казалось, что невозможно дальше жить, если справедливость не будет восстановлена, преступники не будут наказаны. Все ушло в трясину времени, негодяи умерли своей смертью... Но если бы сталинизм в самом деле рухнул, как рухнула империя Гитлера, если представить себе некоторое высшее и беспристрастное судилище — кого мы будем судить? Какой суд был бы в состоянии распутать этот клубок, какая юстиция не спасовала бы перед ситуацией, в которой презумпция невинности перестает быть условием правосудия, ибо преступность, соучастие в злодеянии — здесь не отклонение, а норма? Какая "комиссия по десоветизации" была бы способна отделить агнцев от козлиц? Тоталитаризм снимает вопрос о вине. Показав, на что он способен, — а его возможности поистине безграничны, ведь он является государством в квадрате, в кубе, — он стремится сделать всех не только своими единомышленниками, но и соумышленниками, соучастниками и сотрапезниками, и успешно добивается этого, не оставляя людям никакой или почти никакой альтернативы, заставляя всех и каждого служить себе. Так он превращается в образ жизни.

Х.

Ответ националистического хора: вы ненавидите родину. *Где вам ее понять?* Вы ненавидите ее, ибо утверждаете — или даете понять, — что существующий режим есть порождение русской истории, помноженной на национальный характер, что "всякий народ достоин своего правительства", что, следовательно, он заслуживает того, что с ним сделали.

Нет. Существующий режим не есть порождение русской истории, история всегда открыта, то есть представляет собой необозримое поле возможностей, — но он ее проложен. Никакого другого продолжения нет, никакой другой России, кроме Советского Союза, не существует; в этом смысле можно сказать, что советский режим есть необходимое продолжение русской истории. Не более и не менее, чем национал-социалистический режим был продолжением истории Германии. Национальный характер, вещь, которую легче почувствовать, чем описать, не заключает в себе ничего, что фатально предопределило бы падение всего народа в объятия тоталитаризма, однако и

ничего такого, что могло бы этому воспрепятствовать. Вопрос, "заслужил" или не заслужил народ своих руководителей, вообще не имеет смысла, потому что равно допускает два противоположных ответа.

В этом все несчастье. Вся драма именно в том, что действительность, одновременно чудовищная и тривиальная, действительность массового общества, гигантской централизованной, хотя и многоплеменной, империи, необычайно развитой системы индоктринации, пропаганды, всеобщего оболванивания, какой вообще не знали прежние века, действительность переполненных городов, бюрократизации всех сфер жизни и полнейшей беспомощности каждого отдельного человека перед анонимной мощью государства — не лезет в обветшалые штаны, которые хотела бы натянуть на нее националистическая мысль. Романтическая по своему происхождению и существу, она оперирует представлениями русского (и немецкого) XIX века, словно жует объедки былых пиров, и предпочла бы попросту спрятаться от гнусной жизни куда-нибудь подальше — в деревню. Но от деревни, колыбели мифического народа, ничего не осталось. Националистическая мысль не может и не хочет видеть действительности, ибо национализм есть не что иное, как эмоция, ставшая идеологией.

Началось это со времен Французской революции и походов Наполеона, с европейского романтизма и взрыва патриотических чувств в нескольких странах Европы. Но то, что было цветущей юностью в первой половине прошлого века, спустя несколько десятилетий обнаружило хищные повадки. Выяснилось, что Снегурочка была юной Бабой-ягой. Голубое и розовое превратилось в черное и багровое. Эта эволюция, растущая эротизация национальной идеи и превращение романтической народности в злокачественный национализм, более или менее одинаково прослеживается и в Германии, и в России.

Будем откровенны. Национализм произрастает из естественного человеческого чувства привязанности к родине — но далее начинает эксплуатировать его. Можно было бы сказать, что национализм паразитирует на любви к родине. Это и есть момент, когда он становится идеологией. Хуже всего, если он становится идеологией большого народа, государственной нации или государства, выступающего от имени нации, — что в наше время практически одно и то же. В 1933 году настал звездный час немецкого национализма. Похожий звездный час пережили в Советском Союзе и мы — на вершине сталинизма, в конце сороковых и начале пятидесятых годов. В обеих странах до предела, до почти карикатурной простоты обнажилась внутренняя дилемма национализма: или Родина — или свобода. Национализм выбирает родину. Национализм объявляет себя родиной. Выбирая родину, он предает свободу.

История эта, похожая на притчу, не научила разуму независимую русскую мысль. Дважды преподанный урок братской встречи и шестивия рука об руку фашизма и национализма, по-видимому, пропал для нее даром. Как и сто лет назад, она лелеет образ нации-личности — центральный миф национализма, из которого вытекает все остальное: первозданная чистота и наивность, единство и отгороженность от мира, "национальные задачи" и коварство чужаков.

XI.

Если нынешнее западногерманское общество приобрело стойкий иммунитет к злокачественному национализму, то это результат перенесенной им тяжелой болезни. Болезнь — цена, уплаченная за иммунитет, который тем прочней, чем острее протекал недуг. В нашем случае, в СССР, недуг тоталитаризма принял затяжное течение, и вот — иммунитета нет или он недостаточен. Поэтому национализм начинает казаться чуть ли не якорем спасения. Внутренняя логика развития национальной идеи, зловещие потенции, скрытые в ней, очевидны не каждому. То, что интернационалистические лохмотья все

еще декорируют советскую идеологию, помогает не обращать внимания на ее истинную суть и живую душу — идею тоталитарно-националистической империи — и обманывать себя и других иллюзией, будто русская идея несовместима с советской властью.

За сто лет русский национализм не сделал вперед ни одного шагу, но он этого и не хотел. Состарившись, русская идея нисколько не подурнела, напротив, она выглядит еще соблазнительней. Ибо оспорить националистический миф невозможно: его *raison d'être* носит почти физиологический характер. Никакие исторические изыскания, никакой анализ революции не в силах изменить его по существу, не в состоянии его обновить; ссылки на историю так же мало подтверждают его, как и опровергают. Миф этот сросся с нерушимой догмой российской имперской государственности, облакающей русский народ, словно богатыря — шлем и латы, но его внутренняя, скрытая в подполье разума и уходящая корнями в бессознательное основа, его гайная эротика находится по ту сторону политических или философских соображений. В своем глубочайшем ядре он неуязвим. Архетип народа как единого живого тела, вечный, неизменный в смене правительств, режимов, эпох, — возможно, выражает то, что внутренне очевидно для каждого, кому выпало счастье или несчастье родиться и жить в России: ощущение интимной связи между собственной жизнью и страной. Больше того, переживание страны как некоторого продолжения собственной личности.

В этом смысле можно сказать, что все мы — русские националисты: и левые, и правые, и "настоящие русские", и презираемые ими инородцы; "инородец" переживает это чувство подчас даже еще острее, и тогда он склонен думать, что он — единственный, кто хранит чистый образ деградировавшей родины; его привязанность к ней может довести его до слепоты и гибели, как показывает пример немецких евреев. Но гордиться чувством привязанности к стране своего происхождения нелепо, скорее его можно стыдиться, можно стыдиться этой родины, понимая, сколько зла она принесла другим людям, другим странам и народам.

Потенции зла, заключенные в национализме, любом национализме, хотя мы говорим здесь по преимуществу о русском и немецком, — реализуются в той мере, в какой национализм становится предметом горделивого самолюбования, узурпирует духовную жизнь, становится эрзацем науки, искусства, религии, незаметно для его носителей превращаясь в самую злокачественную идеологию нашего времени.

Берегитесь, когда вам твердят о любви к родине: эта любовь заряжена ненавистью. Эти фразы мы слышали в СССР, где они превращались в злые дела.

Берегитесь, когда раздаются крики о русофобии: вам хотят сказать, что русский народ окружен врагами. Берегитесь рассказов о том, что в России хуже всех живут русские, пострадали в первую очередь русские, что численность русского народа уменьшается, что всеми делами в стране заправляют, заняли все важные посты и пользуются всеми благами люди, которые только притворяются русскими; берегитесь этих рассказов, перекочевавших прямо из очередей в философские трактаты и художественные откровения. Их смысл и суть — указать на корень бед: русская нация пала жертвой хитрых, ловких, предприимчивых и прожорливых чужаков-паразитов. Следовательно, она в праве и должна защищаться.

Берегитесь, когда вам напоминают о том, что Сталин говорил с кавказским акцентом, а у Ленина был еврейский дед и калмыцкая бабка: за этим стоит миф крови. Будьте осторожней, когда вам объясняют, что Ленин был игрушкой в руках еврея Парвуса и привез в запломбированном вагоне революцию, купленную на немецкие деньги в мясной лавке крещеного еврея Маркса. То же или почти то же рассказывалось перед тридцать третьим годом в Германии; берегитесь! Берегитесь, читая списки деятелей революции и — в скобках — их иудейские имена. Цель этих разоблачений — внушить мысль, что

они стали революционерами не оттого, что поверили в революцию, но потому, что были евреями. "Теперь все понятно".

Будьте осторожны, когда перед вами выстраивают в шеренгу лагерных начальников с нерусскими фамилиями: вам хотят сказать, что если обыкновенные люди стали начальниками, потому что так уж сложилось, то эти — потому что они были нерусские.

Будьте осторожны, когда вам рассказывают о величайшем государственном муже, чести, совести и надежде страны, — злодейски убитом. "Пуля пробила сердце России". Берегитесь... Не потому, что факты, которые вам представили, неверны, но потому, что хотят сказать — убил не убийца, а еврей. За его спиной стоит племя, казнившее Христа, вот и окончательная разгадка. Вот первопричина. Берегитесь, ибо и человек, сочиняющий постыдную притчу, может не отдавать себе отчета в ее значении.

Дело не в кавказцах, калмыках или латышах. Это лишь псевдонимы одного и того же врага. Дело в структуре сознания, которое нуждается в таких врагах. Дело не в евреях или, во всяком случае, не только в евреях. Шесть миллионов депортированных и сожженных были детьми человечества. Антисемитизм, сказал один писатель, это международный язык фашизма. Если трагедия Германии, страны, которая ближе нам, чем любая другая страна мира, если опыт ее величия и падения, и возвращения в семью свободных народов пропал для нас даром, то кто и что нас научит? ●

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Десятая книжка журнала (1986 г.) содержит интереснейшие публикации: статью Олега Волкова и комментарий к ней Владимира Войновича, статью К.Любарского, деловито и компетентно разъясняющего чернобыльскую трагедию, беседу с членом Верховного суда США У.Бреннаном. Журнал проявил замечательную инициативу, решив поздравить с 75-летним юбилеем С.И.Липкина, "человека рафинированной культуры и незаурядного гражданского мужества", как характеризует Липкина редакционная врезка; далее про него рассказано, как он, "протестуя против преследования молодых литераторов, участников альманаха "МетрОполь", вместе со своей женой, поэтессой Инной Лиснянской, вышел из Союза писателей, порвал таким образом с "официальной советской литературой" и "на шестьдесят девятом году жизни (...) в буквальном смысле слова лишился куска хлеба". Все это сказано достойно и справедливо. Однако вслед за этой врезкой следует текст рецензии Юрия Колкера — "Жизнь и судьба Василия Гроссмана". В этой статье о книге Липкина, посвященной его другу Гроссману, нам сообщаются некоторые "факты", каждый из которых изложен ядовито. Начну с цитаты: "Безусловно, Гроссман верил в изначальную справедливость принципов, заложенных в основание советского строя, был интернационалистом и в каком-то смысле марксистом, пожалуй, и остался им, — позиция, которая сейчас едва ли у кого встретит сочувствие" (стр.114).

Слова Ю.Колкера меня удивляют. Разве это так уж стыдно — быть интернационалистом?

А что значит, что он был "в каком-то смысле марксистом... и остался им"? В каком же таком "смысле" Гроссман был и остался марксистом? И почему столь безусловно ясно, что позиция марксиста и интернационалиста "едва ли у кого встретит сочувствие"? Я знаю многих и многих, которые предпочитают интернационализм всякому национальному фанатизму... Насчет марксистов, то их на свете немало; думаю, несколько десятков миллионов. Что же значит — "едва ли у кого..."?

Липкин, далее, обвинен в том, что он "комментирует поспешно и уклончиво" поворот Гроссмана, который произошел якобы исключительно под влиянием трагической судьбы евреев. "Еврейская трагедия, — пишет Липкин, — была для Гроссмана частью трагедии (...) всех жертв эпохи тотального уничтожения людей". Ю.Колкер строго осуждает Липкина: "Здесь недобросовестность мемуариста очень наглядна", — бросает он всердцах. И продолжает: "Вообще, суждения Липкина по национальному вопросу поверхностны и неотличимы от советских" (115). Видимо, Ю.Колкер лучше знал В.Гроссмана, чем его ближайший друг и первый читатель С.Липкин: почему же мемуары (живя в Москве и потому с опасностью для жизни) написал С.Липкин, а не (живя в Иерусалиме и потому ничем не рискуя) Ю.Колкер? Может быть, потому, что, когда В.Гроссман и С.Липкин вырабатывали свои "поверхностные взгляды" на национальный вопрос (в траншеях войны), Ю.Колкера еще не было на свете?

Странное умозаключение делает Ю.Колкер, читая книгу С.И.Липкина. Липкин констатирует приоритет Гроссмана: он, Гроссман, "первым нарисовал обширную картину погибающей за каторжной проволокой России". Он сделал это до Солженицына — отмечает (вслед за Липкиным) Ю.Колкер. Как известно, Госбезопасность конфисковала все экземпляры гроссмановского романа "Жизнь и судьба"; Липкин повествует об этом с горечью и негодованием. Но Ю.Колкер вычитывает у Липкина следующее: "Из контекста можно усмотреть (...), что самое несчастье "Жизни и судьбы" было, по его мысли (...) (то есть по мысли Липкина), делом Провидения, открывавшего путь другому, высочайшему гению..." (115). Что за фантазмагория? Из какого "контекста" Ю.Колкер вывел этот мистический вздор? И почему бы ему не поделиться с нами, с читателями, хоть малым отрывком из этого "контекста"?

Позволю себе сделать то, чего Ю.Колкер сделать не захотел, — привести этот "контекст". Вот он. "Гроссман собрал воедино и воссоздал все, о чем на протяжении лет, смертельно страшных лет нашей родины, настойчиво расспрашивал у выживших чудом и чудом вышедших на свободу лагерников, у людей ему близких и далеких, и первым нарисовал обширную картину погибающей за каторжной проволокой России. Ведь один день Ивана Денисовича для читателей еще не занялся, и я, слушая Гроссмана, уже не по отдельным рассказам, а впервые во всей своей безумной и с ума сводящей всеобщности узнал то, что болело, обливалось кровью во мне, о чем я думал постоянно и что в книге Гроссмана ошеломило меня точностью, подробностью изображения."

Таков этот "контекст". Где же тут Провидение, о котором говорит Колкер? Правда, дальше есть еще одно упоминание о Солженицыне, но и тут Провидение ни при чем.

"Один неглупый литератор, сказал мне, прочитав "Жизнь и судьбу": "Как Гроссману не повезло! Если бы свой роман с таким точным, потрясающим описанием лагерей он опубликовал до Солженицына!"

Я с этим не согласен. Конечно, что и говорить, было бы лучше, если бы люди, каким-то образом сохранившие роман, нашли в себе смелость позаботиться о судьбе рукописи раньше, но я твердо убежден, что открытия в литературе не ограничиваются темой. Открытием в литературе всегда является человек. И каждый по-своему — Солженицын и Гроссман — открыли человека в концлагере..."

По мнению С.И.Липкина — как его толкует Колкер — Провидение якобы способствовало конфискации романа Гроссмана, чтобы дать возможность пройти вперед "другому, высочайшему гению", Солженицыну. Провидение, оказывается, действует посредством сотрудников Госбезопасности... Но мы видим: утверждения Ю.Колкера не имеют ни малейшего отношения к тексту Липкина. Впрочем, Ю.Колкер и дальше в таком же духе угадывает мысли С.И.Липкина или, вернее, сочиняет за него. Вот другой пример, едва ли не еще более удивительный.

На квартиру Гроссмана являются "двое в штатском"; они ведут себя учтиво, но домработница говорит невестке Гроссмана: "Кажется, нехорошие люди пришли".

Бесхитростная женщина угадала — Липкин рассказывает об этом без нажима. Знаете ли вы, что из этого делает Ю.Колкер? Он пишет (даже и выписывать такой пассаж неловко): "Эту реплику Липкин воспроизводит без комментариев, но мысль его прозрачна: глас народа — глас Божий. В молчаливой этой послылке мне чудится нечто знакомое... (...) Именно так, одновременно выпренно и высокомерно, относились к народу русские народники XIX века..." (Обрываю здесь, хотя Ю.Колкер продолжает развешивать свою мысль). Честно скажу — не понимаю, о чем критик пишет. А если домработница в самом деле так сказала невестке? Причем тут "глас Божий"? И что означает это пояснение Колкера: "Именно так, одновременно выпренно и высокомерно..."? В чем же проявились у Липкина выпренность и высокомерие? В том, что он привел реплику домработницы "без комментариев"? Можно ли в "молчаливой послылке" быть "выпренным"? Да еще и высокомерным? Ну, а при чем тут русские народники? И все те развернутые выводы, которые Ю.Колкер делает из этой вполне невинной реплики домработницы? Бедная домработница, она не предполагала, что четверть века спустя тот факт, что С.И.Липкин вспомнит ее слова о нехороших людях, даст основание некоему Ю.Колкеру прийти к заключению, будто бы "Липкин наследует это чувство (русских народников!) чистым и незамутненным сквозь более чем столетнюю толщу, вынося за скобки все социальные и демографические катаклизмы, пережитые Россией" (115).

Ю.Колкеру кажется, что он недостаточно горячо поздравил Липкина с юбилеем. Поэтому он отмечает еще и другие "непривлекательные черты этой прозы и ее автора". Он с непрекаемой уверенностью заявляет, что "обобщающая мысль не является сильной стороной записок Липкина" и что "его религиозные суждения поспешны". А придравшись к словам Липкина, что когда-то "Горький искал Бога, то есть единственную правду", он обрушивает на Липкина совсем уже грозное обвинение: Липкин, дескать, "санкционирует элитарную спесь и зовет к насилию", да и к тому же проповедует горьковский тезис о том, что "если враг не сдастся, его уничтожают" (116); у Липкина Колкер видит и призыв к насилию, и "признание в умственной лени", и "триумф".

Совершенно ясно, в кого Ю.Колкер целит. Но почему бы ему не обрушить свой гнев не косвенно, а прямо — на Солженицына, в самом деле настаивающего на том, что истина одна, Божья, и что всякий плюрализм — от лукавого ("Наши плюралисты")? Зачем Ю.Колкер прикровенно спорит с Солженицыным, цепляясь к неотчетливому, мимоходом брошенному замечанию С.И.Липкина? Не потому ли, что Солженицына зедать небезопасно, а Липкин ответить не сможет — даже если ему, старому и больному писателю, удастся в Москве прочитать юбилейную статью Ю.Колкера?

Заключительная часть рецензии представляет собой набор более чем странных упреков. "Мемуары Липкина, — утверждает критик, — написаны рукою небрежной или усталой. Язык их беден и тяжел..." Это неправда, книга Липкина написана увлеченно и увлекательно. Ю.Колкер цепляется, например: Липкин пишет "ушел" вместо "умер", и ему, Колкеру, это не по вкусу. А почему? "Уйти" в смысле "умереть" — вполне принятый в русском литературном языке эвфемизм. Вам не нравится? Пишите иначе, но упрекать за такой синоним никто не имеет права. И уже совсем нельзя корить автора-москвича за то, что в его книге не так стоят запяты: "Знаки препинания расставлены кое-как (вопросительные предложения завершаются точкой; отсутствуют завершающие кавычки, что часто не дает возможности установить конец цитаты — распространенная и чисто советская ошибка)." Неправда, отнюдь не "чисто советская" — многие книги, выходящие на Западе, страдают тем же недостатком. Однако дело не в этом. Читая этот абзац рецензии, я глазам своим не верил: неужели Ю.Колкер забыл, что С.И.Липкин не мог держать корректуру своей книги? Что он живет в Москве, и ему невесело от того, что его книги выходят на Западе — не проверенные, не прочитанные автором? Критическое брюзжание подобного рода я не могу назвать иначе, чем безобразным и безнравственным.

Ну, а уж под конец рецензии — поток прямых оскорблений, ряд ударов наотмашь. Липкин, видите ли, "был конформистом" (Доводы? Никаких.) Он, видите ли, слишком поздно, только в 69 лет, собрался выйти из Союза писателей (а все остальные вышли раньше, так надо понимать?). Он "всю свою жизнь принадлежал к своеобразной касте... Даже войдя в пенсионный возраст, он не сразу (и не вполне) порвал с этой жреческой прослойкой, с положенными ему почестями и преимуществами". Даже если согласиться с этим недобросовестным рассуждением, можно ли забыть о том, что Липкин и Лиснянская сами ушли из Союза писателей? Кто еще так поступил? Один только Владимир. Даже Солженицын не ушел — его исключили. А другие наши писатели — Пастернак, Булгаков, Платонов, М.Петровых, Д.Самойлов, Ахматова, Кушнер, Глеб Семенов, Арс.Тарковский, Винокуров, Маршак — разве они порвали "с этой жреческой прослойкой"? Обвинение прежде всего бессмысленное. Но и, разумеется, безобразное, ибо предъявлено человеку, противопоставившему себя Союзу в старости, когда он уже не мог последовать примеру Ю.Колкера и репатрироваться в Израиль. Человеку, который для каждого своего собрата по литературе должен быть нравственным примером — для каждого, в том числе и для Ю.Колкера. Где бы сказать С.И.Липкину спасибо за его мужество и за преподанный им пример... Нет, Колкер бросает Липкину упрек в том, что он "не вполне" порвал с кастой (?), а также в том, что он ходил в рестораны и что у него "по временам водились деньги", и что он... Слушайте, слушайте! Что он не захотел "смешаться с народом, зарабатывать на жизнь нелюбимым, изнуряющим, плохо оплачиваемым трудом, как это делают 99% советских людей..." Вместо того, чтобы стать рабочим или дворником, С.И.Липкин зарабатывал на жизнь литературой — переводами. Пусть Ю.Колкер не удивляется моей ассоциации, но я узнаю в его филиппике голос судьи Савельевой, обвинявшей Иосифа Бродского в том, что он тунеядец: пишет стихи и переводит, а не работает на заводе фрезеровщиком. Разве логика не та же самая?

Не стал бы я писать это "Открытое письмо", если бы не два обстоятельства, изложением которых мне хочется его закончить.

Первое. "Страна и мир" — близкий мне журнал, я в нем систематически печатаюсь; я был до сих пор горд возможностью этого сотрудничества; надеюсь и впредь иметь все основания гордиться. В чужой или тем более враждебный журнал я своего протеста писать бы не стал.

Второе. С.И.Липкин живет в Москве, он не имеет возможности не только держать корректуру своих книг и расставлять запятые, но и отвечать Ю.Колкеру. Поэтому я счел своим долгом — долгом литератора, во многом единомышленника и уж во всяком случае благодарного читателя Семена Израилевича Липкина — сделать то, чего он сам сделать не может.

Е.Эткинд

Уважаемые подписчики! В 1987 году редакция вынуждена несколько изменить структуру журнала. "Страна и мир" будет выходить в увеличенном объеме, один раз в два месяца.

Подписчиков, которых эти условия не удовлетворяют, мы просим сообщить нам об этом; им будет возвращена абонементная плата.

*Редакция и издательство
"Страна и мир"*

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 1986 г.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

И. Брежнев. Вторая республика Гвинея (1–2). Б. Вайль. Борец за разрядку или агент КГБ? (6); Ильяч шагает по планете (7); "Моя жизнь с КГБ" (11). В. Вольский. На переломе (9). В. Кучинский. Положение в Польше (1–12). Л. Косман. Американский союз гражданских свобод (10). О. Максимова. Карибское море — место беспокойное (4). Я. Руссакис. Греко-турецкая встреча (1–2). Г. Ферон. Обзор текущих событий (1–2, 10, 11). Г. Фридлянд. Религия, закон и общество (3). К. Фриман. Постиндустриальное общество США (5). С. Черток. Иордания: конец прекрасной эпохи (9); Ливан в огне (1–2); Хотят ли в Сирии войны? (7). Б. Шрагин. Сенат на экране (8). К.-Г. Штрэм. Москва—Иерусалим (9). Афганистан и Иран (10); Афганистан: обзор событий (12); Афганский Андропов (5); В защиту частной жизни (4); Девятьсот лет назад и сегодня (4); Дело Данилова (9); Дело о клевете (8); Дело президента Австрии (7); Драконы в свободном полете (11); Кризис бродит по Европе (1–2); Мальта между Востоком и Западом (5); Между Шиллой и Харибдой (6); Национальные интересы СССР на Новых Гебридах (9); Невеселое президентство (11); Острова без сокровищ (8); Проблемы Тибета (8); Северная Корея — страна африканская (3); Спор о столице (3); Страна без справедливости (1–2); Страна остановившихся часов (6); Трудности индийского коммунизма (9); ФРГ до и после выборов (11); Холодное соседство (10); Черная Африка и экономическая реальность (9); Черная дыра тотальной войны (4); Эфиопия: великое переселение (6).

ВЕСТИ ИЗ СССР. ОПОЗИЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ

А. Б. Обзор событий в СССР (1–2, 3–9, 11); А. Д. Сахаров в Москве (12); В дальних рейсах (7); Возможная реорганизация советских ракетных войск (6); "Даешь — даю" (8); Дело Фонда помощи политзаключенным (10); Еще одна мирная инициатива (9); Ч. Краутхаммер. Помилование как показатель тирании (12); Т. Зуншайн. Черная дыра (7); Летайте самолетами Аэрофлота (3); Михаил Кукобака — рабочий, публицист, политический заключенный (3); Неожиданные освобождения политзаключенных (10); Нормальная классовая борьба (4); Перестройка в экспортном исполнении (10); Правда для Горбачева (3); Приговор Кириллу Попову (5); Проклятая квартира (12); Психиатрическая тюрьма в Ленинграде (4); Режим наименьшего благоприятствования (1–2); М. Рейтман. Мир и не от мира сего (4); А. Рубченко. Не только в Азии (12); Сахаров пишет из ссылки (3); Сколько стоит стресс (11); Советские немцы добиваются репатриации (8); Советское золото (10); Судьба Анатолия Корягина (1–2); Судьба Николая Рыжкова (9); Э. Финкельштейн. Человек, его мысль и его дело. К 65-летию акад. Сахарова (5); С. Черток. Дом-музей Цветаевой (11); Развенчание кинокумира (9).

ЧЕРНОБЫЛЬ

Атомное облако над "безъядерной Балтикой"	7
Б. Комаров. Кто не боится атомных электростанций	6
К. Любарский. Чернобыльская трагедия	5
К. Любарский. Чернобыльская трагедия. Статья вторая	10
Сколько стоит Чернобыль	6
Б. Шрагин. Эхо Чернобыля в США	6

СОВЕТСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ. ХОЗЯЙСТВО СТРАНЫ

Р. Бахтамов. Знак равенства (10); Искусство называть вещи своими именами (3); Наше неантагонистическое общество (9); О мерах по усилению (7); Партийная организация и партийная литература (8); Страна и мир (11); Там, за чертой горизонта (1–2); Трудно быть директором (4); Философия нищеты и нищета философии (12); $X=f(y)$, или Экономика как функция политики (5); $Y=f(x)$, или Политика как функция экономики (6).	
Государственный Самиздат. Выдержки из беседы М.С.Горбачева с членами Союза писателей СССР (11); Выписка из выступления тов. Б.Н.Ельцина 11 апреля с.г. перед пропагандистами г. Москвы; Комментарий А.Б. (9); Стяжательство безнравственно и преступно (6); Информация шепотом (6).	
М. Дейч. Слово и дело. Размышления над размышлениями газеты "Известия"	8.
Б. Комаров. Природа в идеальном социалистическом обществе	1–2
Дж. Оберг. Двадцать пять вопросов о советской космонавтике	1–2
Э. Орловский. Некоторые впечатления от съезда	4
П. Слободкин. Бремя надежд	4
Д. Толмазин. Проект века	7
А. Югов. Человек без места	4

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

Б.А. Бремя Гименея (3); Теоретик справедливости (3). Вот тебе, бабушка, и Юрьев день (6); Вы приехали в Москву (6). М. Дейч. Шпионские страсти (8). Еще одно свидетельство (6); Закон, по которому радость приходит (1–2); Идеальная борьба и ответственность парикмахера (1–2); Их нравы (7); Ленинградский детектив (4); На очереди вспашка огородов (5); Некая сумма лжи (10); Ниточки и канаты (7); Новое время — новые песни (1–2); Остаточный принцип (10); Сделай сам (10); С чего бы это, или феномен Большой Вселенной (5); Тайны театра зверей (7); Туман таинственности и ветер гласности (10); Угадай, за кого ты будешь голосовать (3). И. Уоллес. Говорит и показывает Москва (9).

ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ СТРАНЫ. ТОТАЛИТАРИЗМ

М. Болховской. Третья попытка одного поколения	12
Виктор Астафьев — взгляд извне и изнутри (переписка Н.Эйдельмана и В.Астафьева)	12
В. Войнович. О заметках Олега Волкова (10); Праздные размышления в игрушечном магазине (11)	10
О. Волков. Трудно быть оптимистом. Заметки о гласности	10
В. П. От московского читателя	12
Л. Дымерская. Замечания к истории, или история, сотворенная по замечаниям. Статья вторая	11
И. Ефимов. Интеллигенция и советская власть	9
Л. Колаковский. Ради братства или ради разрушения?	5
С. Максудов. Демографические очерки. 3. Ждет ли Россию катастрофа?	1–2
Р. Пайпс. Узаконенное беззаконие	1–2
Б. Хазанов. По ком звонит потонувший колокол	12
И. Эренбург. Обоснование презрения	12

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО МИРА

В. Бартошевский. Нет мира без свободы	11
Д. Биндер. Хороша страна Болгария	6
А. Бузуглу. Тридцать лет спустя	11
И. и В. Валента. Сандинисты у власти	6
А. Валицкий. Польские парадоксы	8
К. Гати. Имре Надь и Москва	11
Е. Гольцер. Только перемены	8
В. Дымарова, Н. Аурелиу. Чаушеску при жизни и после смерти. Румынский прогноз	6
Я. Липский. Вассал и сюзерен	8
Я. Карпинский. Преступник и жертва	8
С. Киселевский. Выпадет ли счастливый номер?	8
Л. Колаковский. "Органическая работа" в стране социализма (8); Похвала изгнанию (1–2).	
В. Кучинский. Дух народа — высшая реальность	8
К. Любарский. Стена	9
Дж. Майкл. Правительство при свете дня	9
К. Помян. Автономия власти и автономия общества	8
Я. Руссакис. В стороне от Парфенона	7
Е. Сурдуковский. Распространяем с мифами	8
"Тайна спасения именуется памятью". Речь федерального президента ФРГ Рихарда фон Вейцзеккера	12
В. Флюссер. Родина и чужбина	1–2
Ю. Чикарлеев. Безработица	4
Р. Шнейдер. Лукач и восстание в Будапеште	11

КУЛЬТУРА. ФИЛОСОФИЯ. ТЕОЛОГИЯ

П. Альбург. Люди и шахматы	5
С. Гафнер. В тени истории. Прыжок в царство свободы, или что осталось от истории (1–2); Дракон, стерегущий сокровище, или что осталось от буржуазной революции (4); Ле- нин, или что осталось от социалистической революции. Трехмерный телевизор, или что осталось от будущего (5)	
М. Дейч. Третий лишний	5
Dominiun et vivificantem ("Господа животворящего"). Энциклика папы Иоанна Павла II	7–9
Н. Лосский. Несколько соображений по поводу письма С.Маркуса и текста "От публикатора"	12
К. Любарский. Теология освобождения	1–2
Т. Манн. Брат Гитлер	12
И.-Б. Мец. Вторая реформация, или будущее христианства	1–2
Г. Орлов. При дворе торжествующей лжи	3
Письмо С.Маркуса священнику А.Меню	12
Самиздат. Религиозное возрождение или капитуляция? От публикатора	12
Б. Хазанов. Письмо на родину	1–2
С. Черток. Из всех искусств самое важное...	3

- Е. Эткинд. Два письма из Парижа (1—2); От Анатоля Франса до Эври Шацмана (8); Письма из Парижа (5).
Е. Юнг. На поклон в страну социализма (8); Танцы в замкнутом пространстве (4).

ПИСАТЕЛИ И ЛИТЕРАТУРА

Г. Бен. Татьяна Гнедич, переводчица Байрона	11
И. Бродский. Муза плача	7
"Век сумасшедший мне сопутствовал..." К 75-летию Семена Липкина	10
Е. Гессен. В какие игры играют тигры (4); Во имя четвертого времени (8).	
М. Дейч. Интеллигент с музыкальным слухом (1—2); Феномен Высоцкого (10).	
М. Каганская. Миф Двадцать первого века, или Россия во мгле. Часть I. Борьба миров	11
О. Максимова. Я тебя люблю, но ты мне не нравишься. О стихах Иосифа Бродского	7
В. Мушг. Разрушение немецкой литературы	1—2
А. Назаров. Охота на человека	10
Б. Парамонов. Кое-что о Чехове	11
М. Поповский. Кое-что о книгах (3); Однофамильцы (5).	
Роберт Музиль и КГБ	5
Х. Фридль Сапата. Борхес в языке и традиции	7
Вл. Ходасевич. "Литература, задыхнувшаяся от счастья". Статьи о русских и советских писателях	10
Е. Ю. Конгресс ПЕН-клуба: писатель и государство	1—2
Е. Юнг. Независимый ад	1—2
Юрий Карабчиевский удостоен премии имени Дала	12
А. Ясаков. Кое-что о прозе и публицистике Виктора Астафьева	12

ФОТОРУБРИКА. ГОРОДА МИРА

Берлинская стена	9
Владимир Высоцкий	10
"Из всех искусств самое важное..."	3
О. Максимова. Монреаль	5
Независимое движение за мир	4
Революция в Никарагуа	6
"Страна и мир" на книжных ярмарках	11
Теология освобождения	1—2
Чернобыльская катастрофа	5, 10
И. Шамир. Порт-Саид	3

БЕСЕДЫ И ИНТЕРВЬЮ

- Г. Торанская. Они. Государственный человек № 2 (1—2); Исповедь начальника агитпропа (3); Рыцарь на час (4).
Суд и конституция. Беседа с членом Верховного суда США Уильямом Дж. Бреннаном 10

РЕЦЕНЗИИ

Б. Енсен. После Москвы (А. Шевченко, "Разрыв с Москвой", 1985)	1—2
Ю. Колкер. Жизнь и судьба Вас. Гроссмана (С. Липкин, "Сталинград Василия Гроссмана", 1986) 10	
М. Лемхин. Первый блин (Л. Геллер, "Вселенная за пределами догмы", 1985)	3
М. фон Фахендорф. Венок юному Зигфриду (К. Шмидт-Хойер, "Михаил Горбачев", 1986)	6
Э. Финкельштейн. Летопись сопротивления (Л. Алексеева, "История инакомыслия", 1984)	1—2
Б. Хазанов. Одну Россию в мире видя (Ф. Горенштейн, "Псалом", 1986) (9); Сто граммов голландского сыра с землей, или Искусство хавать хаванину. (Ю. Милославский, "От шума всадников и стрелков", 1984) (1—2).	
Р. Шапиро. Дрессированное правосудие. (Д. Каминская, "Записки адвоката", 1984)	6
Е. Эткинд. Сколько нас было (Альманах "Минувшее", 1986)	6

ПАМЯТИ УШЕДШИХ. АРХИВ. ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ. КОРОТКИЕ ЗАМЕТКИ

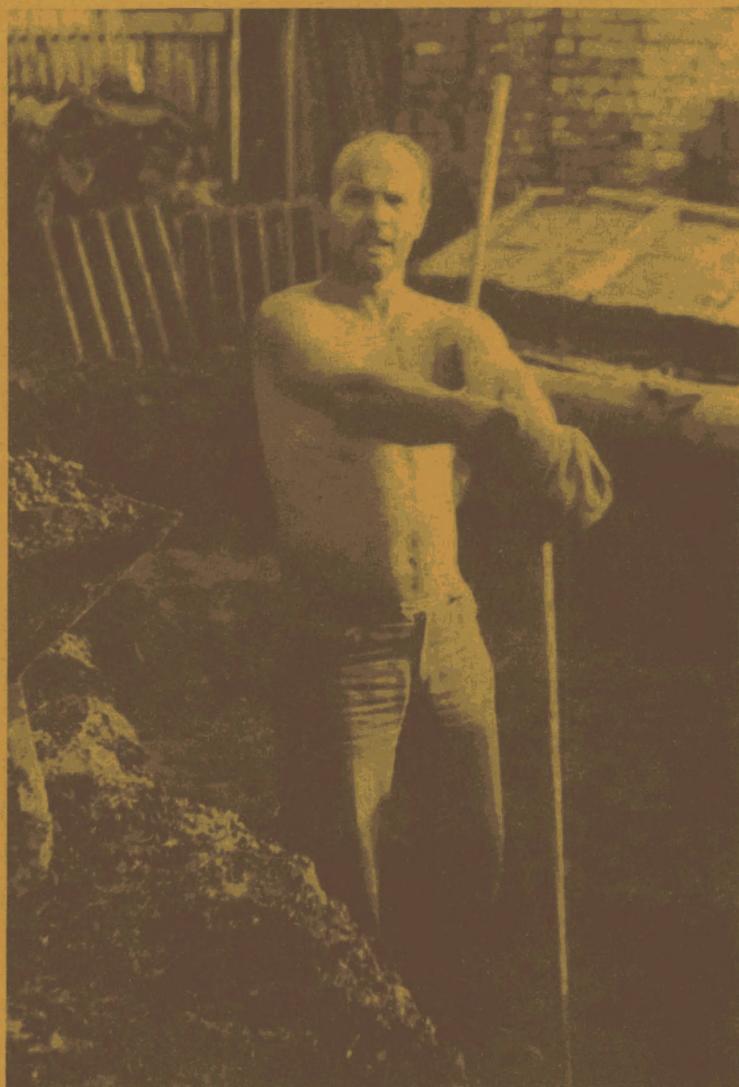
В. Герасимчук. Простота хуже воровства	6
Из газет	1—2, 4—11
Ф. Кривин. Извозчики города Глазго	1—2
С. Лец. Там, где запрещено смеяться	3
Между прочим	7, 10, 11
Меню съезда	8
С. Мрожек. Дорогой, многоуважаемый социализм!	4
Э. Орловский. Где найти документы ООН?	8
Паноптикум. "Сократился рост дебилов..."	6
Песочные часы, мифология окраин, игры со временем и пространством. Смерть Хорхе Борхеса	7
Письма в редакцию	1—2, 10—12
Притча о мертвом дереве. Смерть Андрея Тарковского	12

Не современникам, не соотечественникам, — человечеству передаю я свой ныне оконченный труд, в уверенности, что когда-нибудь он будет оценен... Тот, кто всерьез берется за дело, не приносящее материальной выгоды, не может рассчитывать на сочувствие сограждан. В конце концов это в порядке вещей: все ценное требует времени, чтобы быть оцененным.

Видя сегодняшнее — как, например, в нашей стране — примечательное оживление, всеобщую суету, писание и говорение на философские темы, можно не колеблясь сказать, что подлинный перводвижитель, скрытая пружина этого движения, вопреки гордым жестам и торжественным заявлениям, — вполне земные, отнюдь не идеальные устремления, что попросту говоря тут преследуются личные, служебные, государственные, церковные, короче — материальные цели, что, следовательно партийные, а не какие-либо иные нужды приводят в движение многочисленные перья, между тем как истина — это последнее, о чем здесь вспоминают. У нее не бывает партийных соратников... Да, я готов заявить, что никакая эпоха не была столь неблагоприятна для философии, как эта, когда, с одной стороны, философию используют для государственных целей, а с другой — злоупотребляют ею ради наживы. Или, может быть, кто-то всерьез думает, что в этой крикливой толпе истина, о которой никто не помышляет, захочет приподнять свое покрывало? Истина — не уличная девка, которая бросается на шею тем, кто ее не хочет; истина — это гордая и холодная красавица, и даже тот, кто пожертвовал ей всю жизнь, не может быть уверен в ее благосклонности.

Артур Шопенгауэр, "Мир как воля и представление",
предисловие ко 2-му изд. (1844 г.)

ЖИВИ КАК ВСЕ

**СТРАНИЦЫ
ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОЙ КНИГИ
АНАТОЛИЯ МАРЧЕНКО**

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ